633(253)
—
C 34

БИБЛІОТЕКА
ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ.
3344.
28 6/49

28 6/49

344.

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И. Г. ШЕШУНОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ВОСТОЧНОМУ ОБОЗРѢНІЮ“

1893 годъ.

ВЫПУСКЪ II.

ИРКУТСКЪ.
Типографія К. І. Витковской, Харламп. ул. д. № 1.
1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Новая попытка достигнуть сѣвернаго полюса. *Публичная лекція, читанная Д. А. Клеменцъ въ Кяхтѣ 11-го марта 1893 года* 1

II. Сочельникъ на чужбинѣ. *Изъ Адама Шиманьскаго «Двѣ Молитвы»*. **В. С—ва.** 25

III. Уличная жизнь въ Пекинѣ. **Левина.** 42

IV. Наканунѣ гибели. *Таежные этюды.* **Н. Сармина.** . . . 58

V. Солонечный поселокъ и его минеральный ключъ. **Г. Стукова.** 74

VI. Мангазея съ уѣздомъ и новый взглядъ на инородческій вопросъ. *По поводу «Мангазеи» проф. Буцинскаго.* **С. М. А.** 85

VII. Итоги народнаго просвѣщенія въ Минусинскомъ краѣ за 1892 г. **П. Головачева.** 94

VIII. Новѣйшія свѣдѣнія объ экспедиціи доктора Нансэна. **Д. А. Клеменцъ.** 112

К
2р.
нет с. 85-96.
(Очерк о Мангазее)
9(57)
С-34

СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ

подъ редакціею И. Г. Шегунова.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ВОСТОЧНОМУ ОБОЗРѢНІЮ“

1893 Г.

ВЫПУСКЪ II.

Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 22540
84
02
08

ИРКУТСКЪ.
Типографія К. І. Витковской, Харламп. ул., д. № 1.
1893.

Дозволено цензурою: Иркутскъ, Октября 30-го дня 1893 года.

НОВАЯ ПОПЫТКА ДОСТИГНУТЬ СѢВЕРНАГО ПОЛЮСА.

(Публичная лекція, читанная Д. А. Клеменцъ въ Кяхтѣ, 11-го марта 1893 г.).

М. г–ни и М. г–ри.

Разсказы о полярныхъ странахъ и о полярныхъ путешествіяхъ очень популярны среди читающей публики. Цѣлыя серіи популярныхъ книгъ и статей циркулируютъ объ этихъ предметахъ. Имена многихъ крупныхъ изслѣдователей другихъ странъ остаются большинству неизвѣстными—замѣчательныхъ полярныхъ путешественниковъ всѣ знаютъ. У графа Льва Николаевича Толстого, въ Ясной Полянѣ, крестьянскіе мальчики писали сочиненія о томъ, какъ Кэнъ отыскивалъ Франклина. Извѣстный всему свѣту сказочникъ-популяризаторъ Жюль Вернъ въ яркихъ краскахъ, но съ замѣчательнымъ правдоподобіемъ, изобразилъ въ формѣ доступной даже для малограмотнаго человѣка фантастическую исторію открытія сѣвернаго полюса. Даже въ романахъ мы теперь встрѣчаемъ описаніе сценъ и картинъ арктическихъ странъ. Не безызвѣстный англійскій беллетристъ Уильки Коллинзъ написалъ драму, мѣсто дѣйствія которой—полярныя страны, а герои—участники полярной экспедиціи. Драма эта разыгрывалась въ Англіи любителями и заглавную роль исполнялъ тамъ нерѣдко другъ автора знаменитый *Чарльзъ-Диккенсъ*.

Сначала погоня за промысловымъ звѣремъ, затѣмъ отысканіе сѣверныхъ путей въ богатую юговосточную Азію, а въ болѣе новыя времена любознательность непрерывно привлекали вниманіе образованнаго міра къ этимъ негостепріимнымъ странамъ. Полярный міръ—міръ совершенно особенный; онъ какъ будто принадлежитъ другой планетѣ. Окованный льдами, онъ, погруженный въ непроглядный мракъ, среди котораго вдругъ, какъ-бы по мановенію волшебства, загорается фантастическое полярное сіяніе—явленіе неописуемой красоты и величія. Кругомъ зрителя оцѣпенѣлая неподвижность и

тишина, а на небѣ «играютъ сполохи», какъ говорятъ наши обитатели сѣвера, какая-то грозная борьба и движеніе. Кончается необъятная ночь, поднимается незаходящее солнце и цѣлые шесть мѣсяцевъ обходитъ дозоромъ горизонтъ. И населеніе этой области не похоже на наше—оно напоминаетъ собою чудовищъ былыхъ эпохъ жизни нашей планеты: громадные киты и ревучіе, съ громадными клыками полурыбы-полузвѣри—моржи, полярный медвѣдь—всѣ они близко напоминаютъ своихъ вымершихъ сотоварищей, кости которыхъ покоятся въ оледенѣлыхъ арктическихъ странахъ. На крайнемъ сѣверѣ Америки до сихъ поръ еще бродитъ живой сверстникъ мамонтовъ и носороговъ, странный звѣрь, не то быкъ, не то громадный баранъ, которому и названіе-то дали странное овцебыкъ—ни овца, ни быкъ. Сохранился онъ только тамъ словно для того, чтобы показать намъ своей странной фигурой насколько міръ прошлаго былъ не похожъ на современный. Страшные стужи, морскіе ураганы, льды, то неподвижные, то превращающіеся въ двигающіяся горы, и страшные звѣри напоминаютъ собою волшебныхъ хранителей заколдованнаго клада нашихъ сказокъ. Интересенъ этотъ фантастическій міръ для любознательнаго ума, но интересъ этотъ еще болѣе усиливается, когда на этой сказочной сценѣ одинъ за другимъ являются богатыри и одинокіе, оторванные отъ всего міра, выступаютъ въ бой «съ силой нездѣшнею». Эта борьба, полная героизма, полна драматическаго интереса, и наше сочувствіе къ дѣйствующимъ лицамъ возрастаетъ еще болѣе при сознаніи, что здѣсь дѣло ведется во имя науки, во имя идеи, что люди жертвуютъ собой исключительно ради истины.

Немудрено стало-быть, что объ этой наименѣе изслѣдованной части нашей земного шара публика знаетъ больше нежели о другихъ странахъ, лучше изслѣдованныхъ.

Но это общее знакомство съ дѣломъ невольно заставляетъ предполагать вопросы съ вашей стороны, м г-ни и м. г-ри.

Опять новая попытка попасть къ полюсу, развѣ мало уже старыхъ дорогихъ уроковъ?

Искали сѣверо-западный проходъ; долго искали тщетно, снаряжали десятки экспедицій, потомъ уже не затѣмъ, чтобы найти пресловутый западный путь, а чтобы отыскать искавшаго его Франклина. Открываетъ, наконецъ, этотъ про-

ходъ Макъ-Клюръ за тѣмъ, чтобы сказать—«онъ никакого практическаго значенія не имѣетъ», а послѣ прорытія Суэцкаго канала въ немъ миновала всякая надобность. Норденшильдъ открылъ сѣверо-восточный путь и возлагалъ на него большія надежды, но до сихъ поръ эти надежды не оправдываются. Послѣ него, вотъ уже 10 лѣтъ, мы видимъ, что не только весь его путь, но и дорога изъ Англіи до устьевъ Енисея еще недостаточно наѣзжена. Тэрсъ на западѣ, Прайэръ и Вейпрехтъ между Шпицбергеномъ и Новой Землей, кажется, сдѣлали все возможное для разрѣшенія вѣковой задачи. Трагическая судьба Делонга и его парохода Жанеты всѣмъ здѣсь намъ памятна. Какія-же гарантіи на успѣхъ представляетъ новая попытка?

Дѣйствительно—всѣ эти неудачныя попытки внесли не малую долю разочарованія въ публикѣ и въ міръ ученыхъ. Начинаютъ раздаваться голоса противъ дорого стоющихъ экспедицій, научные результаты которыхъ не оправдываютъ ни жертвъ, ни риска, съ которыми они неизбѣжно сопряжены.

Одинъ изъ первыхъ авторитетовъ полярной географіи, покойный лейтенантъ Вейпрехтъ, въ очень рѣзкой формѣ осудилъ въ одной своей публичной рѣчи международную скачку съ препятствіями къ полюсу. «Ставя себѣ задачей одно,—какъ можно дальше подвинуться къ полюсу, —подобная экспедиція ставитъ своей задачей не задерживаться гдѣ-либо для научныхъ изслѣдованій и двигаться впередъ и впередъ. Покуда судно еще двигается между льдами—ведутся разныя наблюденія, коль-скоро надежда двинуться впередъ на судѣ потеряна—выступаютъ на сцену сани, а передвиженіе на саняхъ на столько утомительно, трудно и неудобно, что о какихъ-либо систематическихъ наблюденіяхъ не можетъ быть и рѣчи». Оканчивая изложеніе своей критики полярныхъ путешествій, Вейпрехтъ сказалъ: «мнѣ могутъ возразить, что я говорю противъ себя, я самъ одинъ изъ участниковъ такой полярной экспедиціи. — Да я и осуждаю самъ себя и свою прежнюю дѣятельность на этомъ поприщѣ».

Одинъ критикъ на это совершенно справедливо замѣтилъ, что самъ-то Вейпрехтъ могъ осудить себя сколько угодно, но ни у кого изъ постороннихъ простое чувство справедливости, помимо высокаго уваженія къ нему, не позволило-бы сказать чего-либо подобнаго. Географъ, открывшій землю Франца-

Іосифа—одно изъ наиболѣе блестящихъ пріобрѣтеній новѣйшаго времени, доставившій рядъ цѣнныхъ и единственныхъ наблюденій изъ этой далекой мѣстности, которую послѣ него только и видѣли еще одинъ разъ, можетъ осуждать себя сколько угодно, заслугъ или подвиговъ его никто не забудетъ. Увлеченный вмѣстѣ съ своимъ другомъ, графомъ Вильчекъ, идеей устройства цѣлаго ряда околополярныхъ метеорологическихъ станцій, знаменитый мореплаватель слишкомъ сурово отнесся къ попыткамъ изслѣдованія сѣвера путемъ экспедицій къ полюсу. Изслѣдованіе всякой новой страны проходитъ три фазиса. Первый періодъ—нами невѣдомая область, бѣлое мѣсто на картѣ. Для освѣщенія его идутъ путешественники, въ родѣ Стенли, Пржевальскаго, и приносятъ первыя свѣдѣнія о странѣ. Эти свѣдѣнія даютъ первымъ возможность намѣтить нѣкоторые общіе пути и общія задачи этнографическія и физикогеографическія; затѣмъ уже идутъ путешественники спеціалисты, ботаники, зоографы, геологи и т. п. Потомъ, наконецъ, по мѣрѣ доступности, выясненія условій работы, изслѣдованіе страны становится стаціонарнымъ. Разумѣется, если-бы вмѣсто широкихъ попытокъ достиженія полюса заведены были станціи на доступныхъ околополярныхъ мѣстахъ, если-бъ снаряжались экспедиціи спеціально для изученія полярныхъ теченій, природы, полярныхъ странъ и все въ мѣстахъ удободостижимыхъ—самый вопросъ объ изученіи земли въ околополюсныхъ мѣстахъ выяснился-бы лучше; но любой студентъ, срѣзавшійся на экзаменѣ, отлично знаетъ, что нужно было сдѣлать, чтобы его выдержать, каждый полководецъ, проигравшій сраженіе, превосходно знаетъ, почему онъ его проигралъ. Сверхъ того, въ вопросѣ о полярныхъ изслѣдованіяхъ, какъ и всякихъ научныхъ предпріятіяхъ, требующихъ большихъ средствъ, многое зависитъ отъ настроенія и взглядовъ общества: на попытки достиженія полюса, на сѣверовосточный и сѣверозападный проходы, на разысканіе Франклина—деньги вносились десятками тысячъ рублей по подпискѣ, а на полярныя метеорологическія станціи, только благодаря неутомимымъ трудамъ Вейпрехта, его авторитету и авторитету графа Величко, удалось собрать нужныя суммы, и этотъ вопросъ до сихъ поръ можно считать только поставленнымъ, но нерѣшеннымъ.

Надобно также сказать, что теперь полярныя экспедиціи уже далеко не представляютъ международныхъ скачекъ къ полюсу. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ шведскіе ученые изслѣдуютъ упорно Шпицбергенъ, идутъ непрерывныя изслѣдованія Гренландіи, сооружаются экспедиціи для изслѣдованія магнитнаго полюса, открытаго 60 лѣтъ тому назадъ. Если-бъ, напримѣръ, Норденшильдъ задался только задачей найти сѣверовосточный проходъ—онъ легко могъ пройти наше азіатское побережье; но онъ умышленно, рискуя замерзнуть во льдахъ, дѣлалъ остановки, собиралъ матеріалы, дѣлалъ съемки гаваней, потому что теперь всякая полярная экспедиція имѣетъ въ виду, что неудача намѣченной заранѣе конечной цѣли вознаградится подробнымъ изслѣдованіемъ страны.

Есть въ средѣ европейскихъ странъ одна, которая, не принимала участія въ «международной скачкѣ къ полюсу, не соорудила съ этой цѣлью ни одной экспедиціи, но между тѣмъ ея заслуги въ дѣлѣ изученія полярныхъ странъ могутъ выдержать конкурренцію съ кѣмъ угодно,—это Россія. Мы дважды открыли Беринговъ проливъ—рѣшили задачу объ отношеніяхъ стараго и новаго материковъ. Еще въ прошломъ столѣтіи русскіе моряки—Овцыны, Прончищевы, Лаптевы описали все побережье Азіи. Труды Врангеля, Анжу, Миддендорфа подготовили, сдѣлали возможнымъ вѣроятное рѣшеніе вопроса о сѣверовосточномъ проходѣ, который благодаря авторитету Баррова, съ прошлаго столѣтія считался сданнымъ въ архивъ. Путешествія Бунге и Толя на крайнемъ сѣверѣ Сибири и въ дальнихъ перспективахъ не имѣли въ виду чего-либо, кромѣ детальнаго изслѣдованія уголка нашихъ сѣверныхъ окраинъ. Поднимается вопросъ о полярныхъ метеорологическихъ станціяхъ—наше правительство въ числѣ первыхъ откликается на него. Самая сѣверная зоологическая станція на свѣтѣ—русская, устроенная въ Соловкахъ профессоромъ Н. П. Вагнеромъ, въ экспедиціи Норденшильда принялъ крупное участіе А. М. Сибиряковъ и теперь неутомимо работающій на сѣверозападѣ Сибири. Русскія полярныя путешествія отличаются еще особой чертой. Въ нашихъ полярныхъ изслѣдованіяхъ принимали участіе женщины. Прончищева въ его изслѣдованіяхъ крайняго сѣвера, на берегахъ Таймырскаго полуострова сопровождала его жена. Она закрыла глаза неутомимому труженику и сама

пережила его только нѣсколькими днями. Если западныя націи гордятся тѣмъ, что та или другая ихъ экспедиція проникла дальше къ сѣверу, смотрятъ на это, какъ на доказательство особаго мужества и преданности дѣлу, то и мы можемъ сказать, что русская женщина еще въ прошломъ столѣтіи была подъ 77° сѣв. широты, куда не всегда достигали и новѣйшія полярныя экспедиціи. И все это дѣлалось въ прошломъ вѣкѣ, на плохихъ сибирскихъ судахъ, съ самымъ скуднымъ снаряженіемъ. Имя леди Франклинъ, организовавшей цѣлый рядъ полярныхъ экспедицій, покрыто громкой славой, оно перейдетъ въ исторію и это будетъ достойно и праведно; но не достойно и неправедно, что русская женщина, сложившая свои кости на крайнемъ сѣверѣ, дѣля ученые труды своего знаменитаго мужа, неизвѣстна намъ даже по имени и отчеству. Даже писатели-спеціалисты по исторіи русской женщины проглядѣли Прончищеву. Одно полузабытое имя, невѣдомая могила на крайнемъ сѣверѣ, въ вѣчно-мерзлой землѣ, на берегу суроваго ледянаго океана,— вотъ единственная награда отъ забывчивыхъ современниковъ и невнимательнаго потомства.

Послѣ этого невольнаго отступленія перейдемъ къ попыткѣ Нансэна, покажемъ, чѣмъ она отличается отъ другихъ.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я, вмѣсто собственнаго изложенія, передамъ вамъ, какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года излагалъ свой планъ, передъ королевскимъ лондонскимъ географическимъ обществомъ, самъ творецъ новой попытки достигнуть полюса, молодой, но энергичный норвежскій ученый путешественникъ Нансэнъ, а послѣ для полноты дѣла скажу и о тѣхъ возраженіяхъ, которыя были сдѣланы ему компетентными людьми.

Раньше чѣмъ заставить говорить самого Нансэна о его предпріятіи, мнѣ-бы хотѣлось ознакомить васъ, м. г. и м. г., съ нимъ самимъ, но я самъ мало знаю о немъ, какъ о человѣкѣ. Онъ норвежецъ родомъ, молодой, но уже пользующійся почетной извѣстностью въ наукѣ, страстный путешественникъ. Онъ уже плавалъ въ полярныхъ моряхъ, но крупную извѣстность доставило ему его послѣднее путешествіе на лыжахъ черезъ Гренландію. Бывали и раньше планы и даже попытки осуществить смѣлый, трудный планъ путешествія на лыжахъ черезъ Гренландію, но они оканчивались почти

безрезультатно. Нансэну-же удалось рѣшить блистательно эту задачу. На лыжахъ черезъ Гренландію. Тутъ невольно приходятъ въ голову праздные спортсмэны, которые, то верхомъ, то пѣшкомъ, то на велосипедахъ, крестятъ вдоль и поперекъ континенты, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить пустоту праздпаго существованія и пріобрѣсти эфемерную извѣстность человѣка, который въ состояніи просидѣть столько-то мѣсяцевъ на спинѣ коня или цѣлый годъ не дѣлать ничего иного, какъ только изо дня въ день вращать ногами колесо велосипеда. Не разовьетъ-ли примѣръ Нансэна новый видъ спорта—на лыжахъ? Но путешествіе Нансэна не изъ тѣхъ, которыя по плечу не только досужимъ спортсмэнамъ, но и многимъ серьезнымъ людямъ. Не смотря на трудности, съ которыми было сопряжено подобное путешествіе, на неизбѣжную ограниченность перевозочныхъ средствъ, заставлявшихъ изслѣдователей съ большимъ разборомъ собирать коллекціи, имѣть ограниченный выборъ инструментовъ—его путешествіе богато интересными, дѣльными и новыми данными объ этой суровой странѣ. Его замѣчательная книга объ этомъ путешествіи реферировалась во всѣхъ солидныхъ географическихъ журналахъ и она сама по себѣ живой памятникъ талантливости автора. Описанія этой неблагодарной и однообразной страны читаются съ захватывающимъ интересомъ. Сдѣлавъ свое дѣло, Нансэнъ указалъ дорогу и другимъ: въ текущемъ году отправляется такимъ-же способомъ снаряженная новая англійская экспедиція въ Гренландію.

Должно быть, однако, все, сдѣланное Нансэномъ до сихъ поръ, еще даетъ малое понятіе о размѣрахъ его способностей. Есть немногія строки о немъ въ воспоминаніяхъ о Софьѣ Васильевнѣ Ковалевской, помѣщенныхъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Личные знакомые рисуютъ его, какъ человѣка стоящаго далеко выше не дюжиннаго, а интеллигентнаго средняго уровня. Въ обществѣ выдающихся умовъ Швеціи, среди котораго вращалась Ковалевская и ея подруга, говорили, что гдѣ появится Нансэнъ, тамъ невольно общее вниманіе обращено на него, онъ всѣхъ занимаетъ собою. Не свѣтской-же болтовней, не мишурными талантами гостиной увлекалъ онъ серьезное общество! Давались о немъ и такіе отзывы по поводу его страсти къ путешествіямъ: слишкомъ дорогъ Нансэнъ,

чтобы позволять ему рисковать своею жизнью въ опасныхъ экспедиціяхъ.

И вотъ этотъ человѣкъ рѣшился поднять вопросъ о путешествіи къ полюсу и объ изслѣдованіяхъ крайняго сѣвера въ высокихъ, до сихъ поръ недоступныхъ широтахъ. Норвежскій стортингъ ассигновалъ ему необходимыя средства для постройки судна и на снаряженіе. Когда дѣло было достаточно подвинуто, уже въ прошломъ году, въ ноябрѣ, онъ съѣздилъ въ Лондонъ и тамъ изложилъ свой смѣлый планъ передъ королевскимъ лондонскимъ географическимъ обществомъ. Постараюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи держаться возможно ближе изложенія самого Нансэна.

Сказавши кратко о значеніи полярныхъ изслѣдованій, Нансэнъ выразился, что хотя до сихъ поръ и пробовали подходить къ полюсу со всѣхъ сторонъ, но разбивались всѣ планы мореплавателей, и арктическія волны были могилою золотыхъ сновъ изслѣдователей о короткомъ пути въ Индію, о славѣ и богатствѣ.

Смитовъ проливъ долго считался большой дорогой къ полюсу; надежды эти не оправдались до сихъ поръ. Причина здѣсь въ томъ, что идущее съ сѣвера на югъ теченіе, разъ только судно охвачено льдами, неизбѣжно уноситъ путешественниковъ къ югу, прочь отъ полюса. Наибольшія широты, достигнутыя этимъ путемъ членомъ экспедиціи Нэрса, Мэркхэмомъ, въ 1876 году, но не моремъ, а на саняхъ— 83,20′ и 1882 г.—Локвудомъ, членомъ экспедиціи Грилли— 83° 24′.

Къ востоку отъ Гренландіи такъ наз. вторая нѣмецкая экспедиція 1869—70 г. была также охвачена льдами и унесена къ югу. Наибольшая широта, достигнутая ею,—77°.

Къ сѣверу отъ Шпицбергена никто не проникъ дальше Парри, въ 1827 году; онъ на саняхъ дошелъ до 82° 45′, но теченіемъ и здѣсь уносило льды къ югу. Австрійская экспедиція, въ 1873 году, открыла землею Франца-Іосифа подъ 79° 54′ с. широты; путешествуя на саняхъ съ собаками, экспедиція дошла до 82° 5′ и видѣла съ высокой точки мысъ, вдающійся въ заливъ по ту сторону земли Франца-Іосифа, простиравшійся за 83°. Замѣчательно, что пароходъ австрійской экспедиціи, *Тегетгофъ*, отъ Новой Земли несло сначала къ *сѣверо-востоку*, потомъ къ сѣверу и, наконецъ, къ

сѣверо-западу, а не къ югу, какъ было со всѣми экспедиціями, шедшими западнѣе.

Черезъ Беринговъ проливъ было мало попытокъ проникнуть къ дальнему сѣверу. Первая попытка была сдѣлана Кукомъ, въ 1776 году, новѣйшая—Делонгомъ на пароходѣ Жаннета, въ 1879—81 гг. Здѣсь встрѣчены тѣ-же трудности въ плавучихъ льдахъ; Жаннета была схвачена ими подъ 71° и потомъ несло ее къ сѣверо-западу, къ полюсу, но не къ югу; въ этомъ главное отличіе хода австрійской и американской экспедицій отъ прочихъ.

Въ чемъ-же главная причина неудачъ? Главнымъ образомъ въ томъ, что на пути путешественниковъ задерживали непроницаемыя массы льда, которыя въ большинствѣ случаевъ несли ихъ прочь отъ назначенной цѣли. Если-бъ около полюса былъ материкъ, то, достигнувъ его, можно было-бы вести изслѣдованія сухимъ путемъ, но о такомъ материкѣ пока неизвѣстно. Гренландія, вѣроятно, тянется къ сѣверу не далеко, земля Франца-Іосифа, вѣроятно, группа острововъ. Думаютъ, что можно достигнуть высокихъ широтъ на воздушномъ шарѣ или подъ водой. Нансэнъ думаетъ, что со временемъ такіе способы путешествій будутъ возможны; но нѣтъ-ли способовъ достигнуть ближайшихъ къ полюсу странъ при существующихъ средствахъ? Если вмѣсто того, чтобы вести упорную борьбу съ препятствіями, доселѣ неодолимыми, заставить ихъ служить себѣ, пользоваться благопріятнымъ направленіемъ силъ природы, то попытка достигнуть наивысшихъ широтъ имѣетъ вѣроятности на успѣхъ и теперь.

Большую часть экспедицій отдаляло отъ цѣли сильное теченіе, идущее изъ невѣдомыхъ странъ сѣвера къ югу. Если теченіе идетъ изъ полярнаго бассейна, то гдѣ-нибудь да долженъ-же быть и притокъ воды съ юга. Не можетъ-же полярный бассейнъ вѣчно изливать массы воды на югъ, не пополняясь откуда-нибудь. Найти это теченіе, выбрать падлежащую точку, гдѣ войти въ него, и тогда тѣ-же льды, которые въ другомъ мѣстѣ заставляли мореходовъ дѣлать нечеловѣческія усилія, чтобы подвинуться на шагъ далѣе къ сѣверу, понесутъ изслѣдователей сами, куда нужно.

Опытъ китолововъ и мореплавателей говоритъ, что корабли, охваченные льдами въ западныхъ моряхъ, очень часто уносились въ южныя широты, и это было спасеніемъ для многихъ

изъ нихъ. Наоборотъ, суда, захваченные льдами къ сѣверу отъ Берингова моря, очень часто уносились къ сѣверу въ невѣдомыя страны, часто пропадали безъ вѣсти. Мыслящему человѣку непремѣнно должно прійти въ голову, что вѣроятно есть-же какая-нибудь разница между теченіями въ полярныхъ моряхъ на западѣ и востокѣ?

Самое мощное изъ полярныхъ теченій то, которое идетъ между Гренландіей и Шпицбергеномъ изъ загадочныхъ странъ сѣвера на югъ. Оно пролегаетъ по самой глубокой части арктическаго океана,—дно здѣсь найдено на 2600 фатомовъ, ширина теченія 250 морскихъ миль (425 в.); глубина теченія не менѣе 300 саженъ, но Нансэнъ береть изъ осторожности 200 саж. Полагая среднюю скорость теченія, на основаніи различныхъ показаній, въ 2 морскихъ мили въ день ($3^1/_2$ версты), окажется, что ежедневно это теченіе уноситъ отъ 80 до 120 куб. миль или отъ 136 до 204 куб. верстъ изъ полярнаго бассейна въ Атлантическій океанъ, т. е. отъ 49-ти до до $73^1/_2$ тысячъ куб. верстъ въ годъ. Бассейнъ сплошной въ 100,000 кв. верстъ поперечника и глубиною въ одну версту, при такомъ истеченіи, опорожнился-бы на половину въ теченія одного года. Бассейнъ, равный поверхностью Европейской Россіи, при такой-же глубинѣ, обсохъ-бы менѣе чѣмъ въ 100 л., а такъ какъ поверхность всего арктическаго пояса съ сушей и островами, только въ $3^1/_2$ раза и больше Европейской Россіи, да и Арктическій океанъ вообще очень мелокъ, то безъ пополненія и онъ обсохъ-бы со времени открытія Америки до нашихъ дней. Очевидно, убыль арктическихъ водъ гдѣ-то пополняется. Такихъ пополняющихъ теченій нашъ изслѣдователь находитъ три: самая главная норвежская вѣтвь гольфстрема, доходящая до Новой Земли и далѣе къ СВ. Она даетъ отъ 60-ти до 70-ти куб. миль въ сутки; затѣмъ слѣдуетъ идущее черезъ Беринговъ проливъ теченіе—оно даетъ отъ 10-ти до 14-ти куб. миль въ сутки. Это-то теченіе и несло къ сѣверу Жаннету. Третья сѣверная вѣтвь гольфстрема, огибающая съ запада Шпицбергенъ, незначительна—большая часть его, обогнувъ островъ съ сѣвера, возвращается къ югу. Затѣмъ идетъ еще пополняющій потокъ—наши сибирскія рѣки, дающія прѣсную, теплую воду океану, благодаря которой море у береговъ Сибири такъ часто бываетъ открыто—въ этомъ и тайна успѣховъ Норденшильда. Нашимъ сибирскимъ

водамъ приписываетъ Нансэнъ сравнительную бѣдность солью водъ полярнаго теченія вдоль береговъ Гренландіи. Что касается до атмосферныхъ осадковъ, то Нансэнъ не думаетъ, чтобы въ полярномъ бассейнѣ они служили значительнымъ источникомъ, подспорьемъ для пополненія убыли водъ, уносимыхъ теченіемъ къ югу. Небольшія сѣверо-южныя теченія чрезъ Смитовъ, Джонсовъ и Ланкастерскій проливы, а также между землею Франца-Іосифа и Шпицбергеномъ Нансэнъ считаетъ ничтожными по сравненію съ Гренландскимъ; но еслибъ они были и значительнѣе, то существованіе обширнаго теченія съ юга на сѣверъ въ полярное море, предполагаемаго Нансэномъ, только подтвердилось-бы еще болѣе.

И такъ источники пополненія полярнаго бассейна найдены: теперь пойдемъ вмѣстѣ съ Нансэномъ искать русла, гдѣ вливаются они. Три теченія эти гдѣ-нибудь сходятся и послѣ соединенія идутъ по кратчайшему пути къ полюсу, сѣвернѣе земли Франца-Іосифа, и образуютъ гренландскій потокъ

Можетъ быть правильность этого теченія нарушается вѣтрами; но, во всякомъ случаѣ, гдѣ-то на рубежѣ невѣдомыхъ странъ должно начинаться полярное теченіе. Нансэнъ ищетъ его въ мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ Ново-сибирскихъ острововъ.

Жаннета, пароходъ Делонга, подъ 71° 30 с. ш. и 175° з. д. былъ затертъ, 6-го сентября, 1879 г. льдами. Извилистый путь ея съ этого мѣста имѣлъ преобладающее направленіе къ сѣверо-западу и подъ 77° 15′ ш. 155° в. долготы въ іюлѣ 1881 года она погибла. Другими словами, въ теченіи 21-го мѣсяца ее унесло на 30° къ западу и на $5^1/_2$° къ с. и по мѣрѣ приближенія къ сѣверу теченіе становилось все сильнѣе и сильнѣе; въ послѣднюю недѣлю ихъ несло по 8-ми миль или $12^1/_2$ верстъ въ сутки—скорость порядочная для такой неуклюжей посудины, какъ огромное ледяное поле, среди котораго была затерта Жаннета.

Жаннета погибла въ 1881 году, а въ іюнѣ 1884 г. на западномъ берегу Гренландіи, близъ Юман-хаава, на плавучей льдинѣ нашли 15 предметовъ съ погибшей Жанеты: между ними регистръ запасовъ корабля съ собственноручной подписью де-Лонга, списокъ команды Жаннеты и матроскіе шаровары изъ просмоленной парусины съ надписью *Льюисъ–*

Норосъ—имя одного изъ лицъ, оставшихся въ живыхъ послѣ погибели Жаннеты; онъ и принесъ свѣдѣнія Мельвиллю объ отчаянномъ положеніи де-Лонга, онъ и участвовалъ въ розыскахъ капитана, погибшаго отъ голода и лишеній въ дельтѣ Лены.

Эти реликвіи были описаны въ 1884 году въ датскомъ географическомъ журналѣ, были на географической выставкѣ въ Амстердамѣ, но потомъ, благодаря невѣжеству и небрежности, были истреблены. Въ свое время изъ-за нихъ поднято было не мало шума. Неумѣстный скептицизмъ пытался заподозрить подлинность ихъ: заявлено было, что должно быть эти вещи съ корабля *Протей*, погибшаго въ 1883 г. въ Смитовомъ проливѣ—догадливость только забыла объяснить, какимъ чудомъ на бортъ Протея могли попасть вещи съ парохода Жаннета, погибшаго еще въ 1881 г. при берегахъ Новой Сибири и въ числѣ ихъ списокъ съ собственноручной подписью Делонга? Пущена была въ ходъ также и излюбленная старая гипотеза о томъ, что вещи поддѣланы; опять таки и здѣсь клевета, какъ и всегда, нисколько не позаботилась о томъ, чтобы сдѣлать себя вѣроятной. Къ чему могла послужить она, кому она была нужна? Судьба Жаннеты рѣшилась и разъяснена была въ томъ-же 1881 году. Ей перестали уже интересоваться, она утонула на глазахъ экипажа, она была не первымъ судномъ, погибшимъ въ полярныхъ водахъ. Прахъ Делонга, перевезенный чрезъ всю Сибирь, давно покоится на родинѣ. Кромѣ того поддѣлка была-бы ужь очень глупа—оказалась поддѣланной вещь не погибшаго, а живого человѣка,—Нёрёсъ, кажется, и теперь здравствуетъ, почеркъ Делонга былъ извѣстенъ многимъ въ Европѣ и Америкѣ; но врядъ-ли былъ извѣстенъ датскому чиновнику въ уединенной Юман-хаабъ, на западномъ берегу Гренландіи. Можетъ быть, впрочемъ, поддѣлалъ всѣ эти вещи эскимосъ, который доставилъ ихъ въ Юманъ-хаабъ? Дѣйствительно—ему много было дѣла до Жаннеты и до судьбы Делонга, столько-же, сколько какому-нибудь монголу или буряту нашихъ степей. Правъ совершенно Нансэнъ, говоря, что всѣ эти гипотезы гораздо менѣе вѣроятны, нежели самое полярное теченіе. Какимъ путемъ могли попасть остатки съ Жаннеты въ Гренландію, въ сравнительно очень короткій срокъ трехъ лѣтъ: по полярному морю на западъ вдоль бе-

реговъ Сибири? Невѣроятно. Австрійскій Тегеттофъ полтора года шелъ, затертый льдами, отъ береговъ Новой Земли до береговъ земли Франца-Іосифа. Этимъ путемъ вещи шли-бы гораздо дольше трехъ лѣтъ. Но это еще ничего,—какимъ образомъ эта льдина, несшая остатки съ Жанеты, вслѣдствіе какой особой привиллегіи могла она идти противъ теченія, которое идетъ отъ береговъ Норвегіи къ Новой Землѣ и уноситъ всѣ остальные льды къ сѣверо-востоку? Какъ могла она переплыть цѣлый Атлантическій океанъ, въ сравнительно уже низкихъ широтахъ и не растаять? Почему не предположить самое вѣроятное, что льдина прошла сѣвернымъ путемъ чрезъ полюсъ или близь него и унесена была оттуда всѣмъ извѣстнымъ гренландскимъ теченіемъ? Но полюсъ и безъ остатковъ Жанеты не останется въ покоѣ, такъ какъ фактовъ для доказательства арктическаго теченія и безъ нихъ не мало.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на западномъ берегу Гренландіи, около мѣстечка Готъ-хаабъ, найденъ былъ гарпунъ какой-то странной формы, неизвѣстный ни гренландскимъ эскимосамъ, ни эскимосамъ сосѣднихъ мѣстностей. Гарпунъ этотъ былъ доставленъ въ этнологическій музей, въ Христіанію, и тамъ было опредѣлено, что подобные употребляются только обитателями порта Кларенъ, на американскомъ берегу Берингова моря, эскимосами Аляски; на гарпунѣ сохранились украшенія изъ китайскихъ стеклышекъ, какія американскіе туземцы вымѣниваютъ на анамскомъ берегу. Еще раньше остатковъ Жанеты, стало быть, путешествовали человѣческія издѣлія съ востока на западъ невѣдомымъ морскимъ путемъ.

Для эскимосовъ восточнаго берега Гренландіи пловучій лѣсъ составляетъ жизненную необходимость, изъ него они выдѣлываютъ всѣ деревянныя части своихъ снарядовъ домашнихъ и охотничьихъ. Благодаря обилію пловучаго лѣса, который несется полярными теченіями, существованіе эскимосовъ обезпечено. Оказывается, что преобладающимъ лѣснымъ матеріаломъ являются здѣсь наши сибирскія древесныя породы—сибирская ель и лиственница. Кто видѣлъ въ половодье наши большія рѣки, тотъ знаетъ, какая масса такого лѣса выносится ими. Нансэнъ видѣлъ этотъ пловучій лѣсъ около острова Янъ-Маенъ и на сѣверномъ побережьи Шпиц-

бергена. Значитъ, ихъ несло туда тѣмъ-же теченіемъ, которое все время мѣшало Парри въ его путешествіи на саняхъ по льдамъ достигнуть полюса и отодвигало его къ югу; значитъ, лѣсъ этотъ несется по всей ширинѣ могучаго полярнаго потока. Этимъ далеко не исчерпываются всѣ доказательства въ пользу полярнаго теченія. Толщина льдовъ въ Беринговомъ морѣ и даже около Новой Сибири очень незначительна, не смотря на то, что окрестности Ново-сибирскихъ острововъ—одни изъ холоднѣйшихъ частей земного шара—ледъ, которымъ была затерта Жаннета, имѣлъ толщину отъ 7-ми до 10-ти футовъ, между тѣмъ какъ льды, идущіе съ сѣвера вдоль береговъ Гренландіи, отличаются громадной толщиной, они не могли образоваться въ моряхъ южной половины арктическаго пояса—этотъ ледъ, какъ сказано было выше, несется къ югу; судя по толщинѣ онъ долженъ былъ плавать нѣсколько лѣтъ въ дальнихъ полярныхъ моряхъ. Значитъ, ледъ, образовавшійся при берегахъ Сибири, въ Беринговомъ морѣ, прошелъ чрезъ сѣверныя полярныя страны. Какія-же доказательства на то, что и самый ледъ, который несется по гренландскому потоку, образовался въ восточной части полярнаго бассейна? Доказательства эти самъ ледъ несетъ на себѣ. Во время послѣдняго своего путешествія въ Гренландію, Нансэнъ тщательно собиралъ съ плавающихъ льдинъ песокъ и грязь и затѣмъ разослалъ это для изслѣдованія спеціалистамъ. Одинъ изъ авторитетныхъ шведскихъ геологовъ Тэрнебомъ, изслѣдуя эту пыль, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: a) она состоитъ изъ обломковъ разнообразнѣйшихъ минераловъ—это указываетъ, что она происходитъ изъ обширнаго континента, гдѣ имѣются представители разнообразныхъ горныхъ породъ; b)—существенную часть грязи составляютъ органическія вещества, гумусъ—слѣдовательно, она происходитъ изъ страны, гдѣ существуютъ органическія почвы, подобныя черноземy или аналогичныя ему. Этимъ условіямъ всего лучше удовлетворяетъ грязь, ежегодно выносимая сибирскими рѣками; гумуса не могли принести ни ледъ, ни рѣки Гренландіи, отлагающія ледниковую грязь, ни какой-либо другой арктической страны; но это еще не все, что дали изслѣдованія песка и грязи въ доказательство существованія полярнаго теченія: среди этой грязи были найдены микроскопическіе организмы *діатомей:*

ихъ изслѣдовалъ авторитетъ по этой части, проф. Клеве въ Упсалѣ; вотъ его заключеніе: діатомеи эти совсѣмъ особенныя, непохожія на тѣ многія тысячи ихъ, которыя онъ изслѣдовалъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были собраны Норденшильдомъ во время экспедиціи *Вега* на плавучемъ льду, около мыса Ванкарема, близъ Беринговаго пролива. Съ послѣдними вышеупомянутыя діатомеи совершенно тождественны. Всѣ діатомеи, собранныя Нансэномъ, дали возможность констатировать 16 видовъ ихъ. *Изъ нихъ всѣ встрѣчаются на льдахъ около мыса Ванкарема, а 12 изъ 16 до сихъ поръ только найдены тамъ и больше нигдѣ не встрѣчаются на всемъ свѣтѣ.* Флоры діатомовыхъ гренландскія, земли Франца Іосифа, Шпицбергена и Карскаго моря, прибавляетъ проф. Клеве, уже были отчасти изслѣдованы.

«Весьма замѣчательно»—пишетъ Клеве къ Нансэну, не имѣя понятія о воззрѣніяхъ послѣдняго на полярныя теченія—«что флора діатомовыхъ, собранная на плавающихъ льдахъ около Берингова пролива, тождественна съ таковою-же, собранной на льдахъ въ Восточно-Гренландскомъ морѣ. Это указываетъ, что между восточной Азіей и Гренландіей существуетъ открытое морское сообщеніе».

Послѣ всего этого, нельзя не сказать вмѣстѣ съ Нансэномъ: мы не только можемъ, мы обязаны признать существованіе полярнаго теченія между восточной частью полярнаго океана и Гренландскимъ моремъ.

Это однакоже далеко не все, что можно еще сказать въ пользу воззрѣній Нансэна. Адмиралъ Ниллефильдъ въ томъ-же засѣданіи лондонскаго королевскаго географическаго общества заявилъ, что во время одного изъ своихъ полярныхъ плаваній онъ нашелъ толстое бревно въ западной части Веллингтонова пролива, впадающаго въ Баффиновъ заливъ,—дерево по происхожденію – сибирское. Кромѣ того есть доказательства, что подобное предполагаемому прямое сообщеніе между Беринговымъ моремъ и Гренландскимъ существовало и въ предшествующую современной, послѣледниковую эпоху. Шведскій геологъ Бэкштремъ, занимающійся изслѣдованіемъ вулканическихъ продуктовъ, изслѣдовалъ куски пемзы, которая часто попадается, но неизвѣстно откуда попала туда, на берега Гренландіи, Шпицбергена и даже Норвегіи. По составу пемза эта не можетъ происходить изъ какого-либо

вулкана на побережьи Атлантическаго океана: преобладающей составной частью этой пемзы является группа андезитовыхъ минераловъ, которыхъ въ продуктахъ атлантическихъ вулкановъ не встрѣчается. Она подобна продуктамъ громадной вулканической андезитовой области западнаго побережья Берингова моря. Другими словами, куски пемзы приплыли по тому-же пути, какъ и гарпунъ съ полуострова Аляски, на западный берегъ Гренландіи. Куски этой пемзы встрѣчаются на высотѣ отъ 30-ти до 70-ти ф. выше уровня моря. Значитъ, они занесены туда еще въ ту пору, когда берега стояли ниже современнаго на 30 ф., т. е. въ очень отдаленную отъ современной эпоху.

И такъ существуетъ теченіе, идущее изъ странъ къ сѣверу отъ Берингова пролива и береговъ Сибири, мимо земли Франца-Іосифа, въ невѣдомыя околополярныя страны и оканчивающееся потокомъ между Гренландіей и Шпицбергеномъ. Естественный путь для достиженія странъ, лежащихъ около полюса—добраться до мѣстъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Ново-сибирскихъ острововъ, и предоставить себя на волю этого теченія. Не въ годъ, не въ два—такъ въ три оно вынесетъ путниковъ на теченіе, идущее къ югу. Не можетъ-же потокъ вѣчно кружиться около полюса. Пусть потокъ этотъ не касается полюса, это не важно. Задача не въ томъ, чтобы пересѣчь ту математическую точку, гдѣ ось вращенія земли пересѣкается съ поверхностью земного шара, а изслѣдованіе полярныхъ странъ. Два способа видитъ Нансэнъ для выполненія этой задачи—или построить крѣпкое судно и на немъ идти въ далекій, невѣдомый путь, или—сѣсть на льдину и устроиться на ней, довѣряя безусловно теченію, и плыть, куда ее понесетъ. Смѣлый изслѣдователь хочетъ воспользоваться обоими способами. Онъ построилъ крѣпкое деревянное судно, собралъ 12 человѣкъ для экипажа будущаго путешествія и намѣренъ идти на немъ до тѣхъ поръ, пока корабль его не будетъ затертъ льдами. Случится это—бѣда не велика—все равно ледъ понесетъ его къ желанной цѣли; это даже будетъ своего рода удобство: заботы объ управленіи судномъ, замерзшимъ и неподвижно стоящимъ среди плавучихъ льдовъ, сведутся до минимума, стало-быть полный просторъ, масса свободнаго времени для научныхъ наблюденій! Такой способъ путешествія не новость въ полярной

практикѣ: *Ганза, Тегентгофъ, Жаннета*—новѣйшіе примѣры такихъ странствованій. Разница вся въ томъ, что предшественники Нансэна смотрѣли на такое путешествіе, какъ на препятствіе, на несчастье—онъ-же ведетъ разсчетъ на то, что его во льдахъ понесетъ, куда ему нужно. Логика его крайне проста: при путешествіяхъ въ высокія широты, сколько-нибудь продолжительныхъ, всегда можно разсчитывать, что рано или поздно судно затретъ льдомъ. Пусть-же это случится тамъ, гдѣ ледъ не будетъ мѣшать намѣченной цѣли. Надобно приготовиться къ этому заранѣе, и пусть затретъ не гдѣ попало, а тамъ, гдѣ это будетъ удобнѣе для цѣлей экспедиціи.

Нансэнъ съ большою подробностью и съ большой любовью останавливается на описаніи устройства своего корабля и приспособленій для его геніально-смѣлой попытки. Читая эти подробности, гдѣ онъ купилъ дерево, гдѣ выковалъ по особому чертежу руль, описаніе парусовъ, каютъ, общей залы, невольно думаешь, что это капитанъ Немо описываетъ свой Наутилюсъ. Не смотря на сухіе морскіе термины, описаніе устройства киля, бортовъ, невольно увлекаешься, читая объ этомъ. Видно, что человѣкъ вложилъ всю свою душу въ это дѣло. Невольно рисуется полная одушевленія фигура этого человѣка на эстрадѣ, передъ цѣлымъ собраніемъ испытанныхъ полярныхъ плавателей, излагающаго свой сказочно-смѣлый планъ, съ полной вѣрой въ него, съ обаятельной логичностью, и заражающаго ею своихъ слушателей. Я не Нансэнъ и я думаю, что въ моемъ изложеніи подробности устройства его новаго Наутилюса, которому онъ далъ кличку «Fram»—(Впередъ), будутъ скучны да и займутъ больше времени, чѣмъ я могу позволить себѣ утомлять ваше вниманіе. Постараюсь остановиться только на самомъ существенномъ.

Fram, который по послѣднимъ извѣстіямъ уже готовъ и спущенъ на воду, имѣетъ водоизмѣщенія 600 тонн, паровая машина его можетъ дать скорость 6-ти морскихъ миль въ часъ при затратѣ $2^3/_4$ тонны угля въ сутки. Онъ отличается тѣмъ отъ всѣхъ раньше бывшихъ полярныхъ судовъ, что онъ необыкновенно толстъ: ширина около трети его длины. Онъ не помѣряется скоростью съ записными океанскими ходоками, но для такого путешествія это и не нужно. У судовъ новѣйшей конструкціи бока почти вертикальные, носъ и корма

Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 22570

острые. У Нансэна бока суда отъ борта до киля и отъ кормы до носа образуютъ выпуклую линію. Если эта кубышка будетъ затираться льдами—льдины не упрутся въ гладкій вертикальный бокъ, а будутъ какъ по маслу скользить по кривой поверхности внизъ къ килю и будутъ выпирать судно къ верху, на ледъ. Это было и съ Тегеттгофомъ и съ Жаннетой, этимъ, по словамъ Нансэна, часто пользуются небольшія промысловыя суда норвежцевъ. Выпертое на поверхность льдовъ судно стоитъ, какъ въ сухомъ докѣ, промышленники конопатятъ, чинятъ его. Если на зло всѣмъ предосторожностямъ судно будетъ раздавлено льдами—сдѣлается негоднымъ для обитанія—есть двѣ запасныхъ хорошихъ шлюпки съ крытыми палубами по 29-ти ф. длиною и 9-ти ф. шириной. Ихъ можно вытащить на ледъ, составить вмѣстѣ и жить въ нихъ «довольно комфортабельно». Кромѣ того путешественникъ беретъ съ собой цѣлую серію маленькихъ легкихъ лодокъ на случай крайности и для отдѣльныхъ научныхъ экскурсій, забираетъ съ собой лыжи, нарты и ѣздовыхъ собакъ—тоже для экскурсій, если увидятъ Новую Землю и на случай несчастія для возвращенія назадъ. Экипажъ Жаннеты, какъ извѣстно, добрался до устьевъ Лены, путешествуя сначала на саняхъ, а потомъ на шлюпкахъ.

Экипажъ, какъ я сказалъ, 12 человѣкъ запасъ провизіи разсчитывается на это количество людей на 5 или на 6 лѣтъ. Изслѣдователь беретъ съ собой научные инструменты, охотничьи и рыболовные снаряды, библіотеку. Я не буду говорить о томъ, какія мѣры приняты имъ, чтобы удалить изъ помѣщенія на кораблѣ сырость, сдѣлать его теплымъ, сухимъ и комфортабельнымъ, не стану упоминать о приспособленіяхъ для выдерживанія сильнѣйшаго напора льда. Внутренность корабля настолько переплетена балками, что все судно представляетъ, по мнѣнію Нансэна, такую-же почти силу сопротивленія, какую обнаружилъ-бы сплошной кусокъ твердаго дерева, по объему равный судну. Остановлюсь только на болѣе оригинальныхъ идеяхъ Нансэна.

Если корабль охваченъ льдами, но не обмерзъ окончательно, и надобно выбиться куда-нибудь на открытую полынью, посылаютъ обыкновенно матросовъ на верхушки мачтъ посмотрѣть, не видно-ли открытаго моря гдѣ-нибудь? Льды часто настолько высоки, что съ мачтъ ничего не разберешь

приходится пробираться на удачу. Нансэнъ для этой цѣли хочетъ взять съ собой привязанный воздушный шаръ (ballon captif). Съ шара, нѣтъ сомнѣнія, если только не помѣшаетъ туманъ, можно осмотрѣть море во всѣ стороны на далекое разстояніе и опредѣлить вѣрно путь на нѣсколько дней. Горе все въ томъ, что для шара надобно брать съ собой большой запасъ сгущеннаго водорода въ стальныхъ цилиндрахъ, и Нансэнъ боится, какъ-бы ему не пришлось отказаться отъ такого громоздкаго груза.

Страшный бичъ полярныхъ путешествій — цынга, настолько страшный, говоритъ Нансэнъ, что съ нимъ намъ и знакомиться не слѣдуетъ. Изучая пристально этотъ вопросъ, Нансэнъ находитъ, что главная причина цынги въ сырости помѣщенія и въ дурной солонинѣ и однообразномъ питаніи, но ради чего мы будемъ брать съ собой всякую дрянь и кормить себя дряннной солониной, говоритъ онъ. Современное развитіе техники даетъ прекрасный выборъ отличныхъ вещей для питанія. Нужно только внимательно и съ толкомъ составить хорошіе запасы.

Дѣйствительно—практика новѣйшихъ плаваній указываетъ, что опасность цынги можетъ быть въ значительной мѣрѣ устранена, хотя нельзя сказать, чтобы навѣрное. Обѣ нѣмецкія экспедиціи попробовали цынги. Была она и на Тегентгофѣ, но благодаря раціональнымъ мѣропріятіямъ, не имѣла особо важныхъ послѣдствій. Въ австрійской экспедиціи это особенно характерно и важно, такъ какъ экипажъ ея состоялъ почти весь изъ жителей Адріатики, не привыкшихъ къ холодамъ, питающихся чуть-ли не круглый годъ овощами. У Норденшильда не было даже и случаевъ заболѣванія цынгой. На Жаннетѣ она появилась въ маѣ 1881 года, на концѣ второй зимы, но причина была—недостатокъ свѣжихъ припасовъ, неудачная охота, уменьшеніе дневныхъ раціоновъ. Другими словами,—недостатокъ снаряженія, но Жаннета имѣла водоизмѣщеніе только въ 420 тонн, Фрамъ имѣетъ 600, экипажъ Жанеты былъ 26 человѣкъ, у Нансэна всего 12.

Полярныя ночи дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на здоровье и психику путешественниковъ. Непроглядная полярная тьма тяжело переносится, особенно страшно подумать о томъ, что можетъ быть придется провести пять или шесть лютыхъ зимъ; но Нансэна ничѣмъ нельзя смутить: «я беру

съ собой динамоэлектрическую машину, небольшое приспособленіе, въ родѣ мельничныхъ крыльевъ, поставленное на палубѣ, при небольшомъ вѣтрѣ дастъ необходимую силу для возбужденія электричества, и мы засвѣтимъ свое искусственное солнце среди мрака полярной ночи. Не будетъ вѣтра, мы на палубѣ поставимъ воротъ. Четвертыхъ человѣкъ достаточно для приведенія машины въ движеніе, а насъ 12 здоровыхъ парней, поочередно, въ теченіи 8-ми часовъ, мы и будемъ ходить кругомъ ворота, какъ кони на топчакѣ. Это дастъ намъ хотя и довольно монотонное, но все-таки развлеченіе и необходимый физическій трудъ. «Такъ и знайте, что когда солнце уйдетъ отъ насъ за горизонтъ, мы начинаемъ наше круговращеніе и среди полярнаго безмолвія зажигаемъ свой свѣточъ и будемъ думать, что не безъ добрыхъ пожеланій вы вспоминаете о насъ», сказалъ Нансэнъ своимъ слушателямъ въ Лондонѣ.

Газеты передали еще интересную подробность о приготовленіяхъ Нансэна: онъ беретъ съ собой нѣсколько фонографовъ. Одинъ изъ нихъ воспроизводитъ любимыя его пѣсни, которыя поетъ его жена, а другой крики и писк его крошечнаго, пятимѣсячнаго сына.

Во имя науки и ради нея на долгій срокъ разстается онъ съ своей семьей, и къ могуществу науки-же обращается за средствомъ для уменьшенія тяжести разлуки.

Нансэнъ думалъ сначала идти въ море черезъ Беринговъ проливъ; но потомъ нашелъ, что пѣтъ надобности тратить чуть не цѣлый годъ на кругосвѣтное плаваніе и рѣшилъ идти вдоль береговъ Сибири, добраться до устьевъ Лены и оттуда, вдоль западныхъ береговъ Ново-сибирскихъ острововъ, пуститься въ поиски теченія Жанеты. Выступаетъ онъ, должно быть, мѣсяца черезъ два изъ Норвегіи. Теперь планъ его нѣсколько измѣнится: онъ зайдетъ на устье Оби, чтобы взять тамъ ѣздовыхъ собакъ.

Нашъ общій добрый знакомый и недавній гость, заслуженный изслѣдователь крайняго сѣвера, баронъ Эдуардъ Васильевичъ Толль, другъ Нансэна, сговорилъ въ Тюмени человѣка, который доставитъ Нансэну въ условленное мѣсто ѣздовыхъ собакъ; но здѣсь, въ Иркутскѣ, посовѣтовавшись съ нашимъ знатокомъ сѣвера и полярнымъ плавателемъ А. М. Сибиря-

ковымъ, онъ нашелъ, что, въ виду неособенно высокихъ достоинствъ обдорскихъ собакъ, нужно заготовить новую партію индигирскихъ собакъ на устьѣ Лены. Кромѣ того, можетъ случиться, что Нансэну придется зимовать на Ново-сибирскихъ островахъ и А. М. страстно желалъ устроить тамъ для него складъ припасовъ—хлѣбъ-соль отъ Сибири путешественнику Нансэну. Благодаря сочувствію одного изъ нашихъ гражданъ, Эдуарду Васильевичу удалось осуществить свой планъ.

Предусмотрительный столько-же, сколько и смѣлый, Нансэнъ не разсчитывалъ на эту любезность; онъ хорошо снаряженъ въ дальній путь, но «мнѣ не дорогъ твой подарокъ—дорога твоя любовь». Вѣдь, эти люди, можетъ быть, лѣтъ пять, шесть не увидятъ живого человѣка! Никто еще не задумывалъ полярныхъ странствованій на такой долгій срокъ. Развѣ не дорого вспомнить за закуской, гдѣ-нибудь среди льдовъ: а вотъ это теперь у насъ за столомъ сибирская хлѣбъ-соль, чужіе люди вспомнили насъ и снарядили насъ подорожниками.

«Не кормитъ обозъ, а кормитъ одинъ возъ»—говоритъ сибирская пословица. Кто знаетъ, можетъ этотъ неожиданный прибавокъ и спасетъ экспедицію. Если-бъ у Делонга, послѣ того какъ его выбросило на берегъ въ дельтѣ Лены, вмѣсто одной банки глицерину осталось хоть съ пудъ сухарей да фунта три толченаго мяса, не погибъ-бы онъ такой ужасной смертью отъ голода и истощенія. Три лишнихъ жестянки мороженой клюквы могутъ остановить развитіе гибельнаго скорбута въ концѣ полярной зимы и дать больнымъ дождаться появленія солнца и свѣта, когда цынга далеко ужь не такъ страшна.

Звѣзды первой величины, корифеи полярныхъ изслѣдователей нашего вѣка были слушателями Нансена. Извѣстно, что въ первой половинѣ столѣтія и до 60-хъ годовъ всѣ крупныя полярныя путешествія предпринимались англичанами.

Слушателями Нансэна были люди глубокой учености и опытности, люди испытаннаго мужества и безстрашія, не разъ смотрѣвшіе въ глаза смерти.

Первое слово сказано было по праву, первымъ полярнымъ авторитетомъ и старѣйшимъ изъ арктическихъ путешествен-

никовъ адмираломъ Леопольдомъ Макъ-Клинтокомъ, героемъ экспедицій, разыскивавшихъ Франклина. Еще въ 1848 году, началъ онъ свои полярныя плаванія подъ начальствомъ Д. Кларка Россо; въ 1851 году, онъ въ экспедиціи Омане сдѣлалъ подъ 77,45° 1400 киломъ. на саняхъ; онъ-же былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ офицеровъ, которые спасли честь неудачной экспедиціи сэра Бельчера, а въ 1857—59 годахъ на пароходѣ Фоксъ, ставшемъ полярною знаменитостью, розыскалъ послѣдніе остатки Франклиновой экспедиціи.

«Никогда еще столь крайне отважный проектъ не обсуждался въ стѣнахъ лондонскаго королевскаго географическаго общества, какъ проектъ Нансэна. Мы видимъ передъ собой потомка удалыхъ нормандскихъ викинговъ, громившихъ своими набѣгами нашъ островъ въ былыя времена», началъ свою рѣчь старый адмиралъ. Макъ-Клинтокъ удивляется энтузіазму и рѣшимости, а также и умѣнью, съ которымъ онъ сгруппировалъ доказательства въ пользу полярнаго сообщенія двухъ морей. «Я искренно вѣрю, говоритъ онъ, что докторъ Нансэнъ къ сѣверу отъ Ново-сибирскихъ острововъ встрѣтитъ теченіе, на которое онъ возлагаетъ такія надежды; но главная опасность все-таки въ громаднѣйшихъ полярныхъ льдахъ. Льды около полярнаго пояса совсѣмъ не то, что льды, встрѣчающіеся въ Баффиновомъ или Гудзоновомъ заливѣ. Это громадныя тяжелыя горы, которыя растутъ, одна надвигаясь на другую. Жаннета въ сравнительно топкомъ льдѣ шла затертая 18 мѣсяцевъ; потомъ ее раздавило расширеніемъ смерзающагося льда. Устройство Fram'a превосходно; но когда корабль захваченъ льдомъ и онъ вмерзъ плотно въ окружающую его массу—форма его не имѣетъ особаго значенія. Здѣсь все зависитъ отъ характера льдовъ. Льды не постоянное что-нибудь, положеніе, казавшееся полчаса тому назадъ безопаснымъ и прочнымъ, можетъ вдругъ оказаться гибельнымъ. Двѣ большихъ лодки Нансэна слишкомъ тяжелы; лучше-бы имѣть болѣе легкія, а для зимовки, въ случаѣ потери корабля, устроить на льдинѣ хижину изъ снѣга».

Адмиралъ Нэрсъ высказался за то, что въ полярныхъ экспедиціяхъ необходимо обезпечивать себѣ линію отступленія, а ее нѣтъ у Нансэна—онъ несется въ невѣдомую даль. Что касается теченія, то извѣстно, что бутылки норвежскихъ промышленниковъ, брошенныя около Новой Земли, находятъ

въ Гренландіи, но во всякомъ случаѣ единственнымъ доказательствомъ полярнаго теченія, по мнѣнію Нэрса, пока служатъ остатки съ Жанеты. Теченіе, которое несло Тегетгофъ къ землѣ Франца-Іосифа, еще недоказано, несло ихъ вѣроятнѣе всего вѣтромъ. То-же самое справедливо и относительно Жанеты. По вопросу о теченіяхъ мнѣнія вообще раздѣлись: Макъ-Клинтокъ, Нишефильдъ, Алленъ-Юнгъ высказались за существованіе полярнаго теченія, а капитанъ Уартонъ, спеціалистъ по морскимъ теченіямъ, высказался, что теченіе, между Ново-сибирскими островами и Гренландіей, послѣ разсмотрѣнія этого вопроса Нансэномъ, должно признать, но всѣ выводы относительно его скорости и направленія пока чистая гипотеза. Сэръ Джорджъ Ричардъ одинъ письменно высказался окончательно противъ теченія: онъ сознается, что долженъ существовать *отток*ъ и *приток*ъ водъ въ полярномъ бассейнѣ; но есть-ли что-нибудь подобное правильному, морскому въ этой странѣ, загроможденной, заваленной изъ года въ годъ растущими льдами, въ родѣ тѣхъ, которые преградили путь экспедиціи Нэрса, объ этомъ трудно сказать.

Всѣ авторитеты высказались за то, что Fram выстроенъ очень крѣпко и во льдахъ онъ будетъ выдерживать давленіе не хуже любого корабля, приспособленнаго для полярныхъ плаваній; но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено было, что его закругленныя линіи и крѣпкій корпусъ не будутъ имѣть рѣшающаго значенія, когда придется имѣть дѣло съ ледяными горами, съ тѣми тяжкими ледяными громадами, которыя встрѣчаются только въ высокихъ широтахъ, около полюса.

Всѣ также высказывались за судно меньшихъ размѣровъ. Капитанъ Виггинсъ, смѣлый предшественникъ Норденшильда, который, розыскивая австрійскую экспедицію, рыскалъ на своей маленькой Діанѣ, съ энтузіазмомъ привѣтствовавшій Нансэна, высказался въ томъ-же смыслѣ.

Этотъ знатокъ сибирскихъ морей, одинъ изъ неутомимыхъ поборниковъ морской торговли Англіи съ Сибирью, полусибирякъ по симпатіямъ, сдѣлалъ нѣсколько существенныхъ замѣчаній и о планѣ Нансэна. Онъ совѣтовалъ ему идти лѣтомъ прямо чрезъ срединный проливъ на Новой Землѣ въ Карское море. Онъ семь разъ уже совершилъ этотъ путь и не встрѣчалъ въ Карскомъ морѣ ни льдинки—не нужно

только торопиться и заходить туда слишкомъ рано. Онъ заклиналъ Нансэна не забираться далѣе 100° в. д. и отъ мыса Челюскина прямо отправиться на сѣверъ. «Не довѣряйтесь этимъ, предательскимъ, низменнымъ, песчанистымъ берегамъ Новой Сибири, движеніе льдовъ тамъ крайне неправильное».

Нансэнъ отвѣтилъ на послѣднее возраженіе, что у него кромѣ Fram'a, будетъ съ собой двѣ большихъ шлюпки, о которыхъ онъ упоминалъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда придется бросить судно, т. е. въ случаяхъ крайности, двѣ эти лодки могутъ вполнѣ замѣнить мелкія суда, о которыхъ ему говорили возражающіе. Что касается до линіи отступленія, то, замѣтилъ онъ, на этотъ предметъ можно смотрѣть двояко. Одни могутъ предпочитать линію отступленія назадъ, другіе держаться той мысли, что его линія отступленія лежитъ по ту сторону полюса, въ гренландскомъ теченіи. Двѣ большія лодки онъ беретъ съ собой еще для того, чтобы въ случаѣ потери корабля можно было съ достаточнымъ удобствомъ устроиться на льдахъ. Если погибнутъ и эти лодки—у него есть маленькія, замѣчательно легкія, на которыхъ онъ и попробуетъ вернуться подобно тому, какъ это было уже со многими полярными экспедиціями.

Виггинсу онъ отвѣтилъ, что Новая Сибирь и устье Лены выбраны имъ не случайно, такъ какъ о состояніи ея береговъ и о движеніи льдовъ онъ имѣетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія, лично ему сообщенныя барономъ Э. В. Толлемъ, который изслѣдовалъ недавно эти мѣста.

Многіе изъ извѣстныхъ полярныхъ путешественниковъ, какъ адмиралъ Оманэ, д-ръ Рей и другіе, не могли сдѣлать своихъ замѣчаній, благодаря тому, что засѣданіе затянулось слишкомъ долго. Были представлены письменныя возраженія.

Съ особенной силой и рѣзкостью отозвался объ этой попыткѣ сэръ Гукеръ. По его мнѣнію, трудности предпріятія неодолимы и идти на такое дѣло—значитъ подвергать безъ надежды на успѣхъ опасности и себя, и другихъ. Вообще-же большинство говорило о трудностяхъ и опасностяхъ путешествій.

Скажу только, что несмотря на всѣ, иногда очень вѣскія возраженія, насъ невольно привлекаетъ эта смѣлая попытка. Вѣдь всѣ оппоненты находили одно только общее возраженіе:

опасности отъ льдовъ, трудности полярныхъ плаваній, рискъ; но если-бъ эти, покрытые славою и почетными сѣдинами, морскіе львы вспомнили при этомъ, что такія соображенія не останавливали никого изъ нихъ, да не остановятъ ни Нансэна и его преемниковъ. Мы часто видимъ и въ наукѣ, и въ жизни, какъ въ теченіи столѣтій люди бьются надъ неблагодарнымъ вопросомъ, но къ чести человѣчества надобно сказать, что оно не отступало еще ни передъ однимъ такимъ вопросомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ достаточно освѣщенъ, и подобные вопросы всегда служили стимуломъ, возвышающимъ общество надъ его мелочной, обыденной суетой, говорили о томъ, что стремленіе къ истинѣ и добру живо въ человѣкѣ.

Ожидаетъ-ли Нансэна успѣхъ или неудача—во всякомъ случаѣ его путешествіе принесетъ намъ новыя данныя о моряхъ къ сѣверу отъ Ново-сибирскихъ острововъ. Нашъ смѣлый путешественникъ является такимъ образомъ прямымъ продолжателемъ работъ нашихъ изслѣдователей: Анжу, Врангеля, Миддендорфа, Юргенса, Толля и Бунгэ, и мы должны быть признательны ему болѣе, чѣмъ кто-либо.

СОЧЕЛЬНИКЪ НА ЧУЖБИНѢ.

(Изъ Адама Шиманьскаго „Двѣ молитвы“).

Зима 18... года началась въ Х., какъ во всемъ якутскомъ краѣ, необычайно рано. Уже въ концѣ августа заморозки погубили всю зелень, и почернѣвшая, лишенная своей природной красоты, большая долина, въ которой лежитъ городъ, теперь представлялась взору человѣка необыкновенно убогой. Бѣдныя юрты, никакихъ строеній, ничего похожаго хоть-бы издалека на населенную и столь веселую осенью, русскую деревню. Тоска по родинѣ во время этой преждевременной, хотя короткой осени, въ первый разъ предстала во всемъ своемъ поразительномъ ужасѣ. Въ половинѣ ноября начались знаменитыя «сороковки», часто безъ перерыва продолжавшіяся болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому и болѣзнь, отъ которой я изнемогалъ, развертывалась теперь быстро и еще за-долго передъ этими «сороковками» совершенно измучила меня.

Какъ новичекъ въ подобнаго рода дѣлахъ, я совершалъ множество такихъ вещей, которыя, сами по себѣ не будучи неблагопристойными, опытнымъ человѣкомъ совершаются здѣсь въ довольно ограниченной мѣрѣ. Всѣ тѣ, которые были больны ностальгіей, старательно избѣгаютъ всего, что могло-бы вызвать такую болѣзнь; нехотя вспоминаютъ о своемъ прошедшемъ, молчатъ упорно, когда рѣчь заходитъ о родинѣ, выказываютъ вообще ко всему, что должно быть имъ дорого, удивительное, непонятное равнодушіе. Понятно, что это равнодушіе только видимое,—сначала я не понималъ этого явленія. Проживъ здѣсь долѣе, я понялъ, какимъ напыромъ отчанія эти, на видъ совершенно очерствѣвшіе и равнодушные, люди покрыли свои наболѣвшія груди, съ какимъ усиліемъ продолжали они свое существованіе на землѣ; я понялъ, что равнодушіе это—своего рода героизмъ, правда не великій и не блестящій, какъ всякій героизмъ несчастья, но всегда героизмъ. Этимъ-то щитомъ равнодушія и наружной забывчивости прикрываются здѣсь люди разныхъ положеній и категорій; одни дѣлаютъ это съ ничтожнымъ, другіе съ большимъ пониманіемъ дѣла, одни съ слабымъ, другіе—съ весьма прочнымъ постоянствомъ. Но выдающейся силой воли изъ людей на видъ равнодушныхъ, безъ сомнѣнія, отличаются деревенскіе жители—наши крестьяне. Долго, долго, нужно высѣкать огонь, пока изъ наболѣвшаго сердца мужика добудешь искру; но за то искра эта какъ вылетитъ, такъ и блеснетъ у тебя передъ глазами такимъ лучемъ, что даже закроешь ихъ отъ блеска, или пораженный откроешь.

*
* *

Нѣсколько мѣсяцевъ я уже боролся съ тяжелымъ недугомъ и день сочельника засталъ меня въ такомъ состояніи, въ которомъ я ко всему родному бѣжалъ съ тѣмъ несчастнымъ упорствомъ, съ какимъ мысль пьяницы стремится къ водкѣ, мысль помѣшаннаго къ бредовой идеѣ. Письмо, полученное мною за нѣсколько дней передъ этимъ, съ яснымъ символомъ сегодняшняго дня—облаткою, искрошившеюся на мелкіе кусочки, подлило масла въ огонь. Письмо это я перечитывалъ несчетное число разъ, и если теперь я, бѣгалъ изъ угла въ уголъ своей комнаты, какъ бѣлка въ колесѣ, то я думалъ уже не о самомъ письмѣ. Весь ядъ вызванныхъ имъ воспоминаній я пилъ съ лихорадочной поспѣшностью, безъ ми-

нуты отдыха въ теченіи послѣднихъ безсонныхъ ночей, и мое воображеніе, истощенное и измученное, не шло уже далѣе. День, который вызвалъ столько образовъ, принесъ мнѣ столько-же мученій; едва онъ наступилъ, я началъ думать только о томъ, какъ-бы окружить себя въ предстоящій вечеръ такой обстановкой, которая хоть на короткое время, хоть издалека, воскресила-бы въ памяти безповоротное прошлое и, вызывая новые, реальные, хотя-бы весьма грубые образы, наполнила-бы неудовлетворенное воображеніе, дала-бы ему пищу для новыхъ призраковъ, новыхъ галлюцинацій. Въ Х. тогда было нѣсколько домовъ, жившихъ довольно открыто, а въ одномъ или двухъ изъ нихъ даже собирались устроить сочельникъ, но мнѣ не хотѣлось тамъ быть. Легко догадаться, что сегодня я хотѣлъ вырваться изъ душныхъ рамокъ условности и внѣ «общества» провести сочельникъ.

*
* *

Если вечеромъ, въ жестокій морозъ, проходя чрезъ пустыя улицы Х., дойдешь до конца казацкой улицы, то очутишься въ пунктѣ, откуда какъ на ладони, видна самая маленькая часть города, отдѣленная отъ главной; это и есть старая часть города, занесеннаго иломъ рѣки. Чѣмъ сильнѣе проберетъ тебя морозъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ останавливаешься на этомъ мѣстѣ, чтобы полюбоваться открывающимся отсюда видомъ. Множество самыхъ яркихъ и блѣдныхъ, маленькихъ и крупныхъ огоньковъ видиѣется здѣсь всегда, даже сквозь снѣжную мглу. Въ безлюдномъ и пустомъ краю видъ большого, населеннаго мѣста такъ привлекателенъ, что я не проходилъ тогда ни разу, чтобы не остановить на немъ своего взора. Тутъ знаю я всякій домъ. Ближе всѣхъ блестятъ яснымъ огонькомъ дома самыхъ богатыхъ купцовъ и чиновниковъ, дальше похожіе на юрты, казацкіе дома, еще дальше—домъ сапожника и дьячка, одновременно кузнеца, Яна Пентжака, еще дальше мерцаютъ едва видимые изъ-за ледяныхъ стеколъ, слабенькіе огоньки въ якутскихъ юртахъ, а за ними—конецъ жизни, безбрежныя снѣжныя пространства.

О какъ-же холодно должно быть тамъ! Какимъ одинокимъ, какимъ слабымъ долженъ чувствовать себя человѣкъ среди этихъ пространствъ, занесенныхъ снѣгомъ, блещущихъ льдинами, чернѣющихъ угрюмой тайгой, укутанныхъ морозомъ, и только морозомъ!

Нѣсколько недѣль тому назадъ я, остановившись по обыкновенію на взгорьѣ, въ первый разъ увидалъ, какъ въ пустомъ пространствѣ, начинающемся за якутскими юртами, блеснулъ слабенькій огонекъ тусклымъ свѣтомъ, исчезъ и вновь показался. Ужь не привидѣніе-ли это? Я не повѣрилъ глазамъ своимъ, протеръ ихъ разъ, другой; но огонекъ одинокій, далекій, отрѣзанный отъ людскихъ жилищъ, мигалъ болѣе и болѣе явственно. Долго я стоялъ тогда здѣсь, пока не догадался наконецъ, что это страшный, проклятый домъ, мимо котораго съ ужасомъ проходило мѣстное населеніе, теперь свѣтился одинокимъ огонькомъ. Въ этомъ домѣ когда-то много лѣтъ назадъ умирали люди больные оспой*), но и до сихъ поръ каждый изъ мѣстныхъ жителей скорѣе замерзнетъ, чѣмъ войдетъ въ него. Никакъ я не могъ догадаться, кто-бъ осмѣлился тамъ развести огонь ночью. Какой-то якутъ проходилъ мимо меня, я его остановилъ и переведя, какъ умѣлъ, что мнѣ было нужно сказать, сталъ спрашивать его, не знаетъ-ли онъ, откуда-бы могъ взяться огонь въ старомъ госпиталѣ. Якутъ слушалъ меня внимательно, пока не разобралъ, о чемъ я спрашиваю, но какъ только началъ понимать, понятился немного назадъ, и разобравъ окончательно, въ чемъ тутъ дѣло, снявъ шапку и, вскрикнувъ не человѣческимъ голосомъ: «кабысь абаза»!**) бросился опрометью.

Только на другой день я разузналъ, что въ зачумленномъ домѣ прочно поселилось нѣсколько людей, безъ завтрашняго дня и безъ крова надъ головой. Иногда не надолго ютились тутъ и такіе люди, которыхъ судьба на время только лишила собственнаго жилища. Такимъ-то образомъ, за городомъ, въ покинутомъ домѣ сформировалась маленькая колонія, сложившаяся изъ людей двухъ типовъ: постоянныхъ и временныхъ обитателей пустыря. Въ немъ я бывалъ довольно часто и вотъ теперь послѣ долгаго размышленія я рѣшилъ сочельникъ провести тамъ.

---

*) Оспа здѣсь болѣе страшна, чѣмъ азіатская холера у насъ. Во время эпидемій вымираютъ многочисленные роды, числящіеся въ нѣсколько сотъ головъ. Оспа производитъ на мѣстнаго жителя невыразимый страхъ, а госпитали послѣ оспенныхъ больныхъ стоятъ обыкновенно съ забитыми дверями и окнами, незанятые. Такъ какъ въ этихъ домахъ больные, въ собственномъ смыслѣ слова не лечатся, а умираютъ, то страхъ вызываемый ими, имѣетъ основаніе.

**) Кабысь абаза—прочь сатана! Въ якутскомъ языкѣ удареніе всегда падаетъ на послѣдній слогъ.

* *

Около пятаго часа я тронулся изъ дому, положившись на волю мороза, который, если-бы дохнулъ своимъ убійственнымъ «хійусомъ»*) на мои ранѣе сложившіяся намѣренія, могъ вогнать меня въ первый попавшійся знакомый домъ, но, на мое счастье, несмотря на адскій морозъ, было тихо, какъ въ могилѣ. Ужасный «хійусъ» не вышелъ еще изъ своихъ полярныхъ уголковъ, и воздухъ былъ недвижимъ, мертвъ Благодаря этому я безъ вреда для себя дошелъ до мѣста.

Въ двухъ неотапливаемыхъ комнатахъ, чрезъ которыя я долженъ былъ проходить, чтобы добраться до жилой части дома, остро и пронзительно звучало эхо снѣга, скрипѣвшаго подъ ногами; мнѣ казалось, что здѣсь мнѣ еще холоднѣй, чѣмъ на дворѣ. Окна были забиты досками, въ непроницаемой темнотѣ я поминутно спотыкался то о разбитый горшокъ, то о разную поломанную мебель, и хотя съ громомъ разбивалась рухлядь и рѣзко скрипѣли заржавленныя дверныя петли, никто изъ находившихся здѣсь людей не выглянулъ, никто не обратилъ на это вниманія. Вхожу, наконецъ, въ людское жилище.

Въ большой комнатѣ немногимъ было свѣтлѣй, чѣмъ въ пустыхъ, которыя я только что миновалъ. Тонкая сальная свѣчка на низенькомъ сапожничьемъ станкѣ едва освѣщала одинъ уголъ комнаты. За станкомъ работаетъ двое людей.

Сидѣвшій ближе, высокій и худощавый мужчина, вбиваетъ опытной рукой деревянные гвозди въ подошву, какъ будто сапожникомъ родился. Попалъ онъ въ городъ недавно, а работы у него уже много, и въ пустырѣ навѣрное онъ долго не засидится.

Другой, сидѣвшій дальше, съ краснымъ, мужественнымъ лицомъ, значительно ниже ростомъ Ю., выравниваетъ и выглаживаетъ каблукъ, но медленно, безъ той ловкости, съ которой работаетъ Ю. Достаточно взглянуть въ лицо болѣе низкаго сапожника, чтобы, оставаясь самымъ горячимъ противникомъ всяческихъ теорій о людской породистости, отгадать, что этотъ человѣкъ когда-то не при станкѣ сидѣлъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Х. былъ когда-то слушателемъ медицины, потомъ... Но о томъ, чѣмъ онъ былъ потомъ, и

*) Хійусъ—якутское названіе полярнаго вѣтра.

въ два вечера не разсказать. Теперь лѣтъ ужь пять какъ онъ сапожникъ и, говоря по правдѣ, сапожникъ-пьянчуга. Эта слабость не позволяетъ ему даже подумать о пріобрѣтеніи собственнаго станка, и потому онъ шатается по всѣмъ здѣшнимъ мастерскимъ, работая чужими инструментами, что очень тяжело для него. За инструменты всякій обладатель ихъ беретъ значительный процентъ и даже Ю., вѣроятно, не много сбавилъ цѣну, назначаемую другими мастерами.

Это была когда-то гордая душа, но жизнь стерла ее и втоптала въ тинкое болото, изъ котораго выходитъ цѣлымъ человѣкъ только выдающейся нравственной силы. У Х. не было той силы, которую не гнутъ никакія житейскія бури, и онъ былъ теперь постояннымъ жителемъ пустыря. Его дни на землѣ сочтены; умъ, знаніе, которыми онъ обладалъ когда-то, даютъ ему теперь полную возможность понимать свое положеніе, и какою горечью наполняютъ его, о томъ навѣрное никто никогда не узнаетъ на землѣ.

Печать-ли униженія, или что-нибудь другое болѣе глубокое—придаютъ лицу его особенную выразительность. Въ обхожденіи онъ былъ немного другой; и способъ выражаться, и манеры часто обнаруживали въ немъ вліяніе общества, въ которомъ онъ издавна находился; часто, но не всегда, онъ могъ овладѣвать собою, и тогда на его лицѣ появлялся румянецъ стыда за свое положеніе.

Когда я вошелъ, сапожники, какъ и слѣдуетъ занятымъ людямъ, даже не пошевелились на своихъ мѣстахъ; молча раздѣвшись и отеревъ лицо отъ намерзшихъ льдинокъ, я подошелъ поближе къ нимъ. Обѣ наклоненныя головы поднялись, привѣтствуя меня дружеской улыбкой. Ю. съ гвоздями въ зубахъ, что-то неопредѣленное пробормоталъ, подавая мнѣ руку, и тотчасъ-же снова принялся за свою автоматическую работу. Х., послѣ привѣтствія, осматривалъ еще недоконченный каблукъ и поставивъ на полъ сапогъ, со вздохомъ сказалъ: «и дѣлу—конецъ». Это была излюбленная его фраза.

— Что окончено? спросилъ я.

— Все—прозвучалъ также стереотипный отвѣтъ.

— Только не каблукъ—проморботалъ Ю., вынимая послѣдній гвоздь изъ зубовъ.

— А можетъ статься и каблукъ,—разумѣется, если не брошу эту проклятую развалину и вновь не вернусь къ дьячку,—скороговоркой отвѣтилъ Х.

А развѣ вамъ здѣсь плохо? замѣтилъ Ю. Станокъ, слава Богу, хорошій, снарядовъ довольно, а комнатъ, хоть кадриль танцуй.

Но Х. не слушалъ и продолжалъ:

— Такъ, очень можетъ быть, что брошу это сапожничество, если только во время не переберусь къ дьячку. Брошу, потому, что вотъ этотъ сапожникъ убѣдилъ меня въ томъ, что въ этой конурѣ мое ремесло непригодно и что я сапожникомъ могу быть только у дьячка-чеботаря.

Ю. самодовольно захохоталъ и уже собирался дать надлежащій отвѣтъ, какъ вдругъ внушительный басъ: «у дьячка или не дьячка, а сапожникомъ никогда вамъ не быть»— прервалъ его въ самый важный моментъ. Басъ выходилъ изъ темнаго угла той-же самой комнаты; я по-внимательнѣе посмотрѣлъ туда. На довольно низкой постели сидѣлъ съ опущенной головой,—безпрерывно выпуская клубы дыма изъ трубки, крѣпкій мужикъ, по просту называемый Бартломеемъ, рѣже Барткомъ, знахаремъ.

— Почему нѣтъ? спросилъ я, здороваясь съ нимъ.

— Потому нѣтъ—отвѣтилъ Бартломей—что ни одно существо не можетъ уйти отъ своего назначенія,—ни песъ сукой, ни баба мужикомъ никогда не будетъ.

— Вѣдь это что-то совсѣмъ другое?

— Оно какъ будто и такъ, но на дѣлѣ выходитъ тоже самое. Вотъ хоть-бы я самъ тому примѣръ: отъ работы—нечего объ этомъ и говорить—не бѣгу, напротивъ, она не идетъ ко мнѣ. А почему? Потому что не при своемъ дѣлѣ состою. И хотя тружусь и не нью, а гибну, какъ овца въ грязи, и пропаду такъ,—вѣдь и теперь уже я похожъ болѣе на блудящаго пса, чѣмъ на человѣка, только бездѣлье-то другое. Оно и раньше мнѣ такъ казалось, какъ только тутъ очутился. Развѣ это не такъ? Земля такъ велика, рѣки—что моря, горы не то, что наша Лысая, луга съ травой по поясъ, а край безъ плодовъ! Умны-же наши мужики, да знахари тоже—и сглазить, и вылечить отъ глаза умѣютъ, и лекарства у нихъ есть даже на бабье упрямство; но сказать, что

есть земля такая большая и безъ плодовъ, что знахарю здѣсь приходится гибнуть—не повѣрятъ.

Бартломей---какъ не трудно догадаться—былъ временнымъ жителемъ пустыря. Мужикъ этотъ былъ большой честности, но какой-то фатумъ висѣлъ надъ нимъ. Работящій, и добросовѣстный, онъ, однако, нигдѣ не могъ найти себѣ работы, которая могла-бы выдвинуть всѣ его достоинства и обратить на него вниманіе. Недавно онъ прибылъ сюда, привлеченный обѣщаніями какого-то поставщика; обѣщанія не сбылись, и Бартломей, пользуясь безплатнымъ пріютомъ, ожидалъ только, пока не спадутъ немного морозы, чтобы двинуться въ обратный путь.

Это былъ степенный мужикъ, настоящій ученый. Онъ не любилъ пустой болтовни и рѣдко поднималъ голосъ, но ужь если онъ откликался когда, то не иначе какъ только категорично, увѣренно и безаппелляціонно. Какъ представитель класса, съ давнихъ лѣтъ составлявшаго довольно привилегированную касту, онъ былъ отчаяннымъ консерваторомъ, не допускавшимъ никакихъ реформъ въ обществѣ: «несъ—несомъ, баранъ—бараномъ»—было его правиломъ. Авторитетъ своихъ моральныхъ наставниковъ онъ вознесъ почти до религіознаго культа и отзываться при немъ о чемъ-либо, хотя-бы издалека касающемся этого авторитета, не всегда было дѣломъ безопаснымъ.

— Кто говоритъ?—грозно спрашивалъ Бартломей въ такихъ случаяхъ.

И если онъ не былъ сильно раздраженъ и могъ сдерживаться, то протягивалъ передъ носомъ говорившаго свои внушительные кулаки и медленно произносилъ:

— Дураки говорятъ!...

Въ другой такой-же обширной комнатѣ находилось еще двое постоянныхъ обитателей пустыря: слесарь П—чъ и ex-помѣщикъ, когда-то знатный Ф. Ь—скій. Если Х. былъ человѣкомъ, стоявшимъ на краю пропасти, то П—чъ скатился уже давно на самое дно ея. Когда я вошелъ, онъ долбилъ что-то около своего столика, носившаго названіе станка. Блѣдный, худой и миніатюрный, онъ казался еще болѣе миніатюрнымъ, благодаря согнутому положенію; онъ ходилъ всегда настолько согнувшись, что положительно рѣдкій старикъ могъ перещеголять его въ этомъ отношеніи.

— Да выпрямись хоть разъ одинъ!—говаривалъ я ему.

— Хи, хи, хи! смѣялся добродушно П—чъ,—земля, земля, добрѣйшій господинъ, развѣ ужь выпрямитъ меня. Отъ десятилѣтней жизни при станкѣ, съ утра до ночи, сталъ помаленьку гнуться.

Жизнь этого человѣка была настоящей Одиссеей, только неудачнику никогда не пришлось быть Улиссомъ. Злая судьба гоняла его по всѣмъ уголкамъ Сибири, и доживать ему привелось въ самомъ худшемъ изъ нихъ. Ф. Б—ій при моемъ входѣ спалъ, но всталъ, услыхавъ нашъ разговоръ. Высокій, широкоплечій, онъ былъ физически силенъ, а его темное лицо, обрамленное черной, какъ уголь, бородой, съ крупными насупившимися бровями, дышало всегда суровымъ выраженіемъ. Растроганнымъ я его никогда не видѣлъ и только когда его что-нибудь очень схватитъ за сердце, онъ мигалъ вѣками очень быстро и протягивалъ за водкой руку. Неутомимый за работой, онъ могъ и умѣлъ работать и еще недавно работалъ, какъ волъ. Два года, какъ онъ сталъ пить запоемъ. «Тронуло-ли его что, грѣхъ-ли какой случился съ нимъ», говорилъ о немъ Бартломей. Гибнетъ онъ теперь, повидимому, безповоротно, хотя можетъ быть при благопріятныхъ условіяхъ еще и выйдетъ изъ пропасти, въ которую катится, такъ какъ человѣкъ онъ необыкновенно сильный.

Есть въ Россіи ломовыя лошади, называемыя битюгами, черныя, очень рослыя и необыкновенно сильныя. Идетъ себѣ животное такимъ ровнымъ мѣрнымъ шагомъ, безъ тѣни усилія, а спроси, сколько тяжести на телѣгѣ? 60 пудовъ самое меньшее, а часто и 100 тянетъ. Б—скій походилъ на битюга и ходилъ даже такъ, какъ битюги. Пойдетъ бывало крупнымъ ходкимъ шагомъ, и не догонишь его. Всѣ покупки изъ города: хлѣбъ, мясо, водку всегда носилъ онъ, такъ какъ никто другой такъ скоро не ходилъ и никто такъ не переносилъ самаго лютаго мороза.

Крѣпкая натура у этого человѣка, а какую тяжесть онъ иногда тащитъ на себѣ, никому и не догадаться,—«битюгъ» да и только! Кромѣ этого у него была какая-то особенная находчивость, которая не разъ выручала его изъ настоящей опасности; онъ-то и занялъ пустырь и былъ въ немъ господиномъ de jure, и что особенно удивительно, съумѣлъ найти якутку, дьявольски безобразную, но честную, какими бы-

ваютъ только дикіе люди, которая согласилась быть кухаркой въ колоніи. Евдоксія такимъ образомъ была шестой душой въ пустырѣ.

Не всѣ обитатели пустого дома сразу согласились на торжественное празднованіе сочельника. Бартломей и, что всего удивительнѣе,—Х. дольше всего упрямились. «Нѣтъ и нѣтъ—упирался Х.—водки могу выпить, сколько хотите, съѣмъ, что дадите, но сочельникъ? Нѣтъ!» И только когда необыкновенное краснорѣчіе, пущенное въ ходъ П—чемъ, смягчило упрямство Бартломея, сразу уступилъ и Х.

Б—скій, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бывало, не медля, отправился за провизіей и скоро вернулся изъ города съ мукой, масломъ, пуками и большой бутылью. Закусивъ немножко и выпивъ, мы вышли въ первую комнату, чтобы не мѣшать приготовленіямъ, которыя должна была вести Евдоксія подъ руководствомъ П—ча. Онъ необыкновенно гордился оказанной ему честью и съ откинутой назадъ головой, какъ всегда съ нимъ бывало, когда онъ силился держать себя прямѣе, сильно важничалъ, и такъ былъ взволнованъ, что на самомъ дѣлѣ потерялъ въ этотъ разъ все свое краснорѣчіе. Вмѣсто словъ онъ испускалъ какое-то неопредѣленное покряхтыванье, которое сильно угнетало его въ особенности въ началѣ. Наконецъ, покряхтыванье стихло и только дранье лучинъ, выбиваніе тѣста и шипѣніе масла въ кухнѣ давали намъ знать, что П—чъ, овладѣвши собой, наконецъ, вышелъ на настоящую дорогу кухонной дѣятельности.

И въ первой комнатѣ теперь стало шумнѣй; Бартломей и Х. распустивши вожжи, не знали удержу; начались воспоминанія, высчитыванья, по скольку лѣтъ нѣкоторые не видѣли никакого сочельника, а когда Бартломей замѣтилъ, что надо было-бы «немного по торжественнѣй приступить къ такому святому празднеству», началось всеобщее умываніе, переодѣваніе, какъ будто-бы всѣ собирались на балъ. Ю. надѣлъ на себя убійственные воротнички, доходившіе чуть не до половины щекъ, украсивъ свою шею прекраснымъ бантомъ изъ рѣденькаго платка.

Бартломей вынулъ изъ ящика какой-то небольшой узелокъ и, долго шаря̀сь въ немъ, вытащилъ кусочекъ тоненькой, ленточки краснаго цвѣта, пытаясь завязать ее на шеѣ, по

безуспѣшно. Загрубѣвшія и отвыкшія руки совсѣмъ не слушались его и ленточка ускользала изъ подъ его пальцевъ. Тогда Бартломей, пришедшій въ восторгъ отъ банта сапожника, обратился къ нему съ просьбой: «сдѣлай и мнѣ такъже!» Сапожникъ принялся за работу, но взялся-ли онъ за нее небрежно или что-то замѣтилъ по поводу убогой принадлежности, только послѣ тихаго замѣчанія Бартломея: «а это еще изъ дому», сапожническое «ааа»! прозвучало другимъ топомъ, и Бартломей получилъ бантъ, съ которымъ «хоть свататься смѣло иди». Бартломей ходилъ съ бантомъ, какъ будто-бы аршинъ проглотилъ, но когда еще и Б—скій пристегнулъ крахмаленный воротничекъ, а Х. вытащилъ какую-то старую жакетку, надъ очисткой пятенъ которой онъ трудился цѣлыхъ чуть не полчаса, внѣшній видъ всей нашей компаніи гармонически слился съ ея торжественнымъ внутреннимъ настроеніемъ. Говорю всей, потому что вслѣдъ за распахнувшимися настежь дверями сосѣдней комнаты показался П—чъ, тоже празднично разодѣтый: въ длинномъ потертомъ сюртукѣ и хотя съ болѣе маленькимъ воротничкомъ, но за то съ бантомъ ничуть не уступающимъ банту сапожника.

* * *

П—чъ откашлянулъ разъ и другой, откашлянулъ, наконецъ и въ третій разъ и, придерживая одной рукой дверь, другой-же приглашая всѣхъ насъ, торжественно сказалъ:

— Ужинъ готовъ, пожалуйте къ столу!

Видъ, открывшійся намъ при входѣ, былъ такъ не ожиданъ, что, войдя въ столовую, мы остановились, какъ вкопанные. У внутренней стѣны комнаты стоялъ немалой величины столъ, накрытый, какъ подобаетъ, бѣлой скатертью, сквозь дыры которой выглядывало сѣно, лежавшее на столѣ. Столъ былъ освѣщенъ двумя свѣчами, воткнутыми въ помятые жестяные подсвѣчники; на одномъ концѣ стола стояло блюдо съ пріятно и ароматично дымившейся кучей хорошо зарумяненныхъ оладій, на другомъ концѣ находилось блюдо съ пупками, приправленными уксусомъ и перцемъ, около блюда лежалъ хлѣбъ и стояла бутыль, окруженные мелкой и сборной посудой.

На самой-же срединѣ стола, на единственной когда-то бѣлой, а теперь пожелтѣвшей и зазубренной тарелкѣ, лежали

крошки присланной мнѣ просфоры. Ни бѣлой скатерти, ни сѣна, ни просфоры никто не ожидалъ встрѣтить,—оттого-то и впечатлѣніе, вызванное столькими неожиданными аксесуарами, было сильное. П—чъ, весьма польщенный эффектомъ, выдвинулся теперь впередъ и приблизившись къ столу, осторожно взялъ тарелку съ просфорой. Выпрямившись такъ, что затрещала у него спина, онъ откашлянулъ, раскрылъ ротъ и когда всѣ ожидали съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ цѣлой рѣчи, сказалъ дрожащимъ голосомъ четыре слова:

— Господа! просфора прямо съ родины.

И Златоустъ не сказалъ-бы сильнѣе!

Уже болѣе нетерпѣливые подходили къ столу, уже привлекательный запахъ оладій начиналъ господствовать надъ важностью недавней минуты, но когда эти четыре слова раздались въ комнатѣ, могильная тишина воцарилась, какъ будто невольно вытянулись всѣ въ одинъ рядъ и пять головъ обратились въ сторону тарелки.

П—чъ снова выпрямился.

— Гм, гм! господа! святыня такая...

— Освящена?!—съ радостнымъ удивленіемъ перебилъ боязливо Бартломей.

— Надѣюсь! другой-бы не прислали—съ глубокой увѣренностью отвѣтилъ П—чъ.—Но, продолжалъ онъ—гм, т. е. хотѣлъ-бы сказать, если есть святыня такая, не подѣлимся-ли?

— Подѣлимся! подѣлимся! пятеро сказали, какъ-бы одинъ человѣкъ.

П—чъ снова сдѣлалъ усиліе выпрямиться.

— Хотѣлъ-бы я сказать, не обижая любезнаго Б—скаго—и онъ низко поклонился ему—всѣ мы вотъ въ этихъ палатахъ какъ будто хозяева, надѣюсь, то есть, думаю я, что лучше выйдетъ, если нашъ гость всѣхъ насъ обойдетъ...

И весь красный, вспотѣвшій точно послѣ самой трудной работы, онъ передалъ съ поклономъ мнѣ тарелку. Я взялъ ее и подошелъ къ Б—скому.

Теперь только, когда мнѣ самому привелось говорить, я понялъ, какихъ усилій стоили моему предшественнику его коротенькія рѣчи; руки мои тряслись, языкъ совсѣмъ не повиновался. Б—скій поблѣднѣлъ, даже побѣлѣлъ, и когда я

подошелъ къ нему ближе, суровое лицо его казалось мнѣ недвижимымъ, точно высѣченнымъ изъ мрамора, и если-бы не вѣки, постоянно мигавшія, я могъ-бы подумать, что это трупъ, а не живой человѣкъ, стоитъ передо мной. Онъ долго собиралъ крошки, но и онѣ выпадали у него то и дѣло, и я сомнѣваюсь, воспользовался-ли онъ хоть одной...

Съ другими было то-же самое.

П—чъ, какъ человѣкъ съ нѣжнѣйшимъ сердцемъ, первый началъ всхлипывать, точно дитя, и хотя Бартломей, стоявшій за нимъ, останавливалъ его толчкомъ и унималъ жалкими просьбами: «тише, братецъ, тише, а то и я зареву, какъ баранъ», но это нисколько не помогало. Когда-же я подошелъ къ Бартломею, силъ у него уже не хватило: онъ низко наклонилъ свою посѣдѣвшую голову и, протягивая руки къ просфорѣ, заговорилъ медленно и громко:

Во имя Отца... и Сына... и святаго... и святаго,—повторилъ онъ дальше и... зарыдалъ вслухъ.

*
* *

Слезы намъ всѣмъ принесли отраду, всѣмъ, кромѣ Б—скаго, который среди всеобщаго плача стоялъ, какъ окаменѣвшій, моргая лишь вѣками—очевидно, его теперь задѣло что-то за живое, потому, что онъ, находясь около стола съ протянутыми руками къ мелкой посудѣ, окружавшей бутыль, довольно громко зазвенѣлъ стекломъ. Вѣки его дрожали, руки тряслись какъ въ лихорадкѣ, на столько, что самъ онъ не могъ съ ними сладить, и когда П—чъ, уже успокоенный, подошелъ къ нему поближе, онъ шепнулъ ему тихимъ шопотомъ:—налей, братецъ!

П—чъ началъ наливать и сколько было рукъ—всѣ протянулись къ столу.

Сразу налить всѣмъ, конечно, не было никакой возможности, а такъ какъ каждый чувствовалъ сильную жажду, то послышались замѣчанія, что раньше не позаботились наполнить посуду, замѣчанія, прерванныя сразу Бартломеемъ, мудро замѣтившимъ, что «не духъ-же святой всякій, чтобы могъ знать, что такая глубокая скорбь осѣнитъ вдругъ весь народъ». Когда посуда была, наконецъ, наполнена, изъ боязни новой печали мы молчаливо осушили ее, по очереди подходя къ соленымъ и посыпаннымъ перцемъ пупкамъ. Это такая

ѣда, что безъ соотвѣтствующаго осложненія много ея не съѣшь, и потому, когда П—чъ вторично взялся за бутыль, руки всѣхъ снова протянулись къ нему, и только тутъ замѣтили мы, что рукъ Б—скаго не было среди нашихъ. Б—скій, какъ и раньше, стоялъ съ пустой посудой молчаливо, недвижимо, весь блѣдный. Первый Бартломей, знакомый съ уходомъ за больными, усмотрѣлъ небезопасность состоянія Б—скаго и, быстро подбѣжавъ къ нему, заботливо его осмотрѣлъ.

— Семь сухихъ болѣзней, видно, стиснуло его сразу! прозвучало послѣднее заключеніе—а безъ слезъ эти болѣзни задавятъ такого человѣка, какъ волкъ ягненка. Есть одинъ совѣтъ: если жестокая боль не выйдетъ слезами, то спустить ее нужно вглубь, и тогда помаленьку отступитъ, сердечная боль пройдетъ. Нужно было ему сразу выпить до трехъ разъ; но это не бѣда: мужикъ крѣпкій, помаленьку пройдетъ.

И, выбравъ болѣе крупную посуду, Бартломей скомандовалъ:

— Лей-же, П—чъ!

П—чъ налилъ, Б—скій выпилъ автоматично; налилъ снова и Б—скій снова выпилъ; но болѣзнь видимо не проходила, потому что Бартломей началъ новый осмотръ.

— А что, нѣтъ-ли на случай у кого-нибудь немного спирта? Б—скій махнулъ утвердительно головой и, когда спиртъ нашелся, Бартломей выбралъ изъ посуды обыкновенный стаканъ и, наливъ добрую половину, подалъ Б—скому.

Лекарство подѣйствовало чудесно. Б—скій пилъ маленькими глотками и, когда выпилъ, блѣдность пропала у него на лицѣ, усѣлся у стола и пожелалъ закусить; ему подсунули пуки и, когда всѣ во очію убѣдились, что пуки исчезаютъ съ надлежащей быстротой, тяжелый камень свалился съ нашего сердца. Бартломей своей услугой теперь гордился не менѣе, чѣмъ П—чъ—сочельникомъ; оба взволнованные, они начали взаимно угождать другъ другу, и, когда Б—скій, уничтоживъ фунта съ два пуковъ, пересталъ ѣсть, первая критическая минута сочельника была счастливо окончена.

* * *

Въ пустырѣ теперь былъ шумъ, какъ въ ульѣ; говорили всѣ, и хотя всѣмъ казалось, что говорятъ голосомъ обыкно-

вешнымъ, все-таки было шумно, точно здѣсь было до дюжины людей.

Желанное блаженство согрѣвало всѣхъ и у каждаго сдѣлалось такъ хорошо на душѣ, что и недавнее смущеніе, и застарѣвшія боли и раны, которыя каждый скрывалъ передъ людьми, какъ скупецъ скрываетъ ящики, набитые деньгами, открылись, чтобы испить бальзамъ утѣшенія.

Воспоминанія о многихъ страданіяхъ проходили предъ нами длинной, безконечной нитью, показывая намъ, какъ въ калейдоскопѣ, всю человѣческую горечь.

И получивъ вожделѣнное облегченіе, видя вокругъ лица съ слезами участія, каждый охотно шелъ съ своей немощью и обнажалъ грѣхи свои; точно между нами была публичная исповѣдь, полная искренняго сокрушенія.

Билъ себя въ грудь своей сильной рукой Бартломей, обвиняя себя въ излишнихъ слабостяхъ; всхлипывалъ П—чъ, трогательно умоляя, чтобы ему за тяжкія испытанія, превосходившія его слабыя силы, сегодняшняя его слабость была прощена, обвиняли себя и другіе.

Только послѣ общаго раскаянія и полнаго отпущенія грѣховъ тѣмъ, которые спотыкались на тернистой дорогѣ, вернулось утраченное человѣческое достоинство—пожелтѣвшія и изрытыя морщинами лица прояснила искренняя, дѣтская радость, смѣло поднялись ихъ опущенные глаза—мы всѣ здѣсь были равны между собой. И другая минута, не менѣе критическая, чѣмъ первая, одинаково счастливо прошла.

*
* *

Наступила третья минута.

Гармонія, воцарившаяся среди насъ, и радостное чувство пронизывали насъ пріятной дрожью, предвѣщая приближающійся моментъ.

Тотъ сладкій бокалъ, который столько разъ манилъ и обольщалъ насъ своимъ чарующимъ напиткомъ, тотъ убійственный гашишъ, къ которому, какъ птицы въ темную ночь къ огню, стремятся люди, недовольные здѣшней жизнью и отъ котораго какъ отъ призрака смерти бѣгутъ люди, узнавшіе здѣшнюю жизнь, этотъ бокалъ стоялъ передъ нами ничѣмъ уже не прикрытый. Спали одна за другой занавѣски, прикрывавшія заманчивый ядъ; оставалось приступить и пить,

пить до полнаго изнеможенія силъ. Первый заигралъ на чудныхъ струнахъ родныхъ воспоминаній старый Бартломей.

*
* *

Хоръ изъ шести человѣкъ гремитъ громкимъ эхомъ въ большихъ комнатахъ пустого дома. Грустныя и веселыя пѣсни льются въ томъ неизмѣнномъ порядкѣ, въ которомъ все совершается на свѣтѣ. Одинъ Бартломей, бывавшій во многихъ земляхъ, за двоихъ постоитъ со своими пѣснями. Пѣсня «чѣмъ мы хуже другихъ» могла-бы удовлетворить самаго горячаго любителя вокальныхъ наслажденій, столько разъ мы ее пѣли, и сколько было такихъ между нами, которые не пять, не десять, но даже 20 и болѣе лѣтъ не слыхали этой пѣсенки! Бартломей, несмотря на охрипшій уже голосъ, подстрекаемый общимъ одушевленіемъ, въ пятый разъ начинаетъ другую народную пѣсню.

А чѣмъ хуже вторая строфа: «и шаровары съ затянутымъ шнуркомъ» и т. д.? Не только не хуже, но еще и красивѣй, такъ какъ повторяется она въ шестой разъ и даже седьмой. Каждое слово этой пѣсни, прелестной своей наивной простотой, вызываетъ невыразимый энтузіазмъ. «Э-эхъ! что за пѣсня, вотъ такъ пѣсня!» вырываются короткія похвалы, а Бартломей несмотря на то, что поетъ безъ перерыва, глядя вокругъ торжествующимъ взглядомъ, все-таки успѣваетъ на каждый такой возгласъ отвѣтить коротко, но выразительно: —важная!...

Б—скій ловитъ каждую ноту новой пѣсенки и выпѣваетъ ее точно органщикъ, повторяя необыкновенно высокимъ дискантомъ только два слога: «дына, дына, дына, дына» и такъ безъ конца. Поетъ онъ съ сильнѣйшимъ одушевленіемъ; самъ очень сильный и сжигаемый внутреннимъ огнемъ, страшенъ онъ теперь съ своими пѣснями безъ словъ, въ которыя влагаетъ свои боли и скорби, никогда не высказанныя словами. Исчерпаны и пропѣты, наконецъ, всѣ извѣстныя намъ пѣсни; дальше никто ничего не помнитъ; но энтузіазмъ, который охватилъ насъ, дошелъ теперь до зенита, поэтому должна быть новая пѣснь, слова и мотивы которой, давая выходъ вызванному чувству, отвѣчала-бы общему настроенію.

*
* *

Въ главнѣйшихъ пѣсняхъ нашего народа, грустныхъ и радостныхъ, полныхъ глубокаго и спокойнаго чувства, мы на-

ходимъ желаемый выходъ—это въ религіозныхъ пѣсняхъ. Убоги тѣ люди, которые въ этихъ пѣсняхъ ничего не слышатъ, ничего не чувствуютъ. Великопостныя, пасхальныя и рождественскія пѣсни—это величайшее артистическое наслѣдіе, какое намъ передало прошедшее. Это единственная область нашего артистическаго творчества, которую не отдѣльные слои общества, не отдѣльныя эпохи, а цѣлый народъ складывалъ въ теченіи многихъ вѣковъ своего существованія, вкладывая въ нихъ всю свою душу, всѣ свои радости и земныя скорби. И мы имѣемъ сокровищницу мелодій глубокихъ, какъ душа народа, которую никогда не затронутъ мелкія, ничтожныя чувства, великихъ, какъ велико существованіе на землѣ, омраченное вѣками.

Брось въ эту глубину сколько хочешь самой глубокой печали, безконечныхъ радостей, не возмутишь даже ея поверхности; на громы небесные она отвѣчаетъ глухимъ журчаньемъ своихъ водъ, однимъ тактомъ, измѣненнымъ темпомъ, едва замѣчая ихъ!

Изъ этой сокровищницы, до сихъ поръ неоцѣненной надлежащимъ образомъ, когда-нибудь начнутъ черпать великіе художники будущаго, какъ теперь черпаютъ изъ нея люди истинно страдающіе.

* * *

Кто-жъ не знаетъ распространенной у насъ религіозной пѣсни: «Звѣзда моря?» Пѣснь эта, кажется, въ немногихъ мѣстахъ поется на мотивъ, какимъ мы пѣли ее здѣсь. Пропѣтая безъ словъ, она удивительно пришлась намъ по душѣ; тогда мы пропѣли ее до конца. И слова и мотивъ ея отвѣчали нашимъ чувствамъ. Простыя слова пѣсни были какъ будто для насъ написаны; народный мотивъ этой торжественной пѣсни успокоивалъ нашу душу, нами самими израненную. Бартломей первый припалъ на колѣна, за нимъ послѣдовали другіе, и изъ нашихъ устъ понеслась искренняя и горячая молитва, а когда дошли мы до словъ: «отврати отъ насъ голодъ, моръ и кровавую войну», мы молились съ такимъ усердіемъ, что слыша не слышали, видя не видѣли, какъ поднялся плакавшій Бартломей!

— Ой, не услышитъ Отецъ милосердный—такой великой молитвы изъ этого зачумленнаго вертепа! Господу небесному

нужно молиться на просторѣ! закричалъ онъ и, вставъ, вышелъ изъ комнаты.

Но силы наши уже истощаются, даже Б—скій перестаетъ пѣть временами, и только открытый ротъ и рука, выбивающая тактъ, показываютъ, что въ душѣ своей онъ продолжаетъ пѣть, а за дверью раздается сильный голосъ, электризующій насъ снова:

«Христосъ рождается»!

Это Бартломей, приведенный Евдоксіей «съ простора», среди котораго онъ навѣрное-бы замерзъ, христославитъ своимъ сильнымъ басомъ.

Новый источникъ, еще незатронутый сегодня нами, открывается намъ. И мы о немъ забыли?! И хотя наши уста едва шевелятся, мы пьемъ жадно изъ новаго источника, и согласный хоръ начинаетъ новую пѣснь. Радостная пѣснь Рождества Господня уноситъ насъ снова далеко, далеко за якутскую землю, зажигая сердца наши новымъ огнемъ, огнемъ вѣры, упованія и надежды.

И молимся мы долго и горячо; даже Евдоксія, одушевленная молитвой нашей, вышла къ намъ со святымъ образкомъ; била намъ поклоны и умоляюще повторяла: «Тангара! Ай Тангара! Ай Тангара, уруй»*).

В. С—въ.

УЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕКИНѢ.

Европейскіе путешественники по азіатскому востоку до сихъ поръ удѣляютъ очень мало вниманія внутренней, такъ сказать, бытовой сторонѣ жизни посѣщаемыхъ ими народовъ. Поэтому наши познанія объ этой области жизни даже ближайшихъ нашихъ сосѣдей крайне ограничены. А между тѣмъ своеобразный соціально-бытовой складъ жизни азіатскихъ народовъ, образовавшійся подъ вліяніемъ незнакомыхъ европейцамъ историческихъ условій, представляетъ громадный интересъ. Въ виду этого небольшая работа dr. Forke, помѣщенная въ 47 № «Multheilungen der Deutschen Gejellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens in Tokio» за 1892 годъ и ка-

*) Боже, великій Боже, помилуй.

сающаяся уличной жизни въ Пекинѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Мы помѣщаемъ здѣсь сокращенный переводъ этой статьи.

Какъ-бы ни былъ малъ китайскій городъ, на улицахъ его всегда замѣчается большое движеніе, слагающееся изъ совершенно другихъ элементовъ, чѣмъ въ европейскихъ городахъ. Богатый или чиновный человѣкъ въ Китаѣ вообще рѣдко показывается на улицѣ. Гомозитъ все бѣдный людъ, рабочіе, носильщики съ тюками на плечахъ или на коромыслахъ, разносчики, продавцы всякой всячины—готовыхъ кушаній, воды, каменнаго угля, лекарствъ, посуды и т. п. Ремесленники самой разнообразной профессіи, напримѣръ: башмачники, цырюльники, «ножные операторы», чинильщики разной мебели и посуды, кузнецы и, наконецъ, акробаты, фигляры, ворожеи и т. д. безъ конца—бродятъ по улицамъ китайскихъ городовъ съ громкими предложеніями своихъ услугъ и, при полученіи заказовъ, исполняютъ ихъ тутъ-же на улицѣ, среди гама и шума снующей взадъ и впередъ толпы. Съ каждымъ шагомъ по улицѣ движеніе и масса людей все увеличивается. Все нарастающій гулъ голосовъ переходитъ, наконецъ, въ оглушительный концертъ, дѣйствующій невыносимо на нервы европейца. Надо еще помнить, что каждый разносчикъ или ремесленникъ предлагаетъ свой товаръ или услуги на распѣвъ — громкимъ фальцетомъ, доступнымъ только китайскому горлу. При томъ однихъ голосовъ оказывается еще недостаточно, поэтому у большинства китайскихъ разносчиковъ и ремесленниковъ имѣются особые «кричащіе» инструменты—разныя трубы, барабаны, гонги, по звукамъ которыхъ обыватели узнаютъ того или иного спеціалиста. Къ этому человѣческому концерту присоединяютъ свои голоса ослы и мулы, употребляющіеся при разносной торговлѣ. Общій фонъ картины китайской улицы дополняютъ стаи домашнихъ свиней и отвратительныхъ на видъ собакъ, которыя не имѣютъ хозяевъ, а потому вѣчно голодны. Они, въ безчисленномъ количествѣ, съ воемъ и хрюканьемъ шныряютъ между ногами прохожихъ, отыскивая себѣ пропитаніе въ отбросахъ крайне нечистоплотныхъ горожанъ.

Весь этотъ разноголосый хоръ аккомпанируется раздирающими душу криками китайскихъ нищихъ, о которыхъ евро-

несъ не можетъ составить себѣ правильнаго понятія, пока не увидитъ ихъ воочію.

Само собою разумѣется, что въ большихъ городахъ, въ родѣ Пекина, уличная сутолока достигаетъ своего крайняго развитія. Въ Пекинѣ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, которые составляютъ $^2/_3$ всего населенія столицы поднебесной имперіи.

Громадное большинство этого люда не принадлежитъ къ постояннымъ жителямъ города, а приходитъ туда на заработки изъ провинцій Шань-си, Шань-дуна и Чжили. Къ этому временному населенію китайской столицы относится также большинство хозяевъ и приказчиковъ большихъ магазиновъ и конторъ. Всѣ они пріѣзжаютъ въ Пекинъ только на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Такъ, напримѣръ, самые крупные банкиры Пекина принадлежатъ къ жителямъ Шань-си, чайные торговцы—провинціи Ань-юй. Для полноты представленія слѣдуетъ добавить, что весь этотъ пришлый людъ не имѣетъ въ Пекинѣ своихъ семей. Послѣднія остаются всегда дома и служатъ какъ-бы залогомъ возвращенія временныхъ пекинцевъ въ мѣста своей родины. Временное пребываніе иногородцевъ въ Пекинѣ зависитъ еще отъ того, что китайское законодательство сильно ограничиваетъ перечисленіе гражданъ изъ одного города въ другой. Такъ, напримѣръ, чтобы сдѣлаться оффиціальнымъ гражданиномъ Пекина, надо прожить въ немъ не менѣе 30 лѣтъ.

Впрочемъ, нѣкоторыя профессіи даютъ возможность пекинцамъ отъ времени до времени посѣщать свои отдаленныя семьи. Такъ, обычай въ Китаѣ устанавливаетъ право приказчиковъ требовать себѣ у хозяевъ шестимѣсячнаго отпуска послѣ непрерывной трехлѣтней службы. Нѣкоторые предметы торговли имѣютъ свой сбытъ въ Пекинѣ только въ опредѣленное время года, напримѣръ: продажа льду, каменнаго угля и т. п. Поэтому торговцы этихъ предметовъ имѣютъ возможность въ свободное время побывать на родинѣ. Далѣе dr. Forke подчеркиваетъ тотъ любопытный фактъ, что пекинскіе разносчики и ремесленники почти никогда не соединяются въ артели или товарищества, а живутъ всегда отдѣльно другъ отъ друга. Артельное начало, столь обыкновенное у насъ въ Россіи, совершенно отсутствуетъ у тор-

говцевъ и ремесленниковъ Китая. Даже люди одной и той-же профессіи, какъ, напримѣръ, разносчики хлѣба, овощей и т. п., живутъ особнякомъ другъ отъ друга. У каждаго разносчика своя мелодія при выкрикиваніи товара, каждый особымъ образомъ носитъ свой товаръ, особо оцѣниваетъ его, вообще старается менѣе походить на своего конкурента. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ китайскіе разносчики допускаютъ между собой товарищескія отношенія, выражающіяся въ устройствѣ общихъ праздниковъ, общихъ прогулокъ, религіозныхъ процессій и т. д.

Какъ уже упомянуто выше, всякій китайскій разносчикъ или ремесленникъ выкрикиваетъ свой товаръ на свой особый ладъ, большею частію самыми высокими нотами голоса, или имѣетъ особые «кричащіе» инструменты, такъ что обывателю нѣтъ надобности высматривать того или иного разносчика. Онъ всегда узнаетъ нужнаго ему человѣка по крику послѣдняго или по его инструменту. Нѣчто подобное существуетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы, гдѣ, напримѣръ, по колокольчику узнаютъ молочницъ. Но существенная разница состоитъ въ томъ, что китайскій разносчикъ никогда не зайдетъ во дворъ дома или въ самый домъ обывателя съ предложеніемъ своихъ товаровъ. *Торгъ производится всегда на улицѣ.*

Изъ разносчиковъ въ Пекинѣ первое мѣсто занимаютъ продавцы съѣстныхъ припасовъ. Желающему покушать нѣтъ надобности итти въ гостинницу. Стоитъ только показаться на улицу,—тамъ тысячи разносчиковъ самыхъ разнообразныхъ кушаній предлагаютъ свои товары на выборъ. Большинство пекинцевъ, конечно, низшаго класса, и утоляетъ свой голодъ прямо на улицѣ, въ густыхъ облакахъ городской пыли. Всего больше, въ смыслѣ количества и разнообразія, на пекинскихъ улицахъ продавцевъ хлѣба. Всѣ они жители провинціи Шань-дуна. Хлѣбъ свой они носятъ на плечѣ въ большихъ ящикахъ и выкрикиваютъ отчаяннымъ фальцетомъ «яо-хинь-мань-тао», т. е., не угодно-ли хлѣба? Хлѣбъ этого сорта готовится изъ бѣлой муки и «печется» въ горячемъ парѣ. Онъ отличается приготовленіемъ отъ другого сорта—«по-по», который жарится на противнѣ. «По-по» самый любимый китайцами хлѣбъ; имъ торгуютъ до поздней ночи. Врядъ-ли хоть одинъ европеецъ, побы-

вавшій въ Пекинѣ, не слышалъ отчаяннаго воя разносчиковъ «по-по»—«юпиъ-мен по-по», т. е., твердый хлѣбъ—«по-по».

Лучшій хлѣбъ печется изъ первосортной муки, въ видѣ продолговатыхъ пироговъ «ха-міен-хпиь», т. е., пироги на маслѣ. Разносчики имѣютъ этотъ хлѣбъ въ большихъ красныхъ ящикахъ на спинѣ или на доскѣ на плечѣ. Они-же продаютъ еще конченую рыбу и колбасныя издѣлія.

Особаго рода хлѣбы продаются цзяньсійскими разносчиками. «Ма-ца», «та-по-сюй», «сап-цзы»—все разнообразнаго вида пироги съ начинкой и безъ начинки. Особенно характерны «та-по-зюй» съ конжутомъ. Они почти не продаются за деньги, а большею частью розыгрываются въ кости. Разносчики этихъ пироговъ возятъ съ собою оригинальное китайское домино, и любители азартныхъ игръ пробуютъ свое счастье на эти пироги.

Въ большой славѣ въ Пекинѣ также магометанскія печенья—«хуй-хуй-женъ». Китайскіе магометане не ѣдятъ ничего приготовленнаго иновѣрцами, поэтому для нихъ въ продажѣ имѣются издѣлія собственной кухни. Магометанскія печенья развозятся въ тачкахъ или ручныхъ телѣжкахъ, на которыхъ, въ качествѣ отличительнаго знака, стоитъ ваза, покрытая магометанской шапкой. На телѣжкахъ-же пишутся еще красками разныя изреченія, а также названія печенія. Другой продуктъ магометанской кухни, служащій предметомъ торговли на улицахъ Пекина,—особые пирожки, обильно приправленные перцемъ. Они разносятся въ бѣлыхъ ящикахъ на спинѣ и называются «хуа-хіао-сп-ти-хен-пиъ».

Своеобразнымъ крикомъ, не доступнымъ для европейца, выдѣляется разносчикъ большихъ пироговъ и жареныхъ клецокъ.

Къ оригинальному китайскому типу слѣдуетъ отнести также разносчиковъ горячихъ щей, суповъ и разныхъ другихъ мясныхъ блюдъ. Имъ уподобляются нѣсколько разносчики горячихъ сосисокъ въ Европѣ. Но капитальная разница между тѣми и другими состоитъ въ томъ, что первые носятъ съ собою всѣ приспособленія, необходимыя для приготовленія пищи. У нихъ имѣются: походный очагъ, кострюли, вода, тарелки, ложки и разные сырые продукты. Получивъ заказъ на то или иное кушанье, пекинскій разносчикъ снимаетъ съ плеча свои ящики и приступаетъ къ

стряпнѣ. Въ одну минуту, гдѣ-бы это ни случилось, на лучшей-ли улицѣ столицы, или въ какомъ-нибудь глухомъ переулкѣ, раскладывается огонь; импровизированный поваръ, обыкновенно полуголый ханъ-тунгецъ, съ сосредоточеннымъ видомъ приступаетъ къ своимъ обязанностямъ. Отъ сковородъ валитъ ѣдкій удушливый чадъ, въ нихъ пузырится и трещитъ масло или сало, въ которое бросаются всякіе пироги, лепешки, бублики опредѣленнаго вѣса и опредѣленной цѣны; 3, 4 минуты—и кушанье готово. Неразборчивый потребитель, не обращая вниманія ни на густой слой пыли, ни на толчки проходящихъ, также скоро съѣдаетъ свой незатѣйливый обѣдъ.

Слѣдуетъ подчеркнуть здѣсь замѣчаемое повсюду въ Китаѣ крайнее раздѣленіе труда во всѣхъ отрасляхъ торговли и промышленности.

Даже въ продажѣ пищевыхъ продуктовъ наблюдается это любопытное явленіе. Въ Пекинѣ существуютъ особые разносчики суповъ, особые для пельменей, жаренія и т. д. безъ конца. Кромѣ количественнаго подраздѣленія, разносчики съѣстныхъ припасовъ различаются еще и по качеству продуктовъ. Есть разносчики для самыхъ бѣдныхъ жителей, менѣе бѣдныхъ, средняго достоянія людей и т. д. Каждый изъ нихъ отличается или по ящику, въ которомъ онъ разноситъ свой продуктъ, или по голосу, или, наконецъ, по «кричащему» инструменту.

Изъ мяса въ Китаѣ въ наибольшемъ употребленіи свиное. Такъ какъ магометане и индусы не ѣдятъ свинины, то для нихъ въ продажѣ обращается баранье мясо. Желающимъ купить баранину слѣдуетъ обратиться къ магометанамъ-разносчикамъ. Они считаются въ Пекинѣ монополистами этого мяса.

Но сами магометане не колютъ себѣ барановъ: для этого у нихъ имѣются особые мастера, называющіеся «ся-тао-сифу», т. е. мастерами, «вонзающими ножъ»; отвращеніе китайскихъ магометанъ къ свининѣ доходитъ до того, что они не употребляютъ даже мыла, сдѣланнаго изъ свинаго сала. Въ пекинскихъ лавкахъ для правовѣрныхъ имѣется особое мыло, приготовленное изъ бараньяго сала.

У магометанскихъ-же разносчиковъ можно пріобрѣсти столь рѣдкое въ Пекинѣ коровье мясо. Извѣстно, что китайцы, вообще, не ѣдятъ коровьяго мяса, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, убивать для мяса животныхъ, которыми производится

благороднѣйшее въ мірѣ занятіе—воздѣлываніе почвы, считается поступкомъ предосудительнымъ. Одинъ только императоръ имѣетъ право убивать быковъ и то для жертвоприношенія. Существуютъ даже на этотъ счетъ особыя постановленія, по крайней мѣрѣ для самой столицы и ея ближайшихъ окрестностей. Магометане привозятъ коровье мясо изъ дальнихъ деревень, для которыхъ эти постановленія необязательны, а чтобы не оскорблялось религіозное чувство китайцевъ, разносчики этого сорта мяса всегда кричатъ: «послѣдніе 2 фунта коровьяго мяса!»

За разносчиками мяса идутъ продавцы вареная риса и бобовъ. Бобовъ продается въ Пекинѣ ежедневно громадное количество. Они употребляются у китайцевъ въ самыхъ разнообразныхъ кушаньяхъ. Изъ нихъ приготовляется еще особый родъ сыра, составляющаго предметъ торговли отдѣльныхъ разносчиковъ. Эти послѣдніе выдѣляются на пекинскихъ улицахъ своимъ крикомъ, похожимъ на вопли сумасшедшаго человѣка во время самаго сильнаго припадка болѣзни. У этихъ-же разносчиковъ можно купить еще вареныя яйца. Китайцы варятъ яйца не въ простой водѣ, какъ европейцы, а въ густомъ чаѣ, отчего яйца пріобрѣтаютъ особый вкусъ и ароматъ*).

Далѣе идутъ разносчики разныхъ лакомствъ: сладкихъ овощей, фруктовъ, конфектъ и т. п.

Изъ овощей замѣчательны разные сорта рѣпы, моркови, свеклы и рѣдьки. Они разносятся по городу въ большихъ корзинахъ или развозятся на тачкахъ. Изъ фруктовъ въ большомъ обращеніи яблоки и груши нѣсколькихъ сортовъ—бѣлыя, красныя, желтыя, большія, маленькія и т. д.

Отъ криковъ этихъ разносчиковъ, особенно во время фруктоваго сезона, положительно не знаешь куда дѣваться. Только и слышишь завыванія на разные лады: «у меня сла-а-адкія!» «У меня лу-у-учшія» и т. д. безъ конца весь день и даже поздней ночью. Особый сортъ большихъ ягодъ, (розань), нанизанныхъ на веревки или палки, продается связками.

---

*) На китайскихъ оффиціальныхъ обѣдахъ подаютъ яйца, приготовленныя нѣсколько инымъ образомъ. Ихъ варятъ въ обыкновенной соленой водѣ и держатъ по нѣскольку лѣтъ зарытыми въ землѣ, отчего яйца пріобрѣтаютъ рѣзкій вкусъ и далеко не ароматный запахъ. *Л.*

Главная оптовая продажа фруктовъ, привозимыхъ въ Пекинъ въ поразительно-большомъ количествѣ, производится въ фруктовыхъ лавкахъ или особыхъ балаганахъ, устраиваемыхъ изъ синей далимбы подъ тѣнью городскихъ стѣнъ и нѣкоторыхъ общественныхъ зданій. Въ этихъ-же балаганахъ и лавкахъ продаются лучшіе сорта сладкаго печенья, конфекты и др. лакомства.

Въ жаркое время года по улицамъ Пекина разносится особаго рода лакомое блюдо—*простокваша,* также ледъ. Простокваша приготовляется изъ молока, по большей части, искусственно, посредствомъ прибавленія къ нему какого-нибудь кислаго вещества. Ледъ также считается лакомствомъ. Его разносятъ не въ закрытыхъ сосудахъ, какъ у насъ, а открытыми большими кусками на доскахъ. Разносчики льда бываютъ часто дѣти. Чтобы ледъ не растаялъ, имъ необходимо мчаться со своею ношею взадъ и впередъ по улицамъ Пекина, пока прохожіе не раскупятъ весь товаръ. Разносчики сладкаго печенья и конфектъ имѣютъ въ продажѣ всегда низкіе сорта этихъ продуктовъ. Нѣкоторые не продаютъ своихъ товаровъ за деньги, а разыгрываютъ ихъ въ домино, рулетку и друг. игры. Всѣ китайцы страстные любители азартныхъ игръ. Виды игръ крайне разнообразны. У продавцевъ сладкихъ пироговъ имѣются въ рукѣ три палочки, на нижнемъ концѣ одной изъ нихъ привязана нитка. Разносчикъ держитъ свои палочки нижними концами въ сжатой рукѣ. Играющій выдергиваетъ одну палочку. Если онъ вынулъ счастливую, то получаетъ пирожокъ, если проигралъ, то долженъ уплатить опредѣленное количество чохъ.

Разносчики конфектъ носятъ съ собою особую игру, нѣчто въ родѣ домино. У него въ кожаномъ футлярѣ, сдѣланномъ на подобіе колчана, воткнуто 32 палочки, на нижней сторонѣ которыхъ, какъ и на костяхъ домино, написаны цифры. Играющій вынимаетъ условленное количество палочекъ изъ колчана, и по сочетанію вынутыхъ №№ опредѣляется выигрышъ. Выигрышъ состоитъ изъ опредѣленнаго количества конфектъ. Проигрышъ уплачивается также чохами. Китайская рулетка очень похожа на европейскую, употребляющуюся на провинціальныхъ ярмаркахъ, только вмѣсто птицы у китайцевъ сдѣлана палка съ изображеніями драконовъ.

То мѣсто на кругѣ, гдѣ остановится послѣ вращенія голова дракона, и обозначаетъ выигранную вещь.

По особому оглушительному крику китайцы узнаютъ разносчиковъ метелокъ изъ травы, вѣеровъ и бумажныхъ зонтиковъ; послѣдніе теперь все болѣе и болѣе вытѣсняются зонтиками европейскаго образца и изъ европейской-же матеріи. Зимою многочисленны продавцы каменнаго угля. Его развозятъ на особыхъ телѣжкахъ или тачкахъ. Изъ мелкой угольной пыли въ Китаѣ приготовляются особые шары. Они горятъ очень ярко, но за то быстро сгораютъ и даютъ мало тепла. Вообще температура китайскихъ жилищъ крайне низка въ сравненіи съ европейскими. Китайцы, впрочемъ, носятъ зимою всегда ватную и теплую одежду, а потому и не нуждаются въ большой комнатной температурѣ.

Затѣмъ въ порядкѣ многочисленности слѣдуютъ продавцы разной глиняной посуды—горшковъ, котловъ, чашекъ. Главный центръ производства этой посуды провинція Шай-танъ, славящаяся своими издѣліями по всему Китаю.

Кромѣ хорошаго качества, шай-танская посуда отличается еще своей дешевизной. Разносчики глиняной посуды, кромѣ богатыхъ легкихъ, которыми въ состояніи выдѣлывать удивительныя трели, бьютъ еще отъ времени до времени металлической палочкой по большому горшку. Можно себѣ представить, какую стройность звуковъ вносятъ эти разносчики въ общій хоръ уличныхъ торговцевъ Пекина.

Въ теплое время года продаются на улицахъ Пекина въ большомъ количествѣ живые цвѣты.

Китайцы, особенно китаянки, большіе любители цвѣтовъ. Разносчики цвѣтовъ стараются обѣгать городъ раннимъ утромъ, когда солнце еще не очень печетъ и на улицахъ меньше пыли. Цвѣты въ горшкахъ развозятся въ тачкахъ или въ особыхъ телѣжкахъ.

Любовь китайцевъ къ цвѣтамъ вызвала въ государствѣ особый промыселъ—приготовленіе искусственныхъ цвѣтовъ изъ шелка, атласа и бумаги. Первые два сорта довольно дороги и доступны только богатымъ людямъ. Бумажные-же цвѣты чрезвычайно дешевы и доступны всякой женщинѣ, даже самой бѣдной. Китаянки всѣхъ возрастовъ украшаютъ ими волосы, и развѣ ужь очень неряшливая особа или

древняя старушка забудетъ воткнуть въ свои волосы какой-нибудь затѣйливый бумажный цвѣтокъ. Искусственные цвѣты приготовляются какъ въ самомъ Пекинѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ городахъ Китая. Въ провинціи этимъ ремесломъ занимаются почти исключительно женщины. Продавцы живыхъ цвѣтовъ разносятъ ихъ по городу въ 2-хъ большихъ картонкахъ на коромыслѣ на плечѣ и называются «людьми съ вѣтреной мельницей за плечами». Дѣйствительно, цвѣточныхъ разносчиковъ издали легко принять за движущуюся вѣтреную мельницу.

У китаянокъ въ большомъ почетѣ продавцы узоровъ для вышиванія туфель и башмаковъ.

Всякая китаянка должна умѣть шить женскіе башмаки и на обязанности хорошей хозяйки лежитъ шитье башмаковъ всѣмъ молодымъ членамъ семьи. Готовыми покупаются только деревянныя подошвы и сказанные узоры, иногда еще подкладка. Мужскіе сапоги покупаются всегда готовыми.

Бросаются въ глаза на пекинскихъ улицахъ разносчики тесьмы, лентъ и пр. мелкихъ галантерейныхъ вещей. Вещи эти у пекинскаго разносчика перекинуты чрезъ длинную палку, которую онъ носитъ на плечѣ, а въ рукѣ у него еще цѣлый пучекъ другихъ палокъ, изъ которыхъ онъ при случаѣ устраиваетъ козлы. У воротъ какого-нибудь дома ставятся эти импровизированныя козлы, на нихъ кладется поперегъ палка съ товаромъ и магазинъ готовъ: желающіе могутъ выбирать, что имъ угодно. По миновании надобности, торговецъ со своими палками плетется далѣе, выхваляя свой товаръ самыми высокими нотами китайскаго голоса.

Къ этой-же категоріи продавцевъ надо причислить разносчиковъ фитилей и свѣтиленъ для ламиъ. Они приготовляются въ Китаѣ не изъ хлопчатой бумаги, какъ у насъ, а изъ сердцевины мѣстнаго болотнаго растенія и продаются пучками.

Съ спинымъ холщевымъ тюкомъ за плечами плетется разнощикъ бумажныхъ матерій, употребляемыхъ китайцами для мелкаго бѣлья, въ особенности на полотенца, платки и т. п.

Особый родъ торговли Пекина составляютъ куплл и продажа разныхъ старыхъ вещей, начиная со стараго башмака и кончая разными серебряными и другими цѣнными вещами.

Покупатели старыхъ драгоцѣнныхъ вещей держатся, конечно, болѣе богатыхъ улицъ. Они носятъ чрезъ плечо связку

мѣдныхъ чохъ, которыми и разсчитываются за купленныя вещи. Другая родственная имъ группа покупаетъ или мѣняетъ старую посуду. Третья покупаетъ старую мебель. Четвертая скупаетъ разный ношебный хламъ, за который, впрочемъ, рѣдко платятъ деньгами. Чаще всего за старое платье платится *новыми чашками*. Огромное количество такихъ чашекъ приходится таскать съ собою пекинскимъ старьевщикамъ. Всѣ эти группы выкрикиваютъ свой спеціальности на разные лады; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ маленькіе барабаны, которыми они и аккомпанируютъ свои выкрики съ утра до поздней ночи. Оглушительнымъ «инструментомъ», въ видѣ колотушки, обладаютъ продавцы масла. Они разносятъ его по улицамъ Пекина въ деревянныхъ сосудахъ, на коромыслѣ, на плечѣ. Масло продается не на вѣсъ, какъ у насъ, а мѣрой, единицей которой служитъ опредѣленнаго объема ложка. Оно бываетъ 2-хъ сортовъ: одно для приготовленія кушанья, другое для освѣщенія. Въ послѣднее время второй сортъ масла въ Пекинѣ сталъ вытѣсняться американскимъ керосиномъ, который также разносится въ особыхъ жестяныхъ сосудахъ.

Существуетъ еще громадное количество разнообразныхъ предметовъ уличнаго торга въ Пекинѣ, но перечисленіе всѣхъ ихъ заняло-бы очень много мѣста.

Переходимъ теперь къ уличнымъ ремесленникамъ.

На первомъ мѣстѣ стоятъ столяры, которые ходятъ по улицамъ Пекина съ предложеніемъ услугъ по починкѣ мебели.

Всѣ приспособленія, необходимыя для работы, они носятъ съ собою. При полученіи заказовъ, они располагаются со своими походными мастерскими на улицѣ, тотчасъ у воротъ давшаго работу дома. Также поступаютъ башмачники, слесари и проч. У нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются «кричащіе» инструменты, которыми они и различаются среди ужаснаго шума и гама, господствующихъ на пекинскихъ улицахъ.

Нѣкоторые уличные ремесленники славятся своими починками не только въ Китаѣ, но даже въ Европѣ. Къ такимъ мастерамъ своего дѣла относятся «починщики» фарфоровой посуды. Они не склепваютъ черепковъ, а сшиваютъ ихъ посредствомъ мѣдной или желѣзной проволоки. Работа эта до того крѣпка и изящна, что ваза, разбитая на десятки

кусковъ и «сшитая» пекинскими бродячими мастерами, по цѣнности мало отличается отъ новой.

Нѣкоторыя ремесла бросаются въ глаза своею оригинальностью. Такъ, напримѣръ, поздней осенью, предъ наступленіемъ зимнихъ холодовъ, на пекинскихъ улицахъ появляются т. н. мойщики войлоковъ. Ихъ спеціальностью служитъ чистка старыхъ войлоковъ и войлочныхъ вещей.

Операція производится также на улицѣ. Среди общаго гама и шума, среди безпорядочно бродящей толпы мойщикъ раскладываетъ свои походные ящики. Въ одномъ изъ нихъ на очагѣ грѣется вода, а въ другомъ имѣются всѣ необходимые для ремесла «инструменты».

Кузнецы съ своими походными кузницами на телѣжкахъ предпринимаютъ иногда цѣлыя путешествія. Автору этого очерка приходилось видѣть въ монгольскомъ монастырѣ въ Ургѣ кузнецовъ-китайцевъ, пришедшихъ сюда изъ Шань-тунга. Среди базара, прямо на землѣ или, въ рѣдкихъ случаяхъ, въ небольшой палаткѣ, устроенной изъ оглобли походной телѣжки и куска синяго холста, полунагой китаецъ располагается со своей кузницей. Въ большомъ ящикѣ у него помѣщаются всѣ нужные инструменты и приспособленія. Какихъ-нибудь 5—10 минутъ, въ горнѣ разведенъ огонь, одной рукой китаецъ приводитъ въ движеніе походный мѣхъ, а другой уже куетъ какую-нибудь вещь.

Лучшіе кузнецы приходятъ изъ Шань-дуна, и ремесло это передается въ семьяхъ наслѣдственно.

Оглушительный звонъ колокольцовъ производятъ починщики старыхъ вѣеровъ.

Они носятъ съ собою ящикъ съ цѣлыми вѣерами—въ Китаѣ принадлежность туалета обоихъ половъ—и матеріалъ для починки изорвавшихся.

Вниманіе европейцевъ въ Пекинѣ обращаютъ на себя уличные цырюльники. Въ китайской столицѣ, правда, имѣются и цырюльни европейскаго образца, но туда ходятъ бриться и убирать косы только богатые люди и мандарины. Толпа-же пользуется услугами уличныхъ цырюльниковъ.

Въ Китаѣ, гдѣ жители обоего пола обращаютъ такъ много вниманія на свои волосы, эти ремесленники имѣютъ всегда много работы. Они встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу.

На любой улицѣ Пекина можно встрѣтить ихъ десятокъ-другой съ котомками за плечами, въ которыхъ хранятся всѣ приспособленія для бритья, и со стуломъ въ рукахъ для пацієнтовъ. Операціи совершаются по китайскому обыкновенію прямо на улицѣ и въ густыхъ облакахъ столичной пыли.

Рядомъ съ ними ходятъ съ предложеніями услугъ т. н. ножные операторы. Они отличаютъ себя отъ простыхъ цырюльниковъ принадлежностью къ благородному сословію гражданъ, между тѣмъ какъ цырюльники принадлежатъ къ такъ называемому «подлому» классу. Въ Китаѣ къ послѣднему классу принадлежатъ люди 4-хъ профессій:

1) пѣвицы или проститутки;
2) актеры, акробаты и разные фокусники;
3) палачи и полицейскіе и
4) прислуга.

Послѣдніе 2 класса считаются въ разрядѣ «подлыхъ» единственно потому, что раньше эти двѣ профессіи принадлежали исключительно рабамъ. Цырюльники относятся къ разряду актеровъ или «подлыхъ» людей 2-го класса.

Вотъ почему «ножные» операторы выдѣляютъ себя изъ среды цырюльниковъ. Принадлежность-же къ одному изъ классовъ «подлыхъ» людей въ Китаѣ кладетъ клеймо не только на отца, но и на дѣтей даннаго человѣка. Никто изъ «подлыхъ» людей не имѣетъ права быть допущеннымъ къ государственнымъ экзаменамъ, дающимъ право выдержавшимъ ихъ занимать государственныя должности и сдѣлаться чиновникомъ. Ограниченіе это переходитъ и на отдаленныхъ потомковъ «подлыхъ» людей.

Впрочемъ, такія рѣзкія соціальныя условія Китая существуютъ только для бѣдныхъ людей. Богатые, посредствомъ денегъ, могутъ всегда найти лазейку и сдѣлать видную служебную карьеру, не смотря на свое происхожденіе.

Въ Китаѣ, особенно на улицахъ Пекина, бросается въ глаза очень оригинальный промыселъ—это продажа сверчковъ или цикадъ. Въ продажѣ обращается на пекинскихъ улицахъ 2 вида сверчковъ: большой и мелкій.

Первые держатся въ домахъ въ особо устроенныхъ клѣткахъ и забавляютъ китайцевъ своей трескотнею. Другой видъ держится исключительно для боевъ, служащихъ самымъ любимымъ зрѣлищемъ китайцевъ всѣхъ классовъ.

Сверчковъ добываютъ въ щеляхъ или трещинахъ старыхъ стѣнъ и башенъ, гдѣ эти животныя устраиваютъ себѣ гнѣзда. Вынимаютъ ихъ оттуда проволочными сачками и затѣмъ переносятъ въ чашку, гдѣ сверчокъ и живетъ. Иногда имъ устраиваютъ особые домики, въ родѣ собачьей конуры.

Для пищи и питья сверчкамъ ставятъ блюдца съ водою и рисомъ.

Любители этихъ потѣшныхъ боевъ усладляются относительно веденія боя, момента, когда считать турниръ оконченнымъ, назначаютъ призъ побѣдителю, обыкновенно денежный, доходящій нерѣдко до солидной суммы и затѣмъ выпускаютъ бойцовъ. Бои сверчковъ происходятъ на открытой чашкѣ съ прямымъ днемъ и вертикальными стѣнками. Въ такую чашку пускаютъ сначала одного сверчка, затѣмъ другого. Эти маленькія насѣкомыя относятся всегда враждебно другъ къ другу: достаточно взаимнаго прикосновенія усиками, чтобы возгорѣлся ожесточенный бой.

Сверчки дерутся до тѣхъ поръ пока одинъ изъ нихъ не оставитъ поля битвы.

Такіе боевые сверчки цѣнятся въ Китаѣ довольно дорого. Тысячи разносчиковъ съ картонками за плечами, въ которыхъ сидятъ сверчки въ отдѣльныхъ деревянныхъ помѣщеніяхъ, ходятъ по городу съ предложеніями «куо-куо»—большихъ «пѣвчихъ сверчковъ» или «ху-ху»—боевыхъ.

Сверчковымъ разносчикамъ родственны по ремеслу продавцы комнатныхъ собакъ, обыкновенно очень маленькаго роста и напоминающихъ англійскихъ пинчеровъ, только иной окраски. За ними идутъ продавцы пѣвчихъ птицъ.

Всѣ они представляютъ рѣдкое исключеніе тѣмъ, что не выкрикиваютъ своихъ товаровъ и не имѣютъ никакихъ кричащихъ инструментовъ. Животныя, несомыя въ клѣткахъ или просто въ рукахъ, достаточно рекламируютъ сами себя.

Вотъ краткій очеркъ пекинскихъ разносчиковъ. Само собою разумѣется, что перечислять всѣхъ ихъ не было-бы никакой возможности. Изъ сказаннаго читатель имѣетъ возможность составить себѣ понятіе о томъ движеніи, шумѣ и гамѣ, которые наблюдаются на улицахъ китайской столицы въ любой день года. Подчеркнуты были также, соотвѣтственно объему очерка, и условія мелкихъ промысловъ въ Пекинѣ.

Относительно оптовой торговли и крупныхъ промысловъ dr. Forke даетъ очень мало указаній. Главная продажа бакалейныхъ и москательныхъ товаровъ производится въ Пекинѣ въ лавкахъ, или балаганахъ, помѣщающихся на всѣхъ улицахъ столицы безъ ограниченія. Лавки эти бываютъ разной величины и разнаго устройства. Наичаще наблюдается типъ временныхъ балагановъ или шатровъ, устроенныхъ изъ нѣсколькихъ кусковъ синяго холста для защиты товаровъ отъ солнца и уличной пыли. Качество товаровъ не имѣетъ никакой связи съ внѣшнимъ видомъ помѣщенія лавки. Иногда въ самомъ примитивномъ балаганишкѣ можно встрѣтить лучшую фарфоровую и эмалированную посуду или лучшіе вещи изъ камня.

Нѣкоторые товары продаются исключительно только въ лавкахъ; въ разносной торговлѣ они не имѣются; къ таковымъ относятся желѣзныя издѣлія, книги, фарфоровая посуда и т. п.

Лавки эти иногда скучены въ одномъ мѣстѣ, такъ что образуется нѣчто похожее на европейскій толкучій рынокъ.

Рядомъ съ дорогой фарфоровой посудой разложены прямо на полу или на цыновкѣ старыя косы и фуражки; рядомъ съ ними продаются серебряныя вещи и еще дальше старыя бутылки и т. п. Всѣ эти «осѣдлые» торговцы платятъ за свои мѣста опредѣленное количество чохъ поденно или помѣсячно. Плата эта идетъ частью на усиленіе штата полиціи города Пекина, частью въ сосѣдніе монастыри и храмы на содержаніе причта.

Изъ денегъ въ обращеніи въ торговомъ мірѣ Пекина наиболѣе употребительны чохи разной велины. Это мѣдная монета съ отверстіемъ посрединѣ. Ихъ нанизываютъ на веревки и носятъ черезъ плечо, а при большихъ суммахъ возятъ на ослахъ или мулахъ. Стоимость чоха равняется $^1/_{10}$ коп. на наши деньги. Кромѣ мѣдной монеты обращаются еще бумажные кредитные билеты, выпускаемые не государствомъ, какъ у насъ, а отдѣльными банками или торговыми домами. Цѣна этихъ денегъ находится въ зависимости отъ торговаго положенія выпустившаго ихъ учрежденія. На пекинскихъ рынкахъ имѣются особые мѣнялы, которые обмѣниваютъ бумажныя деньги на чохи, конечно, съ удержаніемъ нѣкотораго куртажа за обмѣнъ, по соглашенію съ кліентомъ.

Ни одинъ китайскій рынокъ не обходится безъ импровизированныхъ представленій бродячихъ актеровъ, фокусниковъ и акробатовъ. Нѣкоторыя изъ такихъ труппъ имѣютъ свое постоянное мѣстопребываніе въ той или другой части города. Къ нимъ-же слѣдуетъ причислить разныхъ знахарей, гадателей и т. д.

Знахари величаются въ Китаѣ дай-фу или «великими мужами». Они располагаются на базарѣ гдѣ-нибудь подъ сѣнью какой нибудь лавочки, прямо на полу, на цыновкѣ. Въ рукахъ они держатъ банки съ какимъ-нибудь цѣлебнымъ масломъ, одного прикосновенія котораго къ больному мѣсту совершенно достаточно для излеченія недуга. Пацієнтовъ у этихъ уличныхъ докторовъ всегда много и они зашибаютъ порядочныя деньги.

Ворожеи, гадатели или, какъ ихъ величаютъ еще, «счетчики мистическихъ чиселъ» также располагаются на базарѣ— на какомъ-нибудь столѣ, покрытомъ холстомъ съ изображеніемъ разныхъ мистическихъ фигуръ. Иногда на столахъ этихъ предсказателей лежатъ маленькія круглыя дощечки, которыя употребляются при отгадываніи.

Кромѣ указанной рыночной продажи, въ Пекинѣ имѣются 2, 3 улицы сплошныхъ магазиновъ и большихъ торговыхъ домовъ.

Торговля еще развита въ стѣнахъ храмовъ, въ оградахъ пекинскихъ монастырей. Въ извѣстные дни мѣсяцевъ здѣсь сосредоточивается главная торговля города.

Такъ въ храмѣ Люи-фу-сы шесть разъ ежемѣсячно—9, 10, 19, 20, 29 и 30 чиселъ, въ оградѣ храма ху-куо-сы въ тѣ числа мѣсяца, въ которыя входитъ цифра 7 или 8, въ другихъ храмахъ по 2 раза въ мѣсяцъ происходятъ большіе базары-ярмарки, куда бо́льшая часть пекинскихъ купцовъ привозитъ свои товары.

Мѣста, занимаемыя купцами въ дни ярмарокъ, оплачиваются опредѣленнымъ сборомъ въ пользу причта храма.

Съ небольшими варіаціями, и то только въ области напѣвовъ разносчиковъ и ихъ «кричащихъ» инструментовъ, уличный торгъ повторяется во всѣхъ другихъ городахъ поднебесной имперіи.

Левинъ.

Иркутскъ.
1892 г. 22-го декабря

НАКАНУНѢ ГИБЕЛИ.

(Таежные этюды).

Многотрудный лѣтній пріисковый день близится къ концу: солнце давно уже скрылось за тупой вершиной гольца и вечернія тѣни расползлись по широкой долинѣ; до полудня лилъ дождь и теперь отовсюду потянулся сизый дымокъ тумана—съ стараго разрѣза, превратившагося въ длинный и узкій прудъ, съ многочисленныхъ извилинъ рѣчки, съ окаймляющихъ пріискъ обширныхъ болотъ, оставшихся на мѣстѣ вырубленной тайги.

Работы въ разрѣзѣ Мокраго пріиска окончились, дневные уроки исполнены, новые на завтра отмѣрены и намѣчены веревкой и кольями и разрѣзъ опустѣлъ; у торфянаго отвала уже выстроились ряды пустыхъ таратаекъ съ дугами, прислоненными къ облѣпленнымъ глиной колесамъ, а рабочіе потянулись группами къ казармамъ, расположеннымъ въ полуверстѣ ниже новаго разрѣза, на берегу стараго затопленнаго.

У двери одной изъ покрившихся пріисковыхъ построекъ стоитъ старикъ, сухой и длинный, какъ жердь, и любуется яркими красками неба, вызванными близостью заката; пурпуръ облаковъ бросаетъ красный отблескъ на костлявое лицо старика, украшенное щетинистыми усами и длиннымъ, острымъ носомъ; это матеріальный Мокраго пріиска, онъ-же и «цѣловальникъ», Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ Стожинъ, и стоитъ онъ у дверей «кабака», гдѣ сейчасъ начнется отпускъ рабочимъ положенной порціи водки.

Смотритель разрѣза, коренастый, словно грубо обтесанный лиственничный чурбанъ, поровнялся съ кабакомъ и на ходу крикнулъ Стожину.

— «Сотки» наливай, Ксенофонтъ Ксенофонтычъ, команда идетъ!

— Безъ тебя вижу!—отрѣзалъ старикъ и, постоявъ еще немного, скрылся въ дверяхъ кабака.

Дверь эта вела въ небольшой, темный коридоръ, въ одной изъ стѣнокъ котораго было длинное отверстіе съ прилавкомъ, вѣрнѣе стойкой, отдѣлявшей коридоръ отъ разливочной, гдѣ красовался ведерный боченокъ плохо очищеннаго спирта и

такой-же бочешокъ приготовленной изъ него водки; на полкѣ видѣлась жестяная воронка, нѣсколько штофовъ и полуштофовъ и цѣлый рядъ сотокъ и двусотокъ—жестяныхъ кружекъ съ длинной ручкой, какъ у кухонной кострюли.

Стожинъ прошелъ по корридору въ свою комнату, а изъ нея черезъ боковую дверь въ разливочную; засвѣтивъ свѣчу, онъ поднялъ ставню, закрывавшую отверстіе стойки и запиравшуюся прочными засовами, нацѣдилъ изъ бочки нѣсколько мѣръ водки и поставилъ ихъ на небольшой столикъ возлѣ стойки, а на стойку выставилъ рядъ сотокъ.

Посѣтители не заставили себя ждать: въ темномъ отверстіи то и дѣло появлялись бюсты рабочихъ, облаченные въ красныя и синія рубахи, бумазейныя блузы, рваныя поддевки, армяки, бывшіе когда-то плисовыми, а теперь покрытые толстымъ слоемъ грязи, и украшенные головами всевозможныхъ типовъ съ лицами, также вымазанными глиной, которая висѣла комьями на волосахъ и бородѣ; грязныя руки протягивали Стожину маленькія квадратныя бумажки, на которыхъ выставлено было, за подписью смотрителя разрѣза, сколько сотыхъ долженъ получить предъявитель.

— Одну сотку... двѣ... сотку позвольте... Ксенофонтъ Ксенофонтычъ, отпустите двойную... шесть сотокъ на артель... одну... двѣ,—раздавались возгласы, сопровождавшіе протягиваемыя бумажки. Стожинъ бралъ одной рукой бумажки и подносилъ ихъ къ свѣчѣ, тогда какъ одновременно другая рука привычнымъ движеніемъ наливала бѣлесоватую, скверно пахнущую жидкость изъ мѣръ въ сотки и затѣмъ выставляла ихъ на стойку, гдѣ глаза рабочихъ уже зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы какой-либо нахалъ не выпилъ лишнюю, чужую порцію, кромѣ своей; одни, снявъ шапку и перекрестившись, осторожно брали сосудъ за длинную ручку, бережно подносили его ко рту, стараясь не пролить ни капли, и медленно глотали бѣлесоватую жидкость; другіе быстро схватывали сотку, опоражнивали ее залпомъ и, молодецки крякнувъ или сплюнувъ въ сторону, отходили, вытирая губы и усы рукавомъ или верхней стороной руки.

Наконецъ, послѣдняя артель выпила и ушла; у стойки осталось только двое рабочихъ: одинъ молодой парень, тоболякъ, съ широко разставленными свиными глазками на безволосомъ, мясистомъ лицѣ, другой—поселенецъ, худощавый

до нельзя, съ глубокими ямами подъ выдавшимися скулами и глазами, подернутыми туманомъ.

— Вамъ чего надо?—обратился къ нимъ Стожинъ.

Тоболякъ протянулъ руку съ бумажкой и сказалъ:

— Ксенофонтъ Ксенофонтычъ, нельзя-ли отпустить, если милость ваша будетъ, порцію спирта?

— Это съ какой стати?

— Пожалста, Ксенофонтъ Ксенофонтычъ! сами знаете, крѣпка-ли ваша водка—выпьешь порцію и не почуешь, выпилъ-ли, нѣтъ-ли... промокъ я давече утромъ до костей и все согрѣться не могу.

— Полпорціи спирту дамъ!

— Ну хоть три четверки, не поскупитесь!

Стожинъ нацѣдилъ спирту въ сотую и тоболякъ медленно выпилъ жгучую влагу и даже не поморщился.

— Покорно благодаримъ! сказалъ онъ, поставивъ пустую сотку на стойку, и скрылся.

— А ты чего ждешь! просить тебя, что-ли? сказалъ Стожинъ, замѣтивъ, что поселенецъ не протягиваетъ руку съ бумажкой.

— Меня, ваша милость, безъ порціи пошъ оставили,—промолвилъ поселенецъ сиплымъ голосомъ, снимая шапку.

— Такъ чего-жъ ты пришелъ, ступай себѣ!

— Обидѣлъ пошапрасну смотритель, — продолжалъ рабочій;—стоялъ онъ на пласту позади меня, а я невзначай лопатой его ткнулъ въ ногу.

— Нарочно, должно быть!

— Ни, ни, Ксенофонтъ Ксенофонтычъ! невзначай я, а онъ съѣздилъ меня палкой по спинѣ; я его ругнулъ за это, а онъ меня въ отместку безъ порціи оставилъ... и казачьей пригрозилъ.

— И подѣломъ тебѣ, не ругайся, когда бьютъ за дѣло!

— Въ томъ-то и обида, что не за дѣло; кабы за дѣло, я-бы смолчалъ, не впервой намъ.

Всю эту исторію поселенецъ тутъ-же выдумалъ; онъ уже выпилъ положенную сотку и хотѣлъ получить еще одну, не въ счетъ абонимента, разжалобивши цѣловальника.

— Ужь не оставьте, Ксенофонтъ Ксенофонтычъ, налейте соточку!

— Не могу, парень, безъ записки!

— Ну что вамъ стоитъ! одну только... за мной не пропадетъ .. отслужу какъ-нибудь,—молилъ поселенецъ,

— Богъ съ тобой! только, парень, на совѣсти будетъ, если обманешь,—сказалъ Стожинъ, наливая порцію.

Поселенецъ взялъ сотку дрожащей рукой и выпилъ ее въ нѣсколько пріемовъ.

— Эхъ, славно-бы теперь закусить огурчикомъ или капусткой!—замѣтилъ онъ, вынимая изъ кармана грязную корку хлѣба; прожевавъ ее, онъ пошелъ было къ выходу, но, потоптавшись немного у дверей, вернулся къ стойкѣ.

— Ксенофонтъ Ксенофонтычъ!—началъ онъ опять заискивающимъ тономъ, заглядывая черезъ стойку въ уголъ разливочной, гдѣ Стожинъ нацѣживалъ водку для имѣющихъ еще придти съ машины промывальщиковъ.

— Чего тебѣ еще?

— Ужь и не знаю, какъ просить васъ!... если-бы мнѣ еще одну соточку... вѣкъ не забуду вашу доброту.

— Съ ума спятилъ, что-ли? ступай себѣ.

— Ну хоть полпорціи... больно хорошо винцо... смерть охота еще выпить!

— Ступай, говорятъ тебѣ!

— Полпорціи только, Ксенофонтъ Ксенофонтычъ, явите божеску милость—канючилъ поселенецъ жалобнымъ тономъ.

— Ни капли не дамъ! ты изъ привычныхъ видно! крикнулъ Стожинъ.—Должно быть и про смотрителя мнѣ все наврялъ, а я, дуракъ, и повѣрилъ!

— Ей Богу, Ксенофонтъ Ксенофонтычъ, съ мѣста не сойти... разрази меня!—божился поселенецъ и вдругъ, рѣшительнымъ движеніемъ, вытащилъ изъ кармана грязную тряпицу, развязалъ ее и выложилъ на ладонь нѣсколько мелкихъ золотинъ, протянулъ ихъ Стожину.

— Не возьмете-ли... въ обмѣнъ на соточку!

Недобросовѣстные служащіе при случаѣ не брезгаютъ покупкой у рабочихъ подъемнаго золота, утаеннаго послѣдними отъ артели*); при обмѣнѣ на спиртъ золото, конечно, цѣнится дешево и весь барышъ, но также и весь рискъ, и всѣ

*) При разрѣзныхъ работахъ обыкновенно каждый рабочій, нашедшій «подъемную» золотину, кладетъ ее въ общую кружку и затѣмъ деньги, выдаваемыя конторой за это золото, дѣлятся поровну на всю артель; поэтому менѣе совѣстливые рабочіе стараются утаить найденную золотину, чтобы продать ее въ свою пользу.

дальнѣйшія хлопоты по сбыту этого золота, на сторонѣ служащаго.

— Ахъ ты мерзавецъ!—напустился Стожинъ на поселенца, увидѣвъ золото на его ладони.—Видно, что ты недавно на Мокромъ, а то-бы не осмѣлился предлагать Стожину краденое! Вонъ отсюда, ступай въ тайгу къ спиртоносамъ!

Поселенецъ моментально исчезъ; но выйдя изъ дверей кабака, онъ направился не въ казарму, а на встрѣчу къ промывальщикамъ, въ надеждѣ выторговать у одного изъ нихъ его порцію водки за десятка два долей золота.

Много видовъ видѣлъ на своемъ вѣку Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ. Еще подросткомъ началъ онъ свою пріисковую карьеру въ конторѣ маленькаго пріиска маріинской тайги; въ теченіи тридцати пяти лѣтъ онъ перемѣнилъ около двадцати хозяевъ, служилъ и во всѣхъ конторскихъ должностяхъ, бывалъ и въ развѣдочныхъ партіяхъ, и смотрителемъ разрѣза, машины, матеріальнымъ, становымъ, даже механикомъ, хотя механикѣ нигдѣ и никогда не обучался и завершилъ свое образованіе трехкласснымъ городскимъ училищемъ; лѣтъ десять тому назадъ былъ онъ даже управляющимъ отдѣльнымъ пріискомъ довольно большой компаніи—и вотъ теперь, подъ старость, опять очутился рядовымъ служащимъ съ небольшимъ жалованьемъ. Хотя вообще среди пріисковыхъ служащихъ много подобныхъ шатуновъ, что мѣняютъ хозяевъ и считаютъ себя спеціалистами во всевозможныхъ должностяхъ, но и среди нихъ Стожинъ былъ исключеніемъ. Это объяснялось тѣмъ, что, во-первыхъ, по своему мягкосердечію онъ слишкомъ мало заботился объ интересахъ хозяйскаго кармана, рѣдко ругался крѣпкими словами, не лупилъ по шеѣ, часто прощалъ провинности рабочимъ и потому считался плохимъ служащимъ; во-вторыхъ—ему скоро надоѣдала одна и та-же обстановка и мѣстность, одни и тѣ-же люди, и онъ искалъ новыхъ людей, новыхъ впечатлѣній и, какъ большой любитель природы, находилъ разнообразіе повидимому въ столь однообразныхъ картинахъ тайги различныхъ мѣстностей Сибири. На одномъ и томъ-же пріискѣ онъ служилъ годъ, рѣдко два, никогда дольше; съ сослуживцами почти не сближался, ненавидѣлъ попойки и картежную игру—обычныя

развлеченія пріисковаго люда; въ свободные отъ работы часы, столь рѣдкіе въ горячее лѣтнее время, онъ бралъ ружье и уходилъ въ тайгу, верстъ за пять, за десять отъ пріиска, отыскивая самыя глухія мѣста, гдѣ рука золотоискателя еще не коснулась дѣвственнаго лѣса; зимой, когда глубокіе снѣга покрывали хребты и пади, онъ совершалъ свои экскурсіи на лыжахъ, не смотря на свирѣпую стужу; не рѣдко пурга застигала его въ какой-нибудь глухой пади или на вершинѣ гольца и только многолѣтняя опытность выручала его отъ гибели; какъ тунгусъ-звѣроловъ, онъ удерживалъ въ своей памяти всѣ подробности пройденнаго пути, всѣ малозамѣтныя неопытному взору особенности мѣстности и въ бѣловатой мглѣ, не смотря на мелкій снѣгъ, слѣпившій глаза и иглами коловшій лицо, шелъ онъ напрямикъ къ пріиску, ориентируясь по характеру растительности, по цвѣту коры, по лишаямъ на камняхъ и деревьяхъ, и эта борьба съ силами стихіи доставляла ему особенное наслажденіе.

Долгіе зимніе вечера онъ наполнялъ чтеніемъ. Еще издавна гвоздемъ засѣла въ его головѣ мысль узнать откуда взялось золото, какъ оно попало въ розсыпи и чѣмъ руководствоваться при его поискахъ; и онъ при случаѣ разспрашивалъ болѣе свѣдущихъ сослуживцевъ, просилъ указать ему книжки, гдѣ все это можно прочесть, доставалъ или покупалъ указываемое и съ жадностью поглощалъ этотъ печатный матеріалъ; но недостатокъ образованія, полное незнакомство съ азбучными истинами науки дѣлали это чтеніе почти безполезнымъ; серьезныя сочиненія были ему совершенно недоступны и онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ надъ каждой страницей, перечитывая фразу десятки разъ и стараясь постигнуть ея смыслъ; въ концѣ концовъ, истративъ массу времени и труда, онъ выносилъ изъ цѣлой книги какіе-то скудные обрывки знанія, хаосъ положеній и фактовъ, ложно истолкованныхъ или совершенно не относящихся къ тому вопросу, который его главнымъ образомъ интересовалъ; хорошихъ популярныхъ книжекъ въ то время еще не было и попадалась ему подъ руки всякая дрянь, такъ что въ общемъ въ его головѣ получился невообразимый сумбуръ, въ которомъ главную роль игралъ «всемірный переворотъ»—понятіе, втолкованное ему еще въ дѣтствѣ, какъ объясненіе всѣхъ явленій природы, съ которыми приходится встрѣчаться таеж-

нику, и нашедшее себѣ подтвержденіе и дальнѣйшее развитіе въ прочитанныхъ имъ книжкахъ. Онъ полагалъ, что во время этого всемірнаго переворота воздвиглись горы и, сотрясаемыя подземными вулканическими силами, разломались во многихъ мѣстахъ и обнажили свои нѣдра, заполненныя драгоцѣннымъ металломъ, такъ что волны всемірнаго потопа изъ этихъ «разломовъ» нанесли въ долины металлъ и схоронили его тамъ вмѣстѣ съ массой глины, песку и камней и костями допотопныхъ животныхъ, погибшихъ во время этого переворота.

Изъ книжекъ также онъ узналъ, что изобрѣтенъ особый инструментъ «микроскопъ», посредствомъ котораго можно различать всѣ каменныя породы и минералы и узнавать, изъ чего они состоятъ, такъ что можно замѣтить присутствіе золота и другихъ цѣнныхъ минераловъ въ такой породѣ, которая для простого глаза не представляетъ ничего замѣчательнаго. Узнавши это, Стожинъ пришелъ въ восторгъ и вообразилъ, что нашелъ ключъ для рѣшенія занимавшаго его вопроса; онъ немедленно выписалъ себѣ за нѣсколько рублей «карманный микроскопъ, увеличивающій въ двѣсти разъ» и, получивши его, потратилъ досуги двухъ лѣтъ на опредѣленіе всѣхъ образчиковъ камней, обратившихъ на себя почему-либо его вниманіе и собранныхъ имъ во время его долголѣтнихъ странствованій по пріискамъ.

Темная іюльская ночь давно наступила. Спитъ Мокрый пріискъ, и невзрачныя строенія его слились съ темнымъ фономъ широкой долины, плоскіе склоны которой тянутся вверхъ къ едва замѣтнымъ вершинамъ гольцовъ, образуя гигантскую мрачную чашу, прикрытую высокимъ колпакомъ небеснаго свода съ его звѣздами, тускло мерцающими сквозь дымку перистыхъ облачковъ.

Спитъ Мокрый пріискъ, и только сквозь ставни стожинской комнаты пробивается свѣтъ. Отпустивъ порцію промывальщикамъ, сосчитавъ по бумажкамъ вечерній расходъ водки и записавъ его, Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ напился чаю и засѣлъ за новую, недавно добытую имъ книжку: «Опредѣлитель минераловъ»; проштудировавъ вступительную главу, онъ отыскалъ отдѣлъ «драгоцѣнные камни и металлы» и за-

тѣмъ досталъ изъ своего сундука небольшую шкатулочку; въ ней хранились его сокровища—образчики камней и породъ, тщательно занумерованные и завернутые въ бумажки, микроскопъ и сильно засаленная и потертая записная книжка.

Стожинъ развернулъ одинъ образчикъ, на ярлыкѣ котораго была надпись: «Господи благослови! минералъ изъ десятой мѣстности: порошокъ свинцовой руды, подъ микроскопомъ получается видъ мѣстности, изъ которой взятъ. Достоинъ вниманія». Перебравъ еще нѣсколько образчиковъ, онъ остановился на одномъ, ярлыкъ котораго гласилъ: «Господи благослови! минералъ изъ 28-й мѣстности: золото, серебро и изумрудъ. Провѣренъ подъ микроскопомъ».

Развернувъ этотъ образчикъ, столь цѣнный по этикеткѣ, но представлявшій въ дѣйствительности самый обыкновенный гранитъ съ золотистой слюдой, Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ отыскалъ въ записной книжкѣ описаніе 28-й мѣстности: «ключикъ, не имѣющій особаго названія, впадаетъ пятымъ съ лѣвой стороны въ рѣчку Укань-берикань, считая отъ ея устья; падь его не очень крутая и широкая, въ вершинѣ обширная покать, а по окаймляющимъ гривамъ много острыхъ разломовъ, слѣдственно былъ сильный сносъ каменныхъ породъ во время переворота; попадается много кварцеваго валуна какъ въ руслѣ, такъ и по разломамъ; въ 1865 году партія Р. била одинъ шурфъ, но, недобивши за притокомъ воды, бросила. Образчикъ взятъ изъ отваловъ этого шурфа. Подаетъ надежды. Господи благослови».

Прочитавъ эту замѣтку, Стожинъ занялся провѣркой своего перваго ярлыка по новому опредѣлителю и, провозившись часа два, вычеркнулъ на ярлыкѣ слово «изумрудъ» и внизу приписалъ: «по послѣднему изслѣдованію кромѣ золота и серебра содержитъ александритъ—рѣдкій двуцвѣтный минералъ».

Шкатулку съ образчиками и записную книгу Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ берегъ, какъ зѣницу ока, и не показывалъ никому—въ нихъ заключались всѣ его сокровища, всѣ надежды на лучшее будущее, лелѣянныя имъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Онъ давно уже пришелъ къ убѣжденію, что поиски новыхъ розсыпей ведутся совершенно зря, на авось: партіи бьютъ шурфы, не руководствуясь никакой системой, и натыкаются на золото случайно, истративъ на безсмыслен-

ные поиски много времени и средствъ. И онъ задумалъ показать невѣжественному таежному міру, какъ и гдѣ нужно искать золото, на основаніи данныхъ науки; но, къ сожалѣнію, среди золотопромышленниковъ, какъ и среди ихъ служащихъ, Стожинъ давно уже слылъ полуномѣшанным, и его указаніямъ и совѣтамъ не придавали никакого значенія; поэтому оставалось только повести правильные поиски, составивъ собственную развѣдочную партію.

Но чтобы повести на поиски свою партію, нужно было не мало денегъ, и вотъ Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ уже лѣтъ пятнадцать копилъ, откладывалъ копѣйку за копѣйкой изъ своего скуднаго жалованья; еще нѣсколько лѣтъ—и можно будетъ приступить къ дѣлу, начать поиски въ намѣченныхъ имъ шестидесяти мѣстностяхъ, и успѣхъ не заставитъ себя ждать.

Кромѣ задѣтаго самолюбія не малую роль въ замыслахъ Стожина играло желаніе сдѣлаться богатымъ и самостоятельнымъ; Стожинъ тѣмъ болѣе не сомнѣвался въ успѣхѣ поисковъ, что когда-то, въ молодости еще, ему нагадала цыганка, что онъ найдетъ свое счастье въ темномъ лѣсу и ни въ чемъ не будетъ нуждаться.

Пять лѣтъ минуло. Стожинъ скопилъ, наконецъ, достаточно денегъ и, бросивъ службу, составилъ партію въ пятнадцать человѣкъ, выбранныхъ имъ изъ числа лучшихъ пріисковыхъ рабочихъ съ обѣщаніемъ попудныхъ въ случаѣ успѣха поисковъ.

Съ начала осени партія Стожина пошла бродить по тайгѣ и бить шурфы въ мѣстностяхъ, отмѣченныхъ имъ въ записной книжкѣ; но уже въ десяти мѣстахъ надежды Стожина не оправдались—пробили по нѣсколько шурфовъ въ каждой долинѣ и не нашли въ нихъ ни одной золотники, которая подзадорила-бы къ дальнѣйшей развѣдкѣ этой долины.

Вчера пришли въ мѣстность № 34-й, въ долину не большого ручья, поросшую густой тайгой, нетронутой ни человѣкомъ, ни пожаромъ, верстахъ въ трехстахъ отъ ближайшаго пріиска; соорудили на скорую руку зимовье и съ слѣдующаго утра заложили нѣсколько шурфовъ.

Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ передъ рабочими еще крѣпился и подбадривалъ ихъ, но его самого уже начинало

охватывать унынiе; была половина ноября, уже выпали порядочные снѣга и съ каждымъ днемъ прибавлялись, морозъ крѣпчалъ, припасы близились къ концу. Стожинъ, вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ, положилъ крайнiй срокъ для поисковъ—конецъ ноября, и только до этого времени были захвачены припасы; еще недѣля—другая и придется бросить развѣдку и вести рабочихъ въ жилыя мѣста, такъ какъ изъ трущобъ, куда забралась партiя, никто, кромѣ Стожина, не съумѣлъ-бы выбраться. Продолжать поиски, запасшись припасомъ, нечего было и думать; той долиной, куда теперь пришла партiя, оканчивалось число отмѣченныхъ въ книжкѣ Стожина примѣчательныхъ пунктовъ въ этой части тайги, и пришлось-бы двигаться въ противуположную сторону отъ пріисковъ, опять верстъ за двѣсти и больше, въ глухiе углы, куда и самъ Стожинъ едва-ли нашелъ-бы дорогу по засыпанной глубокими снѣгами тайгѣ.

Все это Стожинъ успѣлъ передумать не разъ за послѣднюю недѣлю; передъ нимъ рисовалась перспектива плачевнаго возвращенiя съ неудавшихся поисковъ, на которые онъ пошелъ, торжествуя заранѣе побѣду; и вмѣсто того придется отложить новые поиски до будущей осени, а пока опять поступить на какой-нибудь пріискъ, чтобы напрасно не проживаться, не уменьшать еще капиталъ, остающiйся послѣ первой развѣдки.

Сильно страдало и самолюбiе Ксенофонта Ксенофонтовича: почему эта неудача? по записной книжкѣ нѣкоторыя изъ развѣданныхъ долинъ имѣли отмѣтку весьма благонадежныхъ или замѣчательныхъ, и подъ микроскопомъ каждый соотвѣтствующiй камешекъ имѣлъ въ своемъ составѣ золото; неужели-же микроскопъ показываетъ не то, что есть? или-же онъ, Стожинъ, не умѣетъ съ нимъ обращаться, и всѣ прочитанныя книжки соврали, а двадцать пять лѣтъ упорнаго труда пропали совершенно даромъ? Значитъ, любой горнякъ, ничего печатнаго не прочитавшiй на своемъ вѣку, кромѣ ярлыковъ на бутылкахъ и табачныхъ коробкахъ, понимаетъ столько-же въ дѣлѣ поисковъ золота, сколько и онъ, считавшiй себя ученымъ?

И Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ спѣшилъ заняться чѣмъ-нибудь, чтобы отогнать эти мучительныя думы, которыя могли повергнуть его въ полное отчаянiе.

Такимъ образомъ мѣстность № 34-й воплощала въ себѣ его послѣднія надежды и до извѣстной степени должна была рѣшить вопросъ: «быть или не быть»; поэтому, хотя всѣ примѣты пади, занесенныя въ книжку, оказались на лицо, Стожинъ захотѣлъ окончательно убѣдиться въ томъ, что это та именно мѣстность, которую онъ посѣтилъ двадцать лѣтъ тому назадъ и нашелъ весьма примѣчательной.

Поэтому, когда рабочіе, пообѣдавши, отправились опять къ шурфамъ, Стожинъ надѣлъ лыжи, закинулъ ружье за плечо и пустился въ путь—на голецъ, который высился бѣлой громадой въ верховьяхъ долины на темномъ фонѣ зимняго неба, сплошь заложеннаго облаками. Придерживаясь русла ручья, давно уже покрытаго льдомъ и занесеннаго снѣгомъ и представлявшаго поэтому ровную дорогу, Стожинъ довольно быстро шелъ вверхъ по долинѣ, по узкому коридору между двумя высокими стѣнами елей, пихтъ и кедровъ, которые протягивали надъ его головой свои косматыя вѣтви, нагруженныя подушками снѣга; мѣстами павшіе великаны, громоздясь другъ на друга, загораждали русло, и приходилось сворачивать въ сторону, подъ темные своды деревьевъ, гдѣ царили уже сумерки, и снѣгъ лежалъ только тонкимъ слоемъ, образуя сугробы лишь тамъ, гдѣ рѣдѣли колонны деревьевъ.

Но вотъ коридоръ становится все уже и уже, вѣтви деревьевъ сплетаются и образуютъ висячіе мосты съ снѣговой настилкой—близка вершина ручья; вотъ и совсѣмъ исчезло русло, разступились колонны, и на широкомъ днѣ пади, подъ снѣгомъ, застыло въ зимнемъ покоѣ болото, откуда вытекъ ручей.

Миновавъ болото, Стожинъ началъ взбираться на пологій склонъ гольца, лавируя между кустами кедроваго стланца, то походившими на гигантскіе бокалы темно-зеленаго стекла, заполненные снѣгомъ, словно бѣлой пѣной игристаго напитка, то разбросавшими свои искривленныя и обугленныя вѣтви, словно ноги гигантскаго паука; въ промежуткахъ изъ подъ снѣга торчали голые прутья березняка, а подъ защитой кустовъ тянулись ряды сугробовъ. Наконецъ исчезли кусты, и нелепа снѣга, слабо волнистая отъ скрытыхъ подъ нею обломковъ розсыпи и подушекъ мха, разстилается передъ глазами и поднимается полого къ высшей точкѣ гольца.

Добравшись до обширной площадки, увѣнчавшей вершину

гольца, Стожинъ присѣлъ на глыбу камня, выдававшуюся изъ подъ снѣга и погрузился въ восторженное созерцаніе панорамы, разстилавшейся вокругъ него и дышавшей мрачной, подавляющей, дикой красотой: горы и тайга, тайга и горы, куда ни упадетъ взоръ; вездѣ тѣснятся другъ на друга пихты и ели, лиственницы и кедры, образуя сплошной покровъ, почти черный на бѣломъ фонѣ снѣга и испещренный безчисленными бѣлыми пятнами; покровъ этотъ стелется по дну широкихъ долинъ, тянется по покатямъ пологихъ склоновъ, взбѣгаетъ на крутые откосы, все выше и выше, смыкаясь на гребнѣ плоскихъ гривъ и увaловъ, окаймляя высокіе гольцы, бѣлые купола которыхъ рѣзко выдѣляются на черномъ фонѣ безконечной тайги, словно блестящая тонзура монаха, бѣлая, какъ слоновая кость, и окруженная кольцомъ густыхъ, черныхъ волосъ, чуть тронутыхъ сѣдиной.

Тайга и эти снѣговые куполы вездѣ и вездѣ; только кое-гдѣ на днѣ широкихъ долинъ извиваются бѣлой лентой русла рѣчекъ, бѣлѣютъ пятна болотъ, на крутомъ склонѣ надъ лѣсомъ выступаетъ утесъ, увѣнчанный шапкой снѣга; а тамъ далеко, далеко, на свинцовомъ фонѣ горизонта, тянется сплошная гряда бѣлыхъ гольцовъ, словно волны невѣдомаго моря, внезапно застывшія и превратившіяся въ льдины; такъ и кажется, что легли эти волны у границы мертвой тайги, что за ними другая страна, другія картины, менѣе подавляющія своей безжизненностью и застывшимъ величіемъ.

Обманъ! если взобраться на гряду этихъ бѣлыхъ волнъ, то и тамъ, за ними развернется опять до границъ новаго горизонта та-же черная тайга, тѣ-же снѣговые гольцы, то-же подавляющее величіе сѣверной лѣсной пустыни. Надъ головой—однообразно-сѣрый тусклый сводъ зимняго неба, подъ ногами—тайга, засыпанная снѣгомъ; ни единаго звука, ни единаго признака жизни.... могильная тишина! Даже сердце замерло въ груди, и лишь въ ушахъ тотъ странный, звонкій гулъ, замѣтный только при полнѣйшей тишинѣ—пульсъ мгновеній, текущихъ въ бездонное море вѣчности. Жалокъ и ничтоженъ человѣкъ—царь природы наединѣ и лицомъ къ лицу съ этой природой, безмолвно подавляющей его своимъ величіемъ.

Долго просидѣлъ Стожинъ, медленно обращая взоры то въ ту, то въ другую сторону; наконецъ онъ встрепенулся и,

вынувъ записную книжку, развернулъ мѣстность № 34-й; на одной изъ страничекъ былъ набросанъ планъ мѣстности, снятый съ этой вершины. Все подходитъ! вотъ обозначена отдаленная гряда гольцовъ; вотъ широкая долина къ сѣверу отъ гольца, развѣтвляющаяся въ верховьяхъ на три пади; вотъ и ручей, на которомъ поставлена развѣдка, и рѣчка, съ которой онъ сливается; и утесы на правомъ склонѣ его долины, прямо надъ развѣдкой, но заслоненные со стороны русла стѣной тайги; вотъ и небольшой голецъ за рѣчкой, ниже устья ручья. И здѣсь, слѣдовательно, должна найтись, подъ глыбой, на которой сидѣлъ Стожинъ, плитка сѣраго камня съ надписью; и дѣйствительно, съ южной стороны глыбы Стожинъ разгребъ снѣгъ и вытащилъ небольшую плитку съ выцарапанными на ней буквами К. К. С. и подъ ними годъ, мѣсяцъ и число его посѣщенія.

— И такъ относительно мѣстности ошибки нѣтъ, дай только Богъ успѣха!—подумалъ Стожинъ и, спрятавъ книжку, сталъ подтягивать ремешки у лыжъ, чтобы пуститься въ обратный путь.

Внезапный порывъ вѣтра налетѣлъ съ сѣвера, обдалъ Стожина своимъ леденящимъ дыханіемъ и взмелъ съ пелены гольца милліоны снѣжинокъ, которыя закружились и заплясали въ воздухѣ; на сѣверѣ, надъ грядой дальнихъ гольцевъ, небо совершенно почернѣло и застывшія волны еще рѣзче выдѣлялись своей молочной бѣлизной. Вершины ближайшихъ гольцевъ задымились, тучи снѣжинокъ, словно бѣлыя ленты, понеслись съ куполовъ, взметенныя вѣтромъ: это легкокрылая волшебница-пурга вспорхнула надъ тайгой, и концы ея кисейной фаты затрепетали въ воздухѣ. Чаще и чаще начали налетать леденящіе порывы вѣтра, черная туча быстро расползалась по небу; стало темнѣть.

Стожинъ началъ спускаться съ гольца, хватаясь за попадавшіеся подъ руки вѣтки, чтобы постоянно сдерживать быстрое скольженіе лыжъ; черезъ полчаса вершина осталась позади, онъ миновалъ болото и опять начался коридоръ русла. Пурга уже бушевала: тучи мельчайшаго снѣга наполняли воздухъ густой мглой, слѣпили глаза и кололи лицо; колеблемыя вѣтромъ вѣтви сбрасывали съ себя свой снѣжный грузъ, накопленный въ тихую погоду, и нерѣдко рыхлыя лавины обдавали Стожина съ головы до ногъ, проникая за во-

ротникъ, гдѣ ледяные ручейки текли по тѣлу, разгорячен-ному утомительнымъ движеніемъ.

Совершенно стемнѣло, и слѣдовало-бы идти потише, сбе-регая силы, а тутъ вѣтеръ подгоняетъ сзади, лыжи то увле-каютъ ноги изъ подъ тѣла, то попадаютъ въ снѣжный су-гробъ или подъ стволъ, скрытый въ этомъ сугробѣ; Стожинъ падалъ, поднимался, бѣжалъ, подгоняемый вѣтромъ, натыкаясь на стволы деревьевъ, попадая въ кусты, снова сколь-зилъ и падалъ; жалобный вой и свистъ пурги сливался съ громкимъ гуломъ лѣсныхъ вершинъ, стряхнувшихъ съ себя снѣжный саванъ—тайга ожила и заговорила.

Верстахъ въ двухъ отъ зимовья Стожинъ окончательно выбился изъ силъ; обильный потъ орошалъ его тѣло, а ды-ханіе пурги обдавало ознобомъ, проникая сквозь теплую одежду.—Отдохнуть-бы нѣсколько минутъ!—эта мысль давно уже преслѣдовала Ксенофонта Ксенофонтовича и, повинуясь ей, наконецъ, онъ свернулъ съ русла въ чащу лѣса, гдѣ глаза его, свыкшись нѣсколько съ темнотой, вскорѣ замѣ-тили убѣжище: громадный кедръ, вывернутый съ корнями во время одной изъ осеннихъ бурь, протянулся вверхъ по пади, и сѣть его корней, съ захваченными ими камнями и почвой, торчала отвѣсно, образуя стѣнку болѣе сажени въ квадратѣ, за которой можно было укрыться отъ вѣтра и снѣга.

Стожинъ не сѣлъ, а скорѣе свалился на мягкое снѣжное ложе и, прислонившись спиной къ неровной поверхности искоря, въ утомленіи закрылъ глаза, и огненные круги за-мелькали передъ нимъ въ темнотѣ; рядомъ съ нимъ опусти-лась волшебница-пурга, прикрыла его своей бѣлоснѣжной фатой, и сладкая дрема сковала его усталые члены.

А тамъ внизу, близъ устья пади, полузасыпанное снѣ-гомъ зимовье пріютилось подъ защитой вѣковыхъ деревьевъ; красный отблескъ изъ его крошечныхъ оконецъ прорѣзывалъ ночной мракъ, и порой вырывались снопы искръ изъ отверстія въ крышѣ и, подхваченные вѣтромъ, смѣшивались съ тол-пой крылатыхъ снѣжинокъ, прорѣзывая мглу волнистыми огненными линіями. То громкіе крики и гулъ смѣшанныхъ голосовъ, то слова пріисковой пѣсни, вытягиваемой пьянымъ

осипшимъ голосомъ, доносились изъ зимовья, покрываемыя воемъ пурги и грознымъ говоромъ лѣса.

Вокругъ костра, пылавшаго на земляномъ полу въ серединѣ зимовья, сидѣли рабочіе стожинской партіи, кто на корточкахъ, кто подославъ зипунъ на полъ или на доски помоста, устроеннаго вдоль стѣнъ; на одномъ изъ зипуновъ разложена была закуска—ржаные сухари, луковицы, куски солонины, вяленаго мяса и копченой рыбы; бутылка съ мутной, бѣлесоватой жидкостью по временамъ переходила изъ рукъ въ руки, и иные прикладывались прямо къ горлышку, другіе наливали себѣ въ чайныя чашки. Хотя въ костеръ подкладывали только сушь, въ виду непогоды, но пелена дыма повисла подъ низкимъ потолкомъ и сѣрой мглой застилала воздухъ; неровное пламя костра сквозь эту мглу освѣщало темныя бревна стѣнъ, красныя и пестрыя рубахи и блузы, потныя лица съ попыхивающими трубками во рту и слезящимися, воспаленными глазами.

Шелъ пиръ-горой, партія праздновала успѣхъ развѣдки!

Часа два послѣ ухода Стожина въ крайнемъ шурфѣ первой линіи, въ глыбѣ смерзшагося рѣчника, оторванной ударомъ кайлы, блеснула крупная золотина; рабочіе давно уже потеряли надежду найти золото и, утомленные тяжелой и безплодной развѣдкой, тянувшейся уже третій мѣсяцъ, только и думали о томъ, какъ-бы скорѣе кончить и выбраться въ жилыя мѣста, поѣсть свѣжаго хлѣба и мяса, выспаться въ теплѣ и попариться въ банѣ; поэтому золотина совершенно поразила обоихъ шурфовщиковъ, и когда одинъ изъ нихъ нагнулся, чтобы поднять ее, другой замѣтилъ недовѣрчиво: «вѣрно камчадалъ» (т. е. сѣрный колчеданъ). Но оказался самородокъ въ нѣсколько золотниковъ вѣсомъ; расколотивъ глыбу, рабочіе нашли еще нѣсколько золотинъ, и тогда радостные крики ихъ огласили безмолвную тайгу, слышавшую съ утра только звонъ желѣза о камень и мерзлую землю и крѣпкую, непечатную брань

На эти крики всѣ рабочіе сбѣжались къ счастливому шурфу, и золотины переходили изъ рукъ въ руки, возбуждая одобрительныя восклицанія:

— Важно, ребятушки!... Оно самое и есть, желанное!... Да и крупное-же—подъемное!... ина съ клона, а ина и съ добраго таракана!—и забористыя словца подкрѣпляли возгласы.

Остальные шурфы были забыты, и дружными усиліями добили счастливый шурфъ до утеса и, выбравъ еще нѣсколько золотниъ, потащили въ мѣшкахъ всю вынутую землю въ зимовье промывать въ чашѣ; успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія: по приблизительному разсчету содержаніе было слишкомъ фунтовое.

Вотъ такъ обрадуется Ксенофонтъ Ксенофонтычъ! — думали рабочіе, поглядывая на горсточку желтаго металла, лежавшую въ деревянной чайной чашкѣ; они знали, какъ истосковался Стожинъ за послѣднія недѣли, видя какъ день уходитъ за днемъ, а одинъ шурфъ за другимъ оказывается пустымъ, и мѣстность за мѣстностью жестоко обманываютъ его надежды.—На послѣднихъ-то порахъ, на-кось, какое богатство привалило; скорѣй-бы шелъ! страсть охота посмотрѣть, какъ ему этотъ желтый чаекъ поглянется!

Но сумерки уже наступали, а Стожина все нѣтъ; закружилась и завыла пурга и загнала въ зимовье рабочихъ, поглядывавшихъ съ нетерпѣніемъ на русло ручья, исчезавшее въ отдаленіи между стѣнами лѣса; нѣкоторые начинали уже высказывать опасенія, что какая-нибудь бѣда случилась съ хозяиномъ, что онъ заблудился; но другіе, знавшіе хорошо опытность Стожина и его одинокія экскурсіи по тайгѣ, успокоили встревоженныхъ.

— Хоть ночью, въ самую темень, а выйдетъ къ зимовью... и погода ему ни почемъ.... не впервой...: голецъ вѣдь далеко, скоро не обернешься!

Чтобы скоротать время ожиданія, твердо помня обѣщаніе Стожина отпустить вина, сколько кто сможетъ выпить, какъ только развѣдка обнаружитъ хорошіе знаки золота, рабочіе рѣшились отпраздновать успѣхъ развѣдки, не дожидаясь хозяина, зная, что онъ не будетъ за это въ претензіи. ..

И безпечно запировала партія въ зимовьѣ....

А кругомъ бушевала пурга, жалобно выла вьюга и безконечная, волнующаяся какъ море, тайга шумѣла и стонала легіонами голосовъ, словно оплакивала кого-то.

Безпечно пили и пѣли рабочіе вокругъ пылавшаго костра, и не въ домекъ никому изъ нихъ было, какое холодное отчаяніе завтра сожметъ въ свои тиски ихъ отрезвившійся мозгъ... не въ домекъ имъ было, что они обречены на ужас-

ную смерть по невольной винѣ того, чье застывшее тѣло покоится подъ кедромъ кедра, прикрытое саваномъ снѣга.... что погибнутъ они одинъ за другимъ отъ холода и истощенія въ безплодныхъ попыткахъ выбраться изъ этой мрачной пустыни-тайги. **Н. Сарминъ.**

Солонечный поселокъ и его минеральный ключъ.

Солонечный поселокъ—одинъ изъ поселковъ Больше-Зерентуйской станицы Нерчинско-Заводскаго округа, лежитъ на тракту изъ Нерчинска въ Нерчинскій заводъ и служитъ почтовой станціей (второй отъ Нерчинскаго завода). Не смотря на такое счастливое положеніе на большой дорогѣ—это ничто иное, какъ очень глухая деревенька, не имѣющая вокругъ себя на цѣлыхъ 30 верстъ ни одного поселенія, если не считать заброшеннаго казеннаго пріиска съ продолжающимъ проживать на немъ кое-какимъ крестьянскимъ населеніемъ и еще одного или двухъ таежныхъ пріисковъ. Приходская церковь и школа (Дучаръ) въ 30-ти в., станичное правленіе (Большой Зерентуй) въ 30-ти в., общественный хлѣбный магазинъ (Лежанкина) въ 30-ти верстахъ. Это едва-ли не единственный примѣръ такой удаленности, такой глуши по всему безконечному московско-сибирскому тракту. Значитъ, на утѣсненіе въ землѣ деревенька, конечно, уже не можетъ пожаловаться. Напротивъ, разныхъ угодій: сѣнокосныхъ, лѣсныхъ и хлѣбопахотныхъ—сколько хочешь. Просторъ и ширь, которыхъ вѣроятно хватило-бы на нѣсколько поселеній для выходцевъ изъ Россіи—переселенцевъ. Про эти просторъ и ширь хорошо знаютъ окрестные жители и ежегодно изъ-за сотенъ верстъ пріѣзжаютъ ставить на солонечныхъ дачахъ сѣно, конечно, за извѣстную плату. Въ прошломъ году сѣнокосныхъ угодій солончане продали больше, чѣмъ на 200 руб., нынче выручили около ста рублей, каковая выручка идетъ на удовлетвореніе общественныхъ повинностей.

Кромѣ одной ближайшей пади, сѣнокосныхъ участковъ солончане между собой даже и не дѣлятъ, а каждый коситъ, гдѣ хочетъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ чуть не каждый сѣнокосный вершокъ земли въ счетъ идетъ. Просторъ и ширь

здѣшнихъ мѣстъ еще болѣе увеличиваются такъ называемыми здѣсь «марями». Это болѣе или менѣе обширныя площади, рѣшительно не годныя ни для пашни, ни для сѣнокоса, а сплошь покрытыя мелкимъ ерникомъ, тальникомъ, осокой и другими высокорослыми дикими травами, болѣе или менѣе кочковатыя и съ постоянными, хотя небольшими и не глубокими, яминами, нерѣдко, съ водой, — площади, годныя единственно только для выпуска, если только онѣ лежатъ вблизи селеній. Особенно замѣчательна Золинская «маря»; она представляетъ огромную поляну въ нѣсколько сотенъ десятинъ или до 15 квадр. верстъ, кругомъ обставленную стѣною лѣса съ двумя-тремя незначительными островками того-же лѣса посреди. Не одну сотню десятинъ занимаетъ также лиственичная маря. Нужно замѣтить, что при отводѣ земель солончанамъ (по 36 десятинъ на душу) такія мари въ счетъ сѣнокосныхъ или хлѣбопахотныхъ угодій не ставились, не шли въ надѣлъ, и, такимъ образомъ, тѣмъ больше еще захватывалось мѣста кругомъ селенія.

Въ деревнѣ всего десятка два-три дворовъ и населенія до 150 душъ обоего пола. Зажиточностію жители-казаки не отличаются, хотя при обиліи угодій и при положеніи на тракту этого и слѣдовало-бы ожидать. Занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и звѣроловствомъ. Первому отчасти мѣшаютъ ранніе заморозки, нерѣдко губящіе хлѣба и заставившіе многихъ выселиться въ другія селенія. Все-таки вся деревня засѣваетъ до 150 десятинъ разныхъ хлѣбовъ, кромѣ гречихи, которая здѣсь почти вовсе не сѣется изъ-за холодовъ. Картофель въ огородахъ тоже нерѣдко гибнетъ, а огурцы и совсѣмъ не родятся. При громадности и просторѣ выгона и сѣнокосныхъ участковъ скотоводству здѣсь слѣдовало-бы процвѣтать, между тѣмъ дѣло обстоитъ далеко не такъ: въ первый-же мѣсяцъ, да и позже, часто телята околѣваютъ отъ поноса, то-ли потому, что кормовыя травы здѣсь очень невысокаго достоинства, то-ли потому, что коровы жрутъ гуджиристую землю. Дѣйствительно, хорошимъ кормовымъ травамъ здѣсь и негдѣ расти: мѣста все сырыя, изобилуютъ множествомъ ключей, а въ нѣкоторыхъ падяхъ въ лѣсу тотчасъ-же встрѣтишь подъ слоемъ моха вѣчный мерзлякъ и даже на самой поверхности въ теченіи лѣта ледъ не всегда успѣваетъ стаять. Даже самыя елани здѣсь «под-

морныя» или «подмористыя», т. е., сырыя, мокрыя. Поэтому господствующія растительныя формаціи здѣсь—это формація лиственичнаго лѣса и формація лугового и торфянаго болота. Степей въ собственномъ смыслѣ слова нѣтъ и прекраснаго востречнаго сѣна, столь высоко цѣнимаго, здѣсь не знаютъ. Такимъ образомъ скотоводству здѣсь далеко до процвѣтанія, и на душу населенія приходится всего не много больше одной головы рогатаго скота и одной лошади.

Немаловажнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ служитъ занятіе звѣроловствомъ, которое, впрочемъ, въ послѣдніе годы стало падать за истребленіемъ звѣрей. Но и теперь еще почти каждый казакъ здѣсь «промышлёный», потому что «промышляетъ», т. е., звѣроловствуетъ. Ежегодно убиваютъ или убивали по нѣскольку сотъ бѣлокъ, сотню-другую хорьковъ, до 200 козуль и по нѣскольку лисицъ, волковъ, медвѣдей, изюбрей и рысей. Въ позапрошломъ году за лѣто перебили до 200 козуль, ранней весной слѣдующаго года, по насту, на коняхъ и на лыжахъ загоняли столько-же козуль, да вдвое больше того передушили ихъ собаки и волки, такъ что въ нынѣшнемъ году, естественно, козуль встрѣчается далеко меньше. Бѣлку сбываютъ отъ 20-ти до 30-ти коп., хорька отъ 50-ти к. до 1 р., медвѣжину отъ 5-ти до 10-ти р., да за медвѣжью жёлчь выручаютъ особо рублей до 10-ти, продавая ее на лекарства знахарямъ и ламамъ.

Кромѣ того деревня получаетъ въ годъ чистыми деньгами за содержаніе трехъ почтовыхъ паръ (четверо мѣстныхъ почтосодержателей) по 890 р. за пару = 2,670 р., да прогоновъ до 700 р., за содержаніе обывательской пары 400 р., междворной пары 180 р., а уплачиваетъ въ годъ подушной подати (29 платежныхъ душъ) и оброку до 25 р., на содержаніе станичнаго правленія до 150 р., за земскую квартиру и поселковому писарю до 100 р., пастуху и прорубщику 70 р., на содержаніе хлѣбнаго магазина и др. 13 р. Такимъ образомъ деревня получаетъ вмѣстѣ съ выручкой засѣнокосныя мѣста больше 4,000 р., а уплачиваетъ меньше 400 рублей.

Изъ натуральныхъ повинностей на деревнѣ лежатъ: исправленіе дороги, подводы подъ проходящія партіи арестантовъ, руга причту и городьба поскотины, прямо пропорціональная количеству однихъ только лошадей у домохозяина. Есть до-

мохозяева и безлошадные, которые нанимаются въ работники на пріиска и, такимъ образомъ, даже столь небольшая деревушка даетъ свой процентъ рабочихъ окружающимъ пріискамъ. Никакихъ кустарныхъ промысловъ въ деревнѣ не существуетъ, нѣтъ даже ни одного «краснà». Нѣтъ, конечно, не только школы, а даже и кабака и хоть какой-нибудь грошовой лавчонки, гдѣ-бы можно было купить спичекъ.

Почти въ трехъ верстахъ отъ деревни по тракту и въ двухъ верстахъ чрезъ небольшую горку лежитъ Солонечный минеральный ключъ. Отличаясь отъ большинства забайкальскихъ минеральныхъ ключей, извѣстныхъ обильнымъ содержаніемъ желѣза, этотъ ключъ принадлежитъ къ такъ называемымъ содистымъ, которыхъ даже и въ Забайкальи не ахти какъ много и въ которыхъ если и есть желѣзо, то присутствіе его, помимо анализа, ничѣмъ не можетъ быть обнаружено, по крайней мѣрѣ не чувствуется на вкусъ и не открывается никакими другими обыкновенными способами. Ключъ лежитъ подъ горкой, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ трактовой дороги, въ широкой пади Уровъ. Невдалекѣ протекаетъ и самая рѣчка Уровъ (не безъизвѣстная якобы виновница зоба у живущихъ по ней)*) саженной или даже двухсаженной ширины, въ которой можно отлично выкупаться. Ключъ, такъ сказать, не установился, не имѣетъ одной опредѣленной головы, изъ которой-бы и билъ ежегодно, а на разстояніи примѣрно пятидесяти саженъ въ одинъ годъ пробивается въ одномъ мѣстѣ, другой годъ въ другомъ, да въ теченіи весны и лѣта даже одного и того-же года перемѣнитъ нѣсколько мѣстъ. Такъ напримѣръ, лѣтомъ н. г., въ первыхъ числахъ іюля, онъ билъ уже на третьемъ мѣстѣ, а съ половины іюля минеральная, болѣе сильная вода стала собираться уже въ четвертомъ мѣстѣ, въ нарочно устроенномъ колодцѣ. Нужно замѣтить, что только въ прошломъ году, на средства горнаго вѣдомства, на мѣстѣ ключа была проведена капитальная глубокая канава въ нѣсколько саженъ длиной и въ одинъ изъ наиболѣе слабыхъ грунтомъ пунктовъ былъ спущенъ срубъ, въ которомъ минеральная вода и держалась все лѣто до морозовъ. Съ наступленіемъ-же весны замерзшая въ колодцѣ вода, какъ и самая почва, конечно, замедлили оттапва-

*) См. статью д-ра Кашина въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. кн. IX и X за 1867 г.

ніемъ въ сравненіи съ открытыми мѣстами прежнихъ выходовъ ключа, и вотъ онъ открылся весной не въ колодцѣ, а въ другомъ мѣстѣ, въ колодецъ-же собралась вода, какъ сказано, уже почти къ концу лѣта, послѣ трехъ перемѣнъ своего выхода изъ почвы. Чтобы заставить минеральную воду съ первыхъ-же дней весны бить ежегодно въ одномъ мѣстѣ, именно въ колодцѣ, для этого, по всей вѣроятности, нужно не давать почвѣ вокругъ колодца промерзать; достигнуть-же этого можно, надо полагать, только устройствомъ надъ колодцемъ теплаго помѣщенія; тогда вода, можетъ быть, не стала-бы вовсе замерзать и такимъ образомъ не переводилась-бы въ колодцѣ даже круглый годъ, что, конечно, могло-бы служить очень важнымъ преимуществомъ этого ключа предъ другими его собратьями. Но можетъ быть это только фантазіи автора, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительностью? Оказывается, что нѣтъ, не фантазіи, и все это, можетъ быть, осуществится даже въ недалекомъ будущемъ. Если же это и фантазіи, то, во всякомъ случаѣ, не авторскія, а именно такъ думаетъ и такъ предполагаетъ поступить самъ хозяинъ ключа, какъ минеральнаго богатства,—горное вѣдомство, уже имѣющее на своихъ рукахъ и благоустроившее ямкунскія и газимурскія минеральныя воды и уже положившее начало благоустройству и настоящаго ключа устройствомъ на немъ колодца, стоившимъ, сказать кстати, не мало и заслуживающимъ, конечно, только спасибо. Если-же само горное вѣдомство почему-либо не возьмется за благоустройство Солонечнаго ключа, то оно безъ сомнѣнія не замедлитъ отдать его въ аренду желающимъ, за которыми, какъ уже положительно извѣстно, дѣло не станетъ. Не прочь взять ключъ въ аренду даже нѣкоторые изъ окрестныхъ капиталистовъ-милліонеровъ и коммерсантовъ, могущихъ, благодаря капиталамъ, поставить дѣло на ногу, если и не на широкую, заграничную, то по крайней мѣрѣ на очень приличную. Дай-то Богъ! И зацвѣтетъ, и прославится тогда въ далекой Дауріи дотолѣ безвѣстный Солонечный поселокъ... то-бишь, новый солонечный курортъ! Въ самомъ дѣлѣ есть не мало условій, выгодно отличающихъ Солонечный ключъ отъ другихъ забайкальскихъ минеральныхъ ключей, условій, на основаніи которыхъ можно предрекать ему блестящую или по крайней мѣрѣ не безызвѣстную будущность.

Во-1-хъ, ключъ этотъ, какъ уже сказано, принадлежитъ къ содистымъ, т. е. если и имѣющимъ, то самое незначительное содержаніе желѣза, а въ такихъ именно ключахъ часто страждущее желудочно-кишечными катаррами человѣчество больше всего и нуждается, и эти ключи, по сравненію съ количествомъ желѣзистыхъ ключей, даже и въ Забайкальи, при огромныхъ разстояніяхъ, далеко не излишни Затѣмъ ключъ будто бы не преизбыточествуетъ и содержаніемъ извести*). Что-же касается цѣлебности, то, вѣроятно, всѣ забайкальскіе минеральные ключи въ той или другой степени, пожалуй, одинаково цѣлебны, только одни (такъ наз. содистые) преимущественно отъ однихъ болѣзней, другіе (желѣзистые) преимущественно отъ другихъ, а третьи (сѣрные, щелочные проч.)—отъ третьихъ. Терапевтическаго дѣйствія разныхъ забайкальскихъ минеральныхъ водъ до сихъ поръ еще никто не изслѣдовалъ. Ни на однихъ водахъ, кромѣ развѣ туркинскихъ, открытыхъ еще въ 1753 г. и эксплоатируемыхъ приказомъ общественнаго призрѣнія уже около столѣтія, да еще развѣ ямкунскихъ**), клиническихъ наблюденій до сихъ поръ не сдѣлано. Большинство (9/10) водъ до сихъ поръ не было даже анализировано, а нѣкоторыя если и были разложены, то уже десятки лѣтъ тому назадъ. Большая или меньшая цѣлебная репутація тѣхъ или другихъ нашихъ минеральныхъ водъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ большаго или меньшаго количества опытовъ пользованія водами, зиждется на передаваемыхъ по преданію примѣрахъ чудеснаго исцѣленія и дѣйствія водъ; такими примѣрами обладаетъ или располагаетъ уже каждый ключъ, которымъ начали пользоваться съ врачебными цѣлями, а въ большемъ или меньшемъ количествѣ,—это смотря потому, давно-ли стали лечиться данными водами. Наконецъ при житьѣ на водахъ еще вопросъ, что больше оказываетъ цѣлебнаго дѣйствія на организмъ—пользованіе ли собственно водами или просто само пребываніе на водахъ, т. е. перемѣна образа жизни, отдыхъ, діэта, прогулка, лѣсъ, свѣжій воздухъ и проч? Итакъ, едва-ли можно сомнѣваться въ цѣлебности Солонечнаго ключа, и если онъ до послѣдняго времени былъ

*) Приблизительный анализъ воды этого ключа, какъ извѣстно, уже былъ сдѣланъ incognito нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

**) Матеріалъ уже будто-бы собранъ и имѣетъ быть изданъ отдѣльной брошюрой.

сравнительно мало извѣстенъ, какъ цѣлебный, если на немъ въ лѣтнее время больные не проживаютъ въ зимовьяхъ, юртахъ и палаткахъ, какъ на нѣкоторыхъ другихъ ключахъ, то на это, конечно, были свои причины (главнымъ образомъ, непостоянство ключа или лучше—его головки), и это ничего не доказываетъ: и на тѣхъ ключахъ когда-то никто не живалъ, и есть десятки ключей, на которыхъ никто не живетъ и теперь. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ Солоначный ключъ былъ вовсе безызвѣстенъ; о немъ, какъ о кисломъ ключѣ, знаютъ уже десятки лѣтъ, все больше и больше начинаютъ имъ пользоваться при болѣзняхъ желудка; иногда на немъ и проживаютъ, а за водой пріѣзжаютъ нарочито изъза многихъ десятковъ верстъ.

Во-2-хъ, положеніе этого ключа на самомъ тракту, всего въ 60-ти верстахъ отъ просвѣщеннаго и богатаго Нерчинскаго завода, также выгодно отличаетъ этотъ источникъ отъ другихъ ему подобныхъ. Мало того, что большинство забайкальскихъ ключей лежитъ, близко-ли, далеко-ли, въ сторонѣ отъ тракта, а нерѣдко въ сторонѣ отъ сколько-нибудь сносной даже проселочной дороги; доступъ къ нѣкоторымъ возможенъ пока только верхомъ по головоломной тропинкѣ, что все-таки не останавливаетъ жаждущихъ исцѣленія.

Затѣмъ, если угодно, въ 3-хъ, ключъ лежитъ вблизи населеннаго пункта, хотя-бы то и очень незавиднаго. Это тоже имѣетъ немаловажное значеніе, въ особенности теперь, когда ключъ не имѣетъ арендатора, который-бы доставлялъ квартиры и провизію. Нѣтъ надобности ютиться въ балаганахъ, юртахъ, палаткахъ,—какую ни-на-есть квартиру можно добыть въ деревнѣ и ходить двѣ-три версты за водой на ключъ, что въ большинствѣ случаевъ можетъ служить только пріятной прогулкой и необходимымъ при употребленіи водъ моціономъ. Нѣтъ также надобности запасаться всевозможной провизіей и завозить съ собой массу вещей,—не гоняясь за большимъ, всегда можно въ деревнѣ найти свѣжее молоко, яйца, свѣжій хлѣбъ и кой-какую незатѣйливую посуду и другія необходимыя вещи. Да и то сказать, что не окончательно отрѣзанъ отъ остальнаго міра, какъ это имѣетъ мѣсто на таежныхъ ключахъ. Возможны сношенія не только почтовыя (чрезъ тайнинское почтовое отдѣленіе), но и телеграфныя чрезъ Нерчинскій заводъ, хотя, впрочемъ, телеграмма,

поданная 3-го августа изъ Нерчинска въ Нерчинскій заводъ почтой въ Солонцы, попала сюда 13-го августа. Это 60-то верстъ почтой она шла 10 дней, тогда какъ посланная почтой прямо изъ Нерчинска она пришла-бы на другой—на третій день. Но, конечно, это простая случайность, которая не можетъ-же повторяться всякій разъ.

Дальше—въ двухъ верстахъ какъ отъ деревни, такъ и отъ ключа—находится цѣлое озерко минеральной воды съ замѣтнымъ содержаніемъ желѣза. Озерко это постоянно въ разныхъ мѣстахъ своей поверхности бурлитъ отъ вырывающагося углекислаго газа. Это сосѣдство, конечно, можетъ служить только къ увеличенію значенія содистаго ключа. Вода озерка тоже легко можетъ быть утилизирована съ врачебными цѣлями и, такимъ образомъ, живя на одномъ и томъ-же курортѣ, можно пользоваться, смотря по нуждѣ, содистой или желѣзистой водой изъ самихъ источниковъ ихъ.

Оба источника расположены вблизи рѣчки Уровъ, могущей отлично служить для купанья, что для проживающихъ на водахъ составляетъ не послѣднее удовольствіе, далеко не на всякомъ ключѣ доступное, гдѣ или рѣчки, можно сказать, никакой нѣтъ, или съ очень холодной, не позволяющей купаться водой, тогда какъ температура воды Урова отъ 12° R утромъ къ вечеру нагрѣвается до 16° R.

Нужно прибавить еще, что въ 35-ти верстахъ отъ Солонечнаго ключа лежитъ минеральный ключъ Ларьгинскій, иначе Золинскій, тоже якобы содистый. Съ каждымъ годомъ этотъ ключъ пріобрѣтаетъ все бо́льшую извѣстность и, не смотря на многія неблагопріятныя условія, привлекаетъ все больше и больше ищущихъ исцѣленія. Лечатся на немъ, главнымъ образомъ, отъ болѣзней глазъ*). Въ сорока-же верстахъ отъ Солонечнаго ключа по тракту, въ направленіи къ Нерчинску, лежатъ уже совсѣмъ въ иномъ родѣ минеральныя воды,—это ямкунскія или газимурскія воды, находящіяся въ вѣдѣніи горнаго вѣдомства, уже давно извѣстныя и благоустроенныя. Сосѣдство этихъ водъ и Ларьгинскаго ключа не только, конечно, не можетъ служить въ чемъ-нибудь помѣхой процвѣтанію Солонечнаго ключа, а, напротивъ, можетъ быть только взаимно желательнымъ, дополняющимъ другъ друга.

*) О Ларьгинскомъ минеральномъ ключѣ была помѣщена особая статья того-же автора въ № 39 „Вост. Об.“. *Прим. ред.*

Такъ, напримѣръ, благодаря сосѣдству ямкунскихъ водъ, врачебная помощь обезпечена и для проживающихъ на Солоначномъ ключѣ, кто-бы имъ ни завѣдывалъ, такъ какъ часто посѣщающему по обязанности ямкунскія воды врачу горнаго вѣдомства приходится проѣзжать чрезъ Солонцы.

Если ко всему перечисленному прибавить еще, какъ ожидается, что Солончный ключъ будетъ дѣйствовать лѣто и зиму, то дѣйствительно онъ имѣетъ, такимъ образомъ, много благопріятныхъ условій для своего процвѣтанія, данныхъ ему природой и положеніемъ. Человѣку остается только воспользоваться этими счастливыми условіями и, конечно, горное-ли вѣдомство или богатые арендаторы, взявшись за эксплоатацію ключа, сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы пособить недугующему и страждущему человѣчеству.

Но увлекшись будущимъ процвѣтаніемъ описываемаго ключа, я почти забылъ про его настоящее. Изъ деревни къ ключу ведутъ, какъ уже сказано, двѣ дороги: одна по тракту, по открытому мѣсту, другая чрезъ горку, лѣсомъ. Пѣшеществіе къ ключу по этой послѣдней составляетъ одну изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ. Воздухъ наполненъ живительнымъ, бодрящимъ ароматемъ лиственницы и благоуханіемъ разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ. По открытымъ полянамъ лѣса роскошная даурская флора разсѣяла, кажется, всѣхъ своихъ представителей, съ весны и до глубокаго лѣта почти съ каждой недѣлей, вмѣстѣ съ постепеннымъ распускапіемъ цвѣтовъ, вилетая все новые узоры въ живой, ни съ чѣмъ не сравнимый зеленый коверъ, устилающій вамъ путь. На зеленомъ фонѣ ковра господствующимъ колеромъ попеременно является то розовый цвѣтъ (Epilobium), то красный (Heolisarum, Pedicolaris), то голубой (Campanola), то желтый (Patrinia), то синій (Scabiosa, Gentiana), испещренные цвѣтками всевозможныхъ другихъ оттѣнковъ. Въ непосредственной близости къ ключу лѣса нѣтъ, но за то деревня кругомъ въ лѣсу. Тотчасъ за огородами начинается лѣсъ, состоящій изъ лиственницы, березы и осины съ разнымъ мелкимъ кустарникомъ, и сразу-же можно попасть въ такую чащу, что нужно только удивляться, какъ это чуть не среди деревни можетъ еще все это сохраняться въ первобытной неприкосновенности, какъ это можно бродить въ тайгѣ, не выходя, такъ сказать, изъ деревни такъ какъ все время слышится

пѣніе пѣтуховъ и лай собакъ. Ягодъ—земляники, костяники, голубицы, брусники, груздей и разныхъ губчатыхъ грибовъ въ лѣсу, какъ говорится, лопатой гребн. Изъ губчатыхъ грибовъ (Boletus) въ огромномъ количествѣ водится здѣсь какой-то особый видъ, похожій въ молодости на обыкновеннаго березовика или осиновика, но не повсюду встрѣчающійся, достигающій фута въ поперечникѣ и никогда не бывающій червивымъ. Здѣсь называютъ его боровикомъ. Въ пищу свѣжимъ употребляютъ его только въ рѣдкихъ случаяхъ (потому что онъ производитъ давленіе), да и то только за неимѣніемъ другихъ. Только съ наступленіемъ осени иногда еще собираютъ этотъ уже засохшій на корню грибъ, обращаютъ въ порошокъ и примѣшиваютъ постомъ къ разнымъ другимъ кушаньямъ. Близость лѣса и обиліе въ немъ ягодъ и грибовъ дѣлаютъ возможнымъ то, что даже маленькіе ребята одни самостоятельно и смѣло разгуливаютъ по лѣсу за сборомъ тѣхъ и другихъ, бѣгая на дню по нѣсколько разъ. Такимъ образомъ со стороны прогулки, свѣжаго, лѣснаго воздуха дѣло на ключѣ обстоитъ не дурно. Не такъ хорошо обстоитъ оно сейчасъ со стороны помѣщенія и содержанія, не смотря на то, что и то, и другое можно имѣть въ деревнѣ. Когда будетъ спросъ, будетъ, конечно, и предложеніе, но сейчасъ квартиру выбирать почти не изъ чего: во всей деревнѣ только четыре домохозяина имѣютъ по двѣ избы или, что почти тоже, по двѣ комнаты. Одинъ изъ нихъ отдаетъ вторую избу подъ почтовую станцію, другой—подъ земскую квартиру. Остается, такимъ образомъ, только два подходящихъ помѣщенія, если, конечно, не считать какого-нибудь угла вмѣстѣ съ хозяевами, или въ амбарѣ, въ банѣ и проч. Тутъ, конечно, ужь не до выборовъ и не до лишнихъ претензій, а приходится довольствоваться тѣмъ, что есть, не смотря, можетъ быть, на нѣкоторыя неудобства и на то, что въ наятомъ помѣщеніи уже безъ того квартируютъ цѣлыя полчища тяжелой артиллеріи и легіоны легкой кавалеріи. Точно также и на счетъ содержанія не все обстоитъ благополучно—многихъ необходимыхъ продуктовъ въ глухой деревенькѣ, конечно, не достать ни за какія коврижки и нужно ихъ привозить съ собой. Но это не бѣда, если извѣстный продуктъ выноситъ перевозку и, вообще, лѣтомъ не портится, а трудно оказывается добыть здѣсь, напримѣръ, мяса: барановъ жители

не держать, бить большую скотину—это значитъ мясо прокасить, а куръ, поросятъ, цыплятъ держатъ очень мало и рѣдко удается купить хотя-бы и за дорогую цѣну. За то молока и его продуктовъ, не совсѣмъ чисто приготовленныхъ и поданныхъ съ очень не пышной пшеничной булкой, сколько угодно. За такую квартиру съ такимъ молочнымъ содержаніемъ, безъ мяса, при своемъ освѣщеніи, чаѣ и сахарѣ берутъ въ мѣсяцъ 20 рублей.

Но я почти ничего не сказалъ еще о самой минеральной водѣ. Да впрочемъ и сказать-то особеннаго ничего не имѣется. Какъ и въ другихъ содистыхъ ключахъ, вода здѣшняго ключа имѣетъ вкусъ слабо кисловатый, нѣсколько щипящій и жгучій, чернилами не отзываетъ и отъ прибавленія ея къ чаю послѣдній не чернѣетъ, по крайней мѣрѣ, тотчасъ-же, какъ это обыкновенно наблюдается у водъ желѣзистыхъ. Въ ямахъ, мѣстахъ своего первоначальнаго выхода изъ почвы, до сбора въ колодецъ вода, хотя изрѣдка и слабо, бурлитъ, отъ чего и мутится; въ колодцѣ, или лучше срубѣ, такъ какъ вода въ немъ стоитъ не глубоко и черпается прямо рукой, этого бурленія или выдѣленія газа, благодаря должно быть большей глубинѣ, не замѣчается вовсе и вода въ немъ чиста, какъ хрусталь. Въ срубѣ температура воды не выше 3° R., а въ ямахъ не бываетъ ниже 5° R. вслѣдствіе, должно быть, болѣе сильнаго солнечнаго нагрѣванія. Ямки требуютъ періодической очистки ихъ отъ песку и илу, что, однако, какъ мы видѣли, не спасаетъ ихъ отъ изсякновенія въ нихъ минеральной воды и трехдневнаго и больше отыскиванія этой послѣдней новаго для себя выхода, новой ямки-головки. Пользуются водой (пьютъ) въ случаяхъ, если желудокъ пищу «не принимать», и вообще при отсутствіи аппетита, а также при болѣзняхъ глазъ (моютъ) и находятъ «дородно».

Г. Стуковъ.

сяцъ съ человѣка. Одинъ бывшій старообрядческій начетчикъ сообщалъ намъ, что очень богатые поповцы такъ вознаграждали его: 5 р. за азбуку, 20 р. за псалтырь, 5 р. за «богословіе», 5 р. за письмо, 5 р. за 4 правила ариѳметики, такъ что весь «курсъ», проходимый, конечно, не въ одинъ годъ, стоилъ 40 р. Въ глухихъ деревняхъ (напр. въ Кони) поселенцы берутъ (9—10 мальчиковъ) по 70—80 к. въ мѣсяцъ съ человѣка, рѣдко 1 р.—Относительно образовательнаго ценза учащихъ нужно замѣтить слѣдующее: 3 учителя городского училища получили образованіе въ учит. институтахъ, 2 преподавательницы прогимназіи въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, (изъ нихъ одна на высш. курсахъ) и 2 по свидѣтельству, 16 сельскихъ учителей въ учит. семинаріяхъ, 1 средняго образованія и 1 имѣетъ свидѣтельство по испытанію*). Если не ошибаемся, въ 6-ти церк.-прих. школахъ преподавали священники, въ 4-хъ діаконы, въ 1 учительница съ гимназич. образованіемъ, въ остальныхъ псаломщики. Такъ какъ духовенство должно работать въ школахъ грамоты и церк.-прих. безъ вознагражденія или съ вознагражденіемъ микроскопическимъ, то это отражается на отношеніи его къ школамъ, навязанномъ ему по мимо его желанія. Преподающіе иногда нанимали постороннихъ лицъ вмѣсто себя, даже поселенцевъ. Напр., въ одной (имисской) школѣ грамоты училъ поселенецъ-католикъ Мартинъ Минкевичъ, а зиму 1892 г. училъ нѣкто 18-ти лѣтній Жабинковъ за 5 р. въ мѣсяцъ (школа получаетъ 59 р. 13 к.). Завѣдующій одной церк.-прих. (сагайской) школой священникъ посѣтилъ ее не болѣе 5—6 разъ въ годъ, такъ что учительница должна была заниматься и Закономъ Божіимъ. Въ старообрядческихъ школахъ учатъ начетчики. Напримѣръ, въ громадной деревнѣ Таскиной существовали 3 такихъ учителя (у каждаго 15—20 учениковъ); одинъ изъ нихъ пьетъ запоемъ; тогда родители учениковъ отправляютъ его въ какую-нибудь сосѣднюю деревню и пріѣзжаютъ за нимъ только по окончаніи запоя. Въ Чезанѣ учительствуетъ одинъ уважаемый въ окрестности старикъ-старовѣръ, которому помо-

*) Необходимо нужно прибавить, что нѣкоторыя школы (шушенская, абаканская, каратузская) положительно нуждаются въ увеличеніи числа учителей, такъ какъ число учащихся въ этихъ школахъ превышаетъ максимальное количество на одного учителя—50 человѣкъ.

гаютъ 2 его дочери, дѣвушки. Въ Бугуртакѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ училъ нѣкій о. Виталій, а теперь его замѣнили «старушки», которыми не совсѣмъ довольны—не могутъ сильно бить дѣтей. «О. Виталій билъ ихъ, какъ коней», говорилъ намъ добрѣйшій старичекъ 80 лѣтъ, амвросіевецъ Могильниковъ, съ которымъ мы нѣсколько дней разъѣзжали по округу,—«безъ битья ничего съ ними (дѣтьми) не подѣлаешь, ничему не научишь». Очевидно, старовѣрческая грамота достается съ великимъ трудомъ. Главнѣйшими учебниками въ старообрядческихъ школахъ являются псалтырь и часословъ («часовникъ»), и главная цѣль этихъ школъ—научить читать по-церковному и отчасти писать и считать. Въ поселкѣ Еловкѣ мы видѣли приходо-расходную книгу, написанную славянскими буквами (цифры, впрочемъ, арабскія). Старообрядцы очень боятся вторженія гражданской печати въ свои школы. Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, земскій засѣдатель г. Яровицкій, разсказывалъ намъ, что однажды онъ вошелъ въ старообрядческую школу, привлеченный жужжаніемъ, исходящимъ оттуда, какъ изъ пчелинаго улья,—и увидѣлъ тамъ человѣкъ 15 мальчиковъ и дѣвочекъ, сидящихъ за длиннымъ столомъ, на концѣ котораго, на особомъ возвышеніи, помѣщался учитель съ традиціонной указкой и розгой передъ собой. Г. Яровицкій подарилъ учащимся нѣсколько экземпляровъ Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, но потомъ узналъ, что учитель изъялъ ихъ изъ употребленія. Таковъ общій характеръ преподаванія въ старообрядческихъ школахъ, напоминающій XVIII и даже XVII столѣтія. Въ громадной деревнѣ Юдиной, населенной молоканами и іудействующими, школы нѣтъ; дѣтей учила временно проживавшая тамъ учительница. Жители намѣревались хлопотать объ открытіи у нихъ министерской школы безъ обученія религіи. Объ учителяхъ-поселенцахъ и ихъ преподаваніи трудно сказать что-нибудь общее, потому что ихъ образованіе, умственныя качества и способы преподаванія весьма различны; можно сказать только, что всѣ они принуждены заниматься обученіемъ дѣтей только въ силу злой необходимости. Учителя министерскихъ народныхъ школъ, въ общемъ производятъ хорошее впечатлѣніе: въ нихъ замѣтна энергія, стремленіе къ дальнѣйшему совершенствованію, любовь къ своей обязанности, интересъ къ ней, словомъ, тѣ качества,

которыя мы рѣдко встрѣчали даже въ преподавателяхъ средней школы. Есть и очень немногія печальныя исключенія: наприм., въ одномъ селѣ учитель слишкомъ любитъ охоту въ ущербъ своимъ прямымъ обязанностямъ, и ученики его научаются читать слишкомъ медленно.—Въ другой школѣ учитель нѣсколько грубъ съ учениками. Если внѣшность учебныхъ заведеній можетъ служить нѣкоторымъ показателемъ интереса къ просвѣщенію въ данной мѣстности, то школы Минусинскаго края даютъ объ этомъ довольно высокое понятіе. Всѣ школы вѣдомства м. и. п. по величинѣ и удобству можно раздѣлить на 3 категоріи: хорошія, среднія и плохія. Школы въ Идрѣ, Беѣ и Таштыпѣ блестятъ яркой новизной. При идринской школѣ заботами учителя, священника и писаря разведенъ очень миленькій садикъ, въ которомъ мы замѣтили барбарисъ, американскую сосну, яблоню и еще что-то не мѣстное; есть приспособленія для гимнастики. Школа въ Беѣ помѣщается въ 3-хъ комнатахъ (собственно для учащихся и школьныхъ пособій); дворъ необъятенъ и въ немъ гимнаст. приспособленія. Таштыпская школа представляетъ обширный и прекрасный домъ съ громаднымъ дворомъ. Школы въ Тесѣ и Курагиной обширны, помѣщаются въ просторныхъ двухъ-этажныхъ домахъ, имѣютъ садики и обширные дворы. Школьное помѣщеніе въ Каратузѣ также производитъ пріятное впечатлѣніе; стараніями мѣстнаго діакона при школѣ разведенъ садъ и огородъ. Ко второй категоріи нужно отнести школы на заводѣ г-жи Гусевой, въ Аскисѣ, селѣ Абаканскомъ, въ с. Ермаковскомъ, въ абаканской инородной управѣ: классныя помѣщенія тѣсноваты, садовъ и огородовъ не имѣется, видна нѣкоторая запущенность. Школы въ Самодуровкѣ, Березовкѣ (поздней осенью 1892 г. выстроена новая) и особенно въ Шушѣ, по справедливости, нужно отнести къ плохимъ. Въ шушенской школѣ (56 уч.) поверхность пола = всего 12,75 к. с. Воздухъ зимой бываетъ до того плохъ, что со многими дѣлается дурно, и даже крѣпкія головы крестьянскихъ дѣтей разбаливаются. Классная комната такъ мала, что зимой, во время перемѣнъ учащіеся толкутся лишь на нѣсколькихъ аршинахъ свободнаго пространства. Все зданіе ветхо, какъ и всѣ надворныя постройки. Земли при школѣ такъ мало, что нѣтъ возможности устроить огородъ. Хотя школа въ абаканской

инородной управѣ снаружи производитъ выгодное впечатлѣніе, но, по справедливости, ее нужно отнести ко второй категоріи: зимой въ ней холодно, съ пола дуетъ, печи сдѣланы плохо; при ней есть и помѣщеніе для пансіонеровъ, но оно очень темно. Нужно, впрочемъ, не упускать изъ вида и того, что послѣдній ея ремонтъ произведенъ на очень небольшія средства. Школа въ Самодуровкѣ ветха и мала О новоселовской школѣ мы не имѣемъ представленія. Церковно-приходскія школы по внѣшности много уступаютъ министерскимъ. Самое лучшее помѣщеніе имѣетъ усть-есинская школа. Моторская школа помѣщалась въ церковной сторожкѣ. Но вполнѣ невозможна сагайская школа, помѣщающаяся въ старомъ домѣ типа казенныхъ поселеній. Зимой въ школѣ ужасный холодъ; ученики читаютъ у печки, а писать иногда совсѣмъ не могутъ: руки коченѣютъ Вентиляціи нѣтъ даже самой первобытной. Зимнихъ рамъ не имѣлось, и когда для освѣженія воздуха открывали окно, то, на стеклахъ сейчасъ-же скоплялся ледъ, и становилось невозможно затворять окно вплоть. Въ полу первой комнаты мы замѣтили такія щели, что въ нихъ видѣлся свѣтъ съ улицы. Словомъ, даже нарочно трудно выбрать худшее помѣщеніе для несчастныхъ 41 мальчиковъ и дѣвочекъ, обреченныхъ на посѣщеніе подобной школы. Помѣщеніе лютеранской школы въ Верхнемъ Суэтукѣ прекрасно: громадный, свѣтлый классъ въ большомъ новомъ домѣ, прекрасное помѣщеніе для учителя; при домѣ громадный садъ.—Обращаясь къ учебнымъ пособіямъ, видимъ что въ большинствѣ министерскихъ школъ часть эта обставлена очень удовлетворительно въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. Школы въ Беѣ, Шушѣ, Теси, Курагиной имѣютъ, кромѣ достаточнаго количества картинъ для наглядnаго обученія, минералогическія коллекціи (изъ минус. музея), нѣкоторые простѣйшіе физическіе приборы, географическія карты, глобусы. Бейская школа имѣетъ коллекцію элементовъ, курагинская—гербарій, содержимый, впрочемъ, довольно безпорядочно, шушенская—электрич. машину и модель паровой. Школы въ Курагиной, Шушѣ, Абаканскомъ, Таштыпѣ, Беѣ, Каратузѣ и еще въ 2—3 мѣстахъ имѣютъ волшебные фонари. Маленькая березовская школа имѣетъ гербарій, энтомологич. и археолог. коллекціи, собранныя, что, пожалуй, всего важнѣе, собственными трудами учителя (быв-

шаго, г. Мальцева) и ученическ. Пособій (кромѣ картинъ) такъ много, что въ нѣкоторыхъ школахъ (Шушь, Тесь, Курагино) они помѣщаются въ нѣсколькихъ шкафахъ. Относительно церк.-прих. школъ ничего подобнаго отнюдь нельзя сказать, потому что лишь въ одной усть-есинской школѣ есть достаточное количество картинъ (преимущественно духовнаго содержанія) и глобусъ, а всѣ прочія очень бѣдны въ этомъ отношеніи. Лютеранскія школы изъ пособій имѣютъ преимущественно картины и всѣ снабжены органами.—Переходя къ вопросу объ учительскихъ библіотекахъ при школахъ, мы встрѣчаемъ въ Минус. округѣ рѣзкіе контрасты: при одиѣхъ школахъ библіотеки довольно обширны, при другихъ ограничиваются только методиками и учебниками. Особеннымъ богатствомъ отличается библіотека шушенской школы: 273 названія въ 493 томахъ на сумму 479 р. 98 к. Намъ пріятно было убѣдиться, что кромѣ спеціальныхъ сочиненій по педагогикѣ, методикѣ и учебниковъ, въ библіотекѣ есть сочиненія по естеств. исторіи, русскіе классики, хотя и нѣтъ Гончарова и Достоевскаго. Въ ученич. библіотекѣ 435 названій, выборъ которыхъ очень удаченъ. На учебныя пособія и книги ассигнуется всего 25 р. въ годъ, такъ что за послѣдніе 2 года прибыло только 10 названій. Тесинская, курагинская и аскизская фунд. библіот. также довольно полны, чего нельзя сказать, наприм., о бейской, усть-абаканской и каратузской. Намъ кажется, что фундам. библіотеки сельскихъ школъ не должны составляться исключительно изъ методикъ и учебниковъ: нужно, въ интересахъ самого педагогическаго дѣла, чтобы общее развитіе учителя прогрессировало, такъ какъ однообразіе жизни въ деревнѣ и умственное одиночество и безъ того дѣйствуетъ неблагопріятно на учителя. Чтобы дать приблизительное понятіе о величинѣ фундам. и ученич. библ., приведемъ нѣсколько данныхъ: въ школѣ на гусевскомъ заводѣ 163 №№ въ фунд. и 338 въ учен., въ бейской 82 №№ въ фундам. и 472 въ ученич. и т. д. Всего въ министерскихъ школахъ округа 7722 названія въ 11,963 томахъ на 6,407 р. Въ 1891 г. пріобрѣтено 1704 назв. на 533 р. Библіотеки при церк.-прих. школахъ въ самомъ жалкомъ состояніи, а при нѣкоторыхъ ихъ нѣтъ совсѣмъ, только въ усть-есинской школѣ 274 назв. въ учен. и 80 въ учительской. При этихъ условіяхъ церк.-

прих. школы едва-ли достигнутъ, чтобы ученики пріобрѣли умѣнье хорошо читать, и рецидивы безграмотности среди бывшихъ учениковъ этихъ школъ естественны и неизбѣжны. — Обращаясь къ интересному вопросу объ отношеніи мѣстнаго населенія къ школѣ, мы должны констатировать печальный фактъ, что полной гармоніи между населеніемъ и школой въ Минусинскомъ округѣ не замѣчается. Сейчасъ мы укажемъ замѣченныя нами причины этого грустнаго обстоятельства. Прежде всего волостныя школы ложатся слишкомъ тяжелымъ бременемъ на крестьянъ, приписанныхъ къ волостямъ селеній; каждая волость, при относительно рѣдкомъ населеніи и довольно значительныхъ разстояніяхъ между деревнями, занимаетъ довольно обширную площадь, такъ что только жители села, гдѣ находится школа, могутъ пользоваться ею безъ новыхъ расходовъ, а жители прочихъ деревень пользуются ею только въ рѣдкихъ случаяхъ: ребенка надо помѣщать гдѣ-нибудь на квартиру, что стоитъ 3—4 р. въ мѣсяцъ, а это ужь трудно крестьянину, особенно въ такой безденежный годъ, какъ 1892. Такимъ образомъ крестьяне de facto лишены возможности пользоваться школой и обязаны только платить школьный налогъ. Отъ этого происходитъ то, что число учащихся не велико въ каждой школѣ отдѣльно, и что крестьяне иногда ропщутъ на школу. На церковно-приходскія школы крестьяне смотрятъ поэтому, какъ на лишній налогъ: нѣкоторыя сельскія общества, обязавшіяся содержать эти послѣднія школы, въ то-же время должны платить и на содержаніе школъ волостныхъ. Сплошь и рядомъ случается, что крестьяне только платятъ на обѣ школы, но ни той, ни другой не пользуются, потому что и духовныя школы находятся не въ каждой деревнѣ. Отъ этого происходитъ чрезвычайная неаккуратность во взносѣ на церковныя школы, такъ что въ началѣ нынѣшняго года епархіальный архіерей обратился даже къ мѣстному губернатору съ просьбой о понужденіи. Кромѣ того, преподающія въ церковныхъ школахъ духовныя лица, обремененныя прямыми служебными обязанностями, не получающія вознагражденія (или очень незначительныя) и къ тому-же не обладающія миссіонерскимъ духомъ, не относятся какъ слѣдуетъ къ занятіямъ въ школахъ и тѣмъ производятъ дурное впечатлѣніе на мѣстное населеніе. Даже всѣ болѣе или менѣе интеллигентные жители

деревень относятся несочувственно къ школамъ этого типа. Другая довольно важная причина крестьянскаго недовольства волостными школами заключается въ томъ, что экзамены назначаются въ нихъ въ самое горячее для крестьянъ время—въ іюнѣ, во время бороньбы. Мальчики 12—13 лѣтъ въ это время очень цѣнны, такъ какъ, вслѣдствіе своей легкости, они не утомляютъ лошадей во время бороньбы, а безъ всадника тутъ никакъ нельзя обойтись. Поэтому родители силошь и рядомъ берутъ дѣтей изъ школъ, не смотря ни на какія убѣжденія со стороны учителей: наприм., въ 1892 г. всѣ 3 выпускные ученика ермаковской школы разошлись, и къ экзамену нужно было ихъ собирать буквально силой, черезъ волостное начальство, но и это оказалось неудачнымъ. Въ интересахъ семействъ учащихся, въ видахъ устраненія одной изъ причинъ розни между семьей и школой, необходимо нужно сдѣлать такъ, чтобы время экзаменовъ не совпадало съ полевыми работами. Ниже мы будемъ говорить, какъ можно-бы устранить это неудобство. Нѣкоторыя министерскія школы округа пользуются сочувствіемъ и поддержкой посторонихъ лицъ; такъ, наприм., курагинская много обязана гг. Девятову и Пашенныхъ, ермаковская—г. Яровицкому, аскизская и усть-абаканская—гг. Кузнецовымъ. Г-жа Кузнецова даже построила прекрасное школьное зданіе въ Беѣ, хотя жители этого обширнаго и зажиточнаго села могли-бы и сами построить свою школу, но, къ сожалѣнію, они недостаточно ясно понимаютъ пользу ученья.—Селькая школа, благодаря несложнымъ условіямъ сельской жизни, простотѣ деревенскихъ нравовъ, отсутствію формализма, можетъ оказывать гораздо бо́льшее вліяніе, чѣмъ городская, какъ на бывшихъ своихъ учениковъ, такъ и на ихъ родителей. Ея ученики могутъ поддерживать съ ней связь путемъ бесѣдъ съ учителемъ, пользоваться книгами изъ ея библіотеки, посѣщать повторительные курсы. Народныя чтенія и продажа при школѣ народныхъ изданій привлекутъ къ ней и болѣе взрослое населеніе. Къ сожалѣнію, въ Минусинскомъ округѣ школа только еще начинаетъ кое-гдѣ выходить изъ круга чисто учебныхъ, механическихъ функцій. Въ Шушѣ, наприм. бывшіе ученики и ученицы обращаются въ школу за книгами и читаютъ охотно; при этомъ замѣчено, что они преимущественно интересуются тѣмъ, что лежитъ далеко отъ

окружающей ихъ дѣйствительности, отъ злобъ деревенскаго дня. Нѣкоторыя дѣвушки такъ увлекаются чтеніемъ, что ихъ приходится даже останавливать — забываютъ домашнее хозяйство. Бывшіе ученики идринской школы также обращаются за книгами. Въ Идрѣ было устроено 4 народныхъ чтенія, на которыхъ присутствовало человѣкъ по 30 взрослыхъ. Учителемъ идринской-же школы получено было книгъ изъ склада Калмыковой рублей на 15, изъ коихъ въ годъ продано рублей на 10 (максимальная цѣна книги 20 к.). Книги продавались и при тесинской школѣ покойнымъ учителемъ Медвѣдевымъ. Расходились преимущественно религіозныя и историческія книги; молодежь предпочитала беллетристическія. Было-бы очень полезно устроить при каждой министерской школѣ сельскую библіотеку и складъ народныхъ изданій. Въ каратузской школѣ на Рождествѣ 1892 г. устроенъ былъ дѣтскій спектакль, въ курагинской ежегодно устраиваютъ елку; учащіеся поютъ, декламируютъ стихотворенія. При каратузской школѣ, стараніями о. діакона, составился недурной хоръ. О. діаконъ мечталъ даже о пріобрѣтеніи фисъ-гармоніи для школы. Это вполнѣ осуществимо въ зажиточномъ Каратузѣ — Хотя мы присутствовали на выпускныхъ экзаменахъ всего въ 2-хъ школахъ и заставляли читать вслухъ лишь нѣсколько мальчиковъ изъ раньше окончившихъ курсъ, однако считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ читателями результатами своихъ наблюденій. Обученіе ариѳметикѣ достигаетъ желательныхъ результатовъ; только въ интересахъ практической жизни слѣдовало-бы обращать больше вниманія на умѣнье производить вычисленія въ умѣ въ предѣлахъ первыхъ 4-хъ дѣйствій и развить навыкъ дѣлать вычисленія на счетахъ. Въ дѣлѣ изученія Закона Божія не мѣшало-бы обратить больше вниманія на непосредственное знакомство съ Евангеліемъ и на устраненіе излишней книжности въ отвѣтахъ. Вообще, въ данномъ случаѣ важнѣе подѣйствовать на сердце, на чувство учащихся, чѣмъ на ихъ память: внутреннее тутъ важнѣе внѣшняго. Меньшихъ результатовъ достигаетъ изученіе роднаго языка. У учениковъ недостаточно развитъ самый механизмъ чтенія. Это зависитъ отъ того, во-1-хъ, что читаемыя въ классѣ книги не привлекаютъ въ желательной степени вниманія учащихся и внутренній интересъ такимъ образомъ не помогаетъ овладѣ-

вать формой; во-2-хъ, это зависитъ отъ малаго количества времени, употребляемаго на собственно чтеніе. Главный недостатокъ книги для чтенія въ школахъ заключается, такъ сказать, въ ея космополитизмѣ: одна и та-же книга, наприм., какая-нибудь «Первая пчелка» Поливанова или «Родное словое» Ушинскаго—читается и гдѣ-нибудь въ Крыму, и въ Якутской области. Желательны-бы были книги, извлекающія свое содержаніе не только изъ природы и жизни обширной территоріальной единицы, какъ наприм., Сибирь, но отдѣльныя для каждой губерніи, даже для каждаго округа. Тогда-бы учащіеся незамѣтно, мимоходомъ усвоили себѣ множество непосредственно важныхъ и полезныхъ для нихъ свѣдѣній, да и самый механизмъ чтенія, вслѣдствіе бо̀льшей близости, бо̀льшаго интереса сюжетовъ развился-бы гораздо скорѣе. Но такой книги не существуетъ не только для Минусинскаго округа, но даже и для Сибири. Книги объ округѣ, Сибири, Россіи и иныхъ странахъ—вотъ 4 необходимыя для народной школы книги. Если изъ 3-хъ лѣтъ обученія въ школѣ вычесть по меньшей мѣрѣ годъ на праздники и вакаціи, то собственно на ученье останется даже меньше 2-хъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ, конечно, едва-ли можно развить механизмъ чтенія, тѣмъ болѣе, что много времени уходитъ на объясненія, грамматику и диктантъ. Хотя курсъ грамматики въ начальной школѣ очень элементаренъ, она все-таки требуетъ нѣкотораго навыка къ отвлеченному мышленію, чего едва-ли можно ожидать отъ 12—13 лѣтнихъ деревенскихъ ребятъ. Время, употребленное на усвоеніе грамматическихъ формулъ и на болѣе или менѣе неудачное примѣненіе ихъ на практикѣ, гораздо полезнѣе было-бы употребить на развитіе механизма чтенія, на обогащеніе учащихся новыми представленіями и понятіями. Элементарный курсъ грамматики въ начальныхъ школахъ слишкомъ малъ для развитія учащихся съ точки зрѣнія формальной логики и годенъ лишь на то, чтобы препятствовать развитію механизма чтенія и чтенію объяснительному. Между орѳографіей самоучки и орѳографіей окончившаго въ начальной школѣ очень небольшая разница, да и та скоро исчезаетъ отъ времени и забвенія. На орѳографію между тѣмъ учителя обращаютъ большое вниманіе, потому что экзаменаторы хлопочутъ объ этомъ. Заговоривъ объ экзаменахъ, мы опять должны повторить, что назначе-

ніе ихъ въ іюнѣ не цѣлесообразно; если-бы они заканчивались въ декабрѣ, то получались-бы гораздо лучшіе результаты. Въ эти 3 мѣсяца (октябрь, ноябрь, декабрь) выпускные ученики успѣли-бы не только повторить курсъ, но и усвоить знанія, необходимыя для крестьянина: познакомиться вкратцѣ съ географіей и естественными богатствами округа и съ тѣмъ, что во французскихъ écoles primaires élémentaires называется enseignement civique—съ механизмомъ и лѣстницей административнаго устройства округа (важнѣе всего), губерніи, государства, съ главнѣйшими изъ правъ и обязанностей крестьянина и, въ заключеніе, усовершенствоваться въ чтеніи. Тогда и родители охотнѣе позволяли-бы дѣтямъ оканчивать курсъ. Само собой разумѣется, что эти занятія должны сопровождаться нѣкоторымъ добавочнымъ вознагражденіемъ для учителей, такъ какъ должны происходить въ неучебное время—вечерами, по праздникамъ. Время для экзаменовъ—22—23-го декабря. Тремъ преподавателямъ городского училища, обязанымъ присутствовать на экзаменахъ, не зачѣмъ объѣзжать всѣ школы,—для этого достаточно назначить 3 пункта: абаканское для новоселовской и усть-абаканской школы, Тесь для идринской, курагинской и березовской школъ, Шушь для ермаковской, бейской и 2-хъ школъ луговскихъ заводовъ. Такимъ образомъ экзамены отняли-бы у учителей и учащихся не болѣе 3—4 дней. Чтобы покончить съ народными школами Минусинскаго округа, коснемся еще нѣсколькихъ вопросовъ. Было-бы чрезвычайно интересно собрать данныя относительно психологической статистики учащихся, наприм., хотя въ томъ отношеніи, какія представленія имѣются у поступающихъ дѣтей и какихъ нѣтъ у нихъ, что особенно интересно относительно инородцевъ. Съ этими выводами должны были-бы сообразоваться и самые курсы, особенно при объяснительномъ чтеніи. Для этого мы рекомендуемъ вниманію гг. учителей 14 вопросовъ Ланге («Вѣстн. Воспит.» 1892 г. № 2). Данныя относительно нравственной характеристики учащихся были-бы также очень интересны, а теперь мы имѣемъ лишь нѣсколько случайныхъ наблюденій. Бывшій березовскій учитель, г. Мальцевъ, сообщилъ намъ, что его ученики—маленькіе сибиряки—въ общемъ были юрки, шустры, подвижны, но менѣе симпатичны, чѣмъ дѣти новоселовъ-курянъ: послѣднія глубже,

вдумчивѣе. Г. Довгялло, учитель школы на заводѣ г-жи Гусевой, говорилъ намъ, что въ его ученикахъ замѣчается нѣкоторая туповатость, недостатокъ дисциплины; нужно замѣтить, что по большей части это дѣти поселенцевъ и потомки бывшихъ каторжниковъ.—При нѣкоторыхъ школахъ округа разводятся огороды и сады (особенно замѣчателенъ садъ при идринской школѣ). По нашему мнѣнію, эти школьные сады и огороды въ Минусинскомъ округѣ должны имѣть въ виду иную цѣль, чѣмъ въ Россіи: тамъ они должны служить образцовыми, элементарными практическими школами садоводства и огородничества, и имѣютъ цѣлью содѣйствовать поднятію и улучшенію крестьянскаго садоваго и огороднаго хозяйства, продукты котораго находятъ тамъ широкое распространеніе и сбытъ. Не то въ Минусинскомъ округѣ: немногочисленные потребители въ Минусинскѣ, Каратузѣ, Лугавскихъ заводахъ и безъ того совершенно обезпечены въ огородныхъ продуктахъ; въ общемъ, вкусы не развиты, потребности ограничены; кромѣ того, занятіе исключительно земледѣліемъ выгоднѣе и привычнѣе для крестьянъ. Такимъ образомъ въ чисто практическомъ смыслѣ сады и огороды при школахъ безполезны. Иное дѣло, если устройство садовъ, цвѣтниковъ будетъ имѣть въ виду ознакомленіе учениковъ съ общими законами растительной жизни, развитіе въ нихъ эстетическаго вкуса, а уже потомъ сообщеніе практическихъ свѣдѣній; наконецъ, если работы въ саду и огородѣ будутъ имѣть цѣлью привить къ учащимся любовь и уваженіе къ растительному царству, особенно къ деревьямъ, чѣмъ хотя немного парализуется безцѣльное и безжалостное лѣсопстребленіе, которое практикуется въ Минусинскомъ округѣ. Сообразно съ этими задачами и нужно устраивать въ округѣ школьные сады и огороды.

Исчерпавъ вопросъ о школахъ округа, познакомимся съ періодическими изданіями, получавшимися въ округѣ въ 1892 г. (до 1-го іюля). Исключая всѣ обязательныя изданія, мы получаемъ слѣдующія данныя: духовныхъ 73 экземпляра (Воскресн. наст. 3, Воскр. день 2, Пастырск. собесѣдн. 1, Церк. Вѣсти. 18, Руков. для сельск. пастырей 5, Кормчій 4, Христ. чтеніе 8, Рус. паломн. 7, Братское слово 11, Душеспас. собесѣдн. 9, Наставл. и утѣш. св. вѣры 4, Воскр. чтеніе 1); юридическихъ 6 (Судебн. газ. 3, Юрид. Вѣсти.,

Юрид. лѣтопись и Журн. гражд. и уголовн. права по 1); медицинскихъ 17 (Новости терапіи, Врачъ и фельдшеръ по 3, Вѣстн. судеб. медиц. и Рус. медиц. по 2, Вѣстн. общей ветерин., Архивъ ветерин. наукъ, Фармацевтъ и акушерка по 1); педагогическихъ 9 (Рус. школа 2, Рус. нач. учитель 1, Читальня народн. школы 6), сибирскихъ 109 (Ирк. Губ. Вѣд. 2, Томск. епарх., Забайк. области. вѣдомости и Извѣстія ирк гор. думы по 1, Сиб. Вѣстн. 77, Вост. Обозр. 11, Енис. Лист 10, Сиб. Лист. 4, Владивостокъ 2); иллюстрированныхъ 162 (Нива 65, Родина 51, Царь-Колоколъ 14, Живописное Обозр. 12, Сѣверъ 11, Вокругъ Свѣта 7, Звѣзда и Моск. иллюстр. газ. по 1); журналовъ 51 (Сѣв Вѣстн. 2, Наблюдатель 2, Вѣстн. Евр. 3, Недѣля 20, Рус. Мысль 15, Вѣстн. иностр. литер. 5, Рус. Богатство 2, Колосья и Рус. Вѣстн. по 1); серьезныхъ газетъ 20 (Новости и Правда по 1, Нов. Время 3, Рус. Жизнь 2, Рус. Вѣд. 13); дешевыхъ газетъ 74 (Сельск. Вѣст. 53, Свѣтъ 14, Лучъ 4, День 3); сельско-хозяйственныхъ 6 (Охотн. газ. 2, Природа и Охота 3, Земледѣльческ. газ. 1); техническихъ 28 (Ремесл. газ. 2, Вѣстн. золотопром. 22, Технич. сборникъ, Развѣдчикъ, Фотогр. Вѣстн. и Горнозав. Лист. по 1); историческихъ 6 (Истор. Вѣстн. 4, Рус. Старина 2); юмористическихъ 7 (Будильникъ и Стрекоза по 3, Осколки 1); дѣтскихъ 3 (Задуш. Слово 2, Игрушечка 1); модныхъ 5 (Рус. Базаръ 3, Моди. Свѣтъ 2); военныхъ 2, смѣси 23, польскихъ 19, нѣмецкихъ 13, финскихъ, латышскихъ, эстонскихъ 11, французскихъ 5. Всего 650 экз въ 95 русскихъ названіяхъ. Пересматривая списокъ періодическихъ изданій, мы замѣчаемъ, что количество юридическихъ изданій (6) вполнѣ достаточно для сибирскаго округа; то-же можно сказать и о духовныхъ (73), если предположить, что подобнаго рода изданіями интересуются только духовныя лица. Количество медицинскихъ изданій (17) даже превышаетъ ожидаемое число; количество педагогическихъ (9) очень незначительно, такъ такъ «Читальня народной школы» (6) предназначается исключительно для народнаго чтенія. Изъ сибирскихъ «Сиб. Вѣстн.» (77), изъ иллюстрированныхъ «Нива» и «Родина» имѣютъ обширное распространеніе. Изъ серьезныхъ журналовъ и газетъ предпочтеніе отдается «Рус. Мысли», «Рус. Вѣд.» и «Недѣлѣ». Серьезныхъ консервативныхъ изданій вы-

писывается вообще очень мало. Малое количество модныхъ (5) и юмористическихъ (7) указываетъ на извѣстную степень скромности вкусовъ и на серьезность, дѣловитость населенія, а ничтожное количество историческихъ подтверждаетъ мысль, что сибиряки мало интересуются исторіей. Дѣтьми и ихъ воспитаніемъ въ Минусинскомъ округѣ, повидимому, интересуются очень мало: выписывается только 3 спеціальныхъ дѣтскихъ изданія; мы не замѣтили даже ни одного экземпляра «Вѣсти. Воспит.», столь полезнаго для родителей. Нѣтъ ни одного артистическаго и музыкальнаго изданія. Особенно поражаетъ малое количество техническихъ и сельско-хозяйственныхъ изданій: если изъ 28 первыхъ исключить 23, посвященныхъ золотопромышленности и горныхъ, то останется лишь 5 собственно техническихъ, а собственно сельско-хозяйственныхъ только 1 экземпляръ «Земледѣльч. газеты», между тѣмъ въ округѣ не менѣе 5-ти лицъ состоятъ корреспондентами департ. сельск. хоз. Значительное количество изданій на иностранныхъ яз. (43 съ французск.) объясняется тѣмъ, что въ округѣ есть поляки 1863 г. и колонисты въ вышеупомянутыхъ лютеранскихъ колоніяхъ.—Количество частной корреспонденціи въ округѣ замѣтно увеличивается; вотъ нѣсколько случайно находящихся у насъ данныхъ: черезъ новоселовское почтовое отдѣленіе въ 1891 г. получено 1,931 простыхъ открытыхъ и закрытыхъ писемъ, а только въ 1-ю половину 1892 г.—1,079; черезъ корелинское за эти 2 періода—1,003 и 737; черезъ минус. почт. контору—34,315 и 17,411. Въ нынѣшнемъ году почтовые чиновники сообщали намъ, что имъ уже стало трудно справляться со все усиливающимся напливомъ корреспонденціи. Къ сожалѣнію, это увеличеніе нужно приписать не распространенію грамотности, а напливу переселенцевъ изъ Россіи.—Переходя ко всѣмъ извѣстному минусинскому музею, скажемъ прежде всего, что въ 1892 г. онъ увеличился на 2,239 предметовъ, и что къ 1-му янв. 1893 г. въ немъ было 38,011, такъ распредѣлявшихся по отдѣламъ: 12,913 естеств.-истор., 1211 антроп., 8,337 археол., 2,480 промышлен., 2,496 сельск.-хоз., 7,554 образовательн., 1,590 педагогич., 1,345 нумизмат. и 82 въ лабораторіи. Въ году было не менѣе 6,000 посѣтителей; музей открытъ по субботамъ и воскресеньямъ отъ 11 до 3. На приходъ поступило

724 р. 20 к., израсходовано 705 р. Со стороны мѣстнаго населенія обнаруживалось замѣтное сочувствіе къ музею: дамы, инородцы, крестьяне—всѣ болѣе или менѣе способствовали его процвѣтанію. Добрымъ геніемъ музея по прежнему оставался Н. М. Мартьяновъ, человѣкъ рѣдкой энергіи, удивительнаго трудолюбія и высокаго научнаго духа. Кромѣ г. Мартьянова, опредѣленіемъ предметовъ занимался и г. Адріановъ.

Общественная библіотека при музеѣ увеличилась на 813 названій на сумму 1,255 р. 86 к. На деньги пріобрѣтено только 51 названіе на 124 р. 10 к.; все остальное получено въ даръ; это обстоятельство указываетъ на общее вниманіе къ библіотекѣ. Всего къ 1-му янв. 1893 г. въ библіотекѣ было 11,263 назв. на 21,583 р. 70 к. Изъ болѣе видныхъ отдѣловъ библіотеки упомянемъ слѣдующіе: 715 истор., 1,136 естествен. и антроп., 2,249 беллетр., 606 о Сибири. Къ удивленію, мы не замѣтили педагогич. отдѣла, если только педагогич. сочиненія не включены въ отдѣлъ философ. и психологіи (115 назв.). По рукописному каталогу въ отдѣлѣ филос., психол. и педагог. мы нашли только 46 сочиненій, изъ коихъ чисто педагогическихъ только 16. 41 ученое и образовательное учрежденія высылаютъ въ музей и библіотеку свои изданія. Выписывается 16 період. изд. (ни одного педагогическаго). Подписчиковъ было 471, изъ коихъ учащихся (безплатныхъ) 187. Приходъ библіотеки 315 р. 75 к. (200 р. отъ городской думы, платы за чтеніе 115 р. 75 к.), а расходъ простирался до 538 р. 64 к., такъ что перерасходовано 222 р. 89 к. И такъ, какихъ-нибудь 1,200 р. въ годъ стоитъ содержаніе столь солидныхъ и общеполезныхъ учрежденій, какъ минусинскіе музей и библіотека; фактъ говоритъ самъ за себя, и сообразительный человѣкъ легко сдѣлаетъ соотвѣтствующія сравненія и выводы. — Дѣятельность минусинскаго общества попеченія о начальномъ образованіи видна изъ недавно вышедшаго отчета, составленнаго почему-то сразу за $1^1/_2$ года. За это время (1892 г. и половина 1893 г.) на приходъ поступило 790 р. 64 к., а израсходовано 711 р. 14 к. Къ 1-му янв. 1893 г. капиталъ общества заключался въ 3,258 р. 86 к. Въ 1892 г. было 113 членовъ, а къ 1-му іюня 1893 г. изъ того числа убыло 18, а прибыло 8, такъ что убыло вообще 10. Намъ кажется, что общество не встрѣчаетъ дос-

таточнаго сочувствія среди минусинцевъ, несмотря на рублевый взносъ. Мы отказываемся указать причины этого прискорбнаго явленія; знаемъ только, что въ числѣ членовъ общества нѣтъ ни одного врача, почти нѣтъ членовъ судебнаго вѣдомства, даже нѣтъ, кажется, городского головы.

Въ началѣ 90-хъ годовъ среди сельскихъ учителей возникла весьма симпатичная мысль объ организаціи общества содѣйствія сельскимъ школамъ. Дѣйствительно, наприм., снабженіе сельскихъ школъ библіотеками—предпріятіе весьма полезное, тѣмъ болѣе, что на этотъ предметъ изъ школьныхъ средствъ ассигнуются гроши: въ Шушѣ 25 р., въ Усть-Абаканскѣ 10 р. и т. п. Общество также могло-бы содѣйствовать способнѣйшимъ мальчикамъ продолжать образованіе, но, конечно, не въ городскомъ училищѣ, потому что изъ него нѣтъ дальнѣйшей дороги. Если не щадятъ денегъ и труда на извлеченіе мертвыхъ условныхъ цѣнностей, въ родѣ золота, то извлеченіе изъ темной народной глубины истинныхъ сокровищъ—ума и таланта—дѣло благородное и истинно полезное для общества и государства; иначе наши потомки, по справедливости, будутъ считать насъ дикими и тупыми варварами. Но въ нынѣшнемъ году мы ничего не слышали объ осуществленіи этой мысли, какъ не слышали и объ учительскихъ съѣздахъ, о которыхъ шли толки въ 1892 г. Нѣтъ никакихъ реальныхъ препятствій для осуществленія этихъ съѣздовъ, такъ какъ всѣ школы находятся въ сравнительно небольшомъ разстояніи отъ центральнаго пункта—Минусинска. На этихъ съѣздахъ, которые могли-бы устраиваться во время рождественскихъ каникулъ, учителя могли-бы обмѣняться мыслями, подѣлиться впечатлѣніями, педагогической опытностью, умственно освѣжиться. Словомъ, въ этомъ проектѣ есть одна только польза какъ для личностей учителей, такъ и для ихъ педагогическаго дѣла. Гг. учителя должны пропагандировать идею съѣздовъ сначала въ мѣстной печати, потомъ позаботиться о полученіи формальнаго разрѣшенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ народное образованіе въ Минусинскомъ округѣ будетъ прогрессировать такъ-же быстро, какъ и въ послѣднія 10—15 лѣтъ: естественныя богатства этого края въ связи съ быстро увеличивающимся населеніемъ

и развивающеюся промышленностью представляютъ почву, въ которую просвѣщеніе можетъ пустить глубокіе корни, и которая, даже безъ искусственнаго орошенія, произведетъ со временемъ роскошные цвѣты и плоды.

П. Головачевъ.

Новѣйшія свѣдѣнія объ экспедиціи д-ра Нансэна.

Съ тѣхъ поръ, какъ была прочтена помѣщенная вначалѣ книжки лекція, планъ доктора Нансэна уже началъ осуществляться на дѣлѣ. Не излишнимъ считаю сообщить для читателей новѣйшія свѣдѣнія о ходѣ этого смѣлаго и многообѣщающаго предпріятія.

Еще зимою д-ръ Нансэнъ обратился къ предсѣдательствующему въ отдѣленіи географіи математической Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Александру Александровичу Тилло съ просьбою снабдить его подробными картами сѣвернаго побережья Сибири и помочь ему сообщеніемъ иныхъ, могущихъ быть въ распоряженіи Общества свѣдѣній.

По ходатайству Общества, морское министерство представило въ распоряженіе д-ра Нансэна всѣ изданныя имъ карты сѣвернаго побережья Россіи. Секретарь И. Р. Г. Общества А. В. Григорьевъ послалъ ему записку населенныхъ пунктовъ сѣвернаго побережья Сибири, между устьями Анабары и Колымы, на нѣмецкомъ языкѣ, составленную на основаніи данныхъ, доставленныхъ въ И. Р. Г. Общество средне-колымскимъ исправникомъ, г. Карзинымъ, въ 1883 г. Членъ совѣта И. Р. Г. Общества, контръ-адмиралъ Макаровъ сообщилъ экспедиціи данныя о температурѣ водъ Берингова пролива и прилегающихъ частей Ледовитаго океана. Вмѣстѣ съ тѣмъ контръ-адмиралъ Макаровъ обратился съ письмомъ по поводу экспедиціи доктора Нансэна къ шведско-норвежскому посланнику въ С.-Петербургѣ г. Рейтершёльду (Reuterskiöld). Заимствую это письмо и отвѣтъ на него д-ра Нансэна изъ IV вып. «Изв.» Имп. Рус. Геогр. Общества за 1893 г., гдѣ оно приведено въ переводѣ автора:

«Съ большимъ интересомъ прочелъ я любезно присланный Вами отчетъ о сообщеніи доктора Нансэна «How can the

North Polar Region be crossed». Ознакомившись съ проектомъ доктора Нансэна, я соглашаюсь съ нимъ въ одномъ, главнѣйшемъ пунктѣ, а именно, что если онъ довѣрится движенію льдовъ, то его будетъ двигать черезъ мѣста, до сихъ поръ никѣмъ не посѣщенныя. Понесетъ-ли его поперегъ Ледовитаго океана, какъ думаетъ Нансэнъ, или приблизительно по параллели, какъ мнѣ это кажется, во всякомъ случаѣ его путешествіе обогатитъ науку новыми данными географическими и метеорологическими.

«Докторъ Нансэнъ долженъ знать, что, одинъ или два года спустя послѣ его отплытія, объ его участи начнутъ безпокоиться и что будутъ говорить о необходимости послать на розыски безстрашнаго путешественника. По моему мнѣнію, уже въ 1894 г. слѣдовало-бы послать небольшой крѣпкій палубный барказъ и провизію на землю Франца-Іосифа. Если Нансэнъ войдетъ во льды у Ново-Сибирскихъ острововъ, то его вѣроятно понесетъ къ землѣ Франца-Іосифа. Нельзя поручиться, что кто-либо возьметъ на себя трудъ организовать подобную помощь Нансэну, тѣмъ не менѣе было-бы не худо условиться теперь-же, чтобы избрать мѣсто на землѣ Франца-Іосифа, гдѣ поставить сигналъ, подъ которымъ Нансэнъ нашелъ-бы указаніе, въ какое мѣсто завезенъ для него барказъ и провизія.

«Чтобы облегчить поиски экспедиціи Нансэна, надо, чтобы онъ со своей стороны принялъ за правило оставлять на своемъ пути какіе-нибудь знаки. Подобно *Jeannette*, корабль Нансэна можетъ быть понесенъ мимо различныхъ острововъ. Было-бы весьма полезно, если-бы Нансэнъ могъ на этихъ островахъ оставлять примѣтные знаки, подъ которыми можно-бы найти свѣдѣнія о пройденномъ пути, о состояніи корабля и о проектахъ дальнѣйшаго слѣдованія.

«Столь рискованное предпріятіе должно внушить другимъ молодымъ и отважнымъ изслѣдователямъ желаніе идти на поиски и поэтому необходимо, чтобы докторъ Нансэнъ, передъ своимъ отправленіемъ, оставилъ-бы всякія возможныя средства, которыя могли-бы облегчить задачу тѣхъ, которые пойдутъ его розыскивать».

Въ отвѣтъ на это письмо контръ-адмиралъ Макаровъ получилъ отъ г. Нансэна нижеслѣдующее письмо (сообщаемъ въ переводѣ контръ-адмирала Макарова):

«Позволяю себѣ выразить Вамъ мою сердечную благодарность за тотъ живой интересъ къ моей экспедиціи, который вы высказали.

«Меня очень порадовало ваше письмо къ послу Рейтерншёльду, въ которомъ, насколько я могу понять, вы соглашаетесь со мною по вопросу о теченіяхъ и состояніи льдовъ въ Полярномъ океанѣ.

«Какъ вы замѣчаете, мы, можетъ быть, попадемъ на берега земли Франца-Іосифа или на земли, лежащія немного болѣе на востокъ. Всюду, гдѣ мы будемъ въ состояніи подойти къ берегу, я думаю оставлять сторожки, въ которыхъ буду помѣщать извѣстія объ экспедиціи, съ указаніемъ, что сдѣлано ею и что предполагается исполнить. На верху сторожекъ мы поставимъ, если это будетъ возможно, шестъ со знакомъ (вѣроятно маленькій норвежскій флагъ)».

По дошедшимъ до И. Р. Г. Общества слухамъ отплытіе Нансэна предполагалось $^{8}/_{20}$ іюня. Наканунѣ $^{7}/_{19}$ іюня Имп. Рус. Геогр. Общество послало телеграмму д-ру Нансэну съ пожеланіями успѣха великому предпріятію. Отплытіе, однако, нѣсколько запоздало и Fram вышелъ въ море, провожаемый шумными привѣтствіями толпы, собравшейся пожелать счастливаго пути составляющимъ экипажъ новаго судна, 12-ти смѣльчакамъ. Вотъ списокъ спутниковъ доктора Нансэна: *капитанъ Отто Свердрупъ*—командиръ судна, *Сигурдъ-Скоттъ Гансенъ*—лейтенантъ норвежскаго флота, завѣдующій астрономическими, метеорологическими и магнитными наблюденіями, *Генрикъ Блессингъ*—врачъ и ботаникъ, *Клавдіусъ-Теодоръ-Якобсэнъ*—помощникъ его, *Педеръ Генриксэнъ*—гарпунщикъ, *Антонъ Амундсэнъ*—старшій механикъ, *Лэрсъ Петерсенъ*—второй механикъ, *Гельмаръ Іогансенъ*, лейтенантъ норвежской арміи, пока занимаетъ должность помощника машиниста, въ ожиданіи какихъ-либо другихъ занятій, *Бертгардъ Нордгаллъ* завѣдуетъ электрическими снарядами, *Иваръ Отто Иргенсъ Мэгстердъ*—плотникъ и человѣкъ на всѣ руки, *Адольфъ Ювеллъ*—завѣдующій хозяйственной частью.

Дальнѣйшія свѣдѣнія заключаются въ двухъ слѣдующихъ телеграммахъ отъ доктора Нансэна—первая изъ Барлеваага, городокъ не далеко отъ Вардё, на сѣв. запад. берегу Норвегіи, отъ $^{9}/_{21}$ іюля, напечатанная въ Times. Приводимъ ее по

тексту напечатанному въ IV вып. «Изв». Имп. Рус. Геогр. Общества за 1893 г.

Въ англійской газетѣ «Times» напечатана слѣдующая телеграмма д-ра Нансэна отъ 9 (21 іюля) изъ Барлеваага: «Изъ Вардё мы направляемся въ Югорскій Шаръ, гдѣ для насъ приготовлено 30 ѣздовыхъ собакъ*). Затѣмъ прослѣдуемъ вдоль сибирскихъ береговъ до устья Оленека, гдѣ насъ ожидаютъ еще 26 собакъ. Въ концѣ августа надѣемся достигнуть западныхъ береговъ Ново-сибирскихъ острововъ, если только состояніе льда намъ это позволитъ. Судя по послѣднимъ полученнымъ нами извѣстіямъ состояніе льдовъ въ тѣхъ мѣстахъ благопріятное. Затѣмъ мы повернемъ прямо на сѣверъ и будемъ держаться этого направленія, пока не будемъ затерты льдомъ (until we get fast in the ice). Если на дальнѣйшемъ пути встрѣтимъ землю, то будемъ слѣдовать на сѣверъ вдоль ея западныхъ береговъ. Когда-же открытой воды вкругъ насъ не станетъ, мы предоставимъ льду нести наше судно. До сихъ поръ все идетъ хорошо «Фрамъ» прекрасное крѣпкое судно и хорошо будетъ выдерживать давленіе льда; теперь оно глубоко сидитъ, такъ какъ загружено углемъ, но этотъ недостатокъ скоро исправится. Вѣсти о состояніи льда въ Бѣломъ морѣ и морѣ Баренца**) не благопріятны. Тамъ было много льда, но мы надѣемся, что положеніе измѣнилось теперь къ лучшему: состояніе льда быстро мѣняется. Я полонъ надежды; если только мы во время пройдемъ черезъ Карское море, то, я увѣренъ, мы можемъ разсчитывать на успѣхъ».

Вторая отъ 3-го августа ($^{22}/_{10}$ іюля) черезъ 13 дней въ Лондонское Королевское Географическое Общество. Послана она была, уже пройдя Югорскій Шаръ, изъ селенія Никольскаго, откуда она была передана въ Вардё $^{11}/_{23}$ августа и сдана на телеграфъ.

«Здоровье и настроеніе духа у всѣхъ превосходное. До сихъ поръ всѣ довольны путешествіемъ и полны надеждъ на успѣшное окончаніе его. Оставивъ Вардё $^{9}/_{21}$ іюля, мы благополучно

---

*) Собаки заготовлены стараніями д. члена И. Р. Г. О., барона Э. А. Толя, лично озаботившагося еще зимою пріобрѣтеніемъ ихъ, за счетъ г. Нансэна, на Оби, откуда ихъ направили въ селеніе Никольское, на Югорскомъ Шарѣ, кружнымъ путемъ, черезъ Уралъ и село Усть-Цыльму на Печорѣ.

**) Море Баренца—Мурманское море старинныхъ русскихъ картъ—часть сѣвернаго Ледовитаго океана между Мурманскимъ берегомъ и Новой Землей.

прошли до Новой Земли. Единственный непріятный эпизодъ— туманъ и противный вѣтеръ. 13/25 іюля увидали Гусиный мысъ (Qooseland) на Новой Землѣ (72° с. ш.) Geographical Journal-Septemb. 1893 г. откуда мы беремъ это сообщеніе находитъ, что въ этомъ мѣстѣ телеграмма не совсѣмъ ясна. Буквально сказано: «переходъ отъ Норвегіи до Новой Земли благополученъ, только вѣтеръ, туманъ Гусиный мысъ на Новой Землѣ 13/25 іюля; встрѣтили туманъ, противный вѣтеръ; ледъ встрѣтили подъ 69° 50′ с. ш. 50° в. д. Вѣроятное объясненіе этого мѣста Geogr. Journal даетъ такое: Fram былъ отнесенъ отъ своего настоящаго пути противнымъ вѣтромъ и увидалъ Нов. Землю гораздо сѣвернѣе нежели предполагалъ. Уклонившись къ югу Fram въ теченіи двухъ сутокъ сдѣлалъ 150 миль и подъ 69° 50′ с. ш. 50′ в. д. встрѣтилъ ледъ около 10 миль къ с. в. отъ острова Калгуева. Телеграмма сообщаетъ, что путешественники пробились сквозь ледъ и Fram оказался превосходнымъ судномъ для этой цѣли. Югорскаго Шара достигли 17/29 іюля, сдѣлавъ въ два дня 250 миль. Принимая во вниманіе, что Fram вовсе не быстрый ходокъ и что машина его не изъ особенно сильныхъ, нельзя не признать весьма замѣчательнымъ его переходъ по морю, загруженному льдомъ. Судно съ запасомъ угля, которое должно было ожидать экспедицію въ Югорскомъ Шарѣ, не пришло; но имѣя достаточно угля съ собою Нансэнъ рѣшилъ лучше идти 22-го іюля (3-го августа) въ Карское море нежели рисковать потерей времени. Онъ взялъ съ собой 34 штуки превосходныхъ ѣздовыхъ сибирскихъ собакъ, ожидавшихъ его прибытія. Югорскій Шаръ освободился отъ льда 21-го іюня (3-го іюля) и только въ южной части Карскаго моря было не много льда; но и тотъ былъ южнымъ вѣтромъ отбитъ къ сѣверу. Лучшій путь къ востоку, вдоль берега, оказался открытымъ и Нансэнъ считаетъ это очень благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Если положеніе льдовъ не измѣнится къ худшему, то онъ надѣется достигнуть Новой Сибири ранѣе конца августа, а если это случится, то главныя условія успѣха обезпечены. Fram зайдетъ на устье Оленека и, если будетъ время, онъ пошлетъ оттуда свѣдѣнія о себѣ.

Если предположенія д-ра Нансэна осуществятся и онъ не зазимуетъ на Ново-Сибирскомъ архипелагѣ, то, вѣроятно, послѣ извѣстій съ устья Оленека надолго прекратятся всякія свѣдѣнія о немъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано.	Слѣдуетъ.
Въ заглавіи стр.	1	строка	2 св.	*въ Кяхтѣ*	*въ Иркутскѣ*,
				(Таже ошибка и въ оглавленіи).	
„	1	„	4 сп.	онъ, погруженный	онъ погруженъ
„	3	„	15 св.	публикѣ	публику
„	5	„	9 „	побережье;	побережье въ одно лѣто;
„	5	„	15 „	къ полюсу,	къ полюсу",
„	10	„	11 сп.	самая главная	самое главное
„	—	„	7 „	третья	третье
„	—	„	6 „	незначительна	незначительно
„	11	„	2 св.	Гренладіи	Гренландіи
„	11 и 12	„	5 и 10 сн.	Юманъ-хаабъ	Юліанъ-хаабъ
„	13	„	18 „	Кларенъ	Кларенсъ
„	—	„	14 „	анамскомъ	азіатскомъ
„	—	„	1 „	Янъ-Маненъ	Янъ-Маненъ
„	14	„	1 „	діатомей	діатомеи
„	15	„	5 св.	Вега	Веги
„	—	„	12 „	гренладскія	гренландская
„	18	„	19 „	Новую Землю	новую землю
„	22	„	4 „	Кларка Россо	Кларка-Росса
„	—	„	16 „	онъ	Нансэнъ
„	23	„	7 „	Иншефильдъ	Инглефильдъ
„	40	„	3 сп.	отвѣчала-бы	отвѣчали-бы
„	42	„	2 „	Multheilungen	Mittheilungen
„	—	„	— „	Gejellschaft	Gesellschaft
„	46	„	12 св.	розыгриваются	разыгрываются
„	61	„	12 сп.	и выложилъ	и, выложивъ
„	92	„	18 „	къ голову	въ голову

Открыта подписка на 1894 годъ

НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

газету, посвященную изученію Востока и Сибири.

(Тринадцатый годъ изданія).

Въ 1894 году „Восточное Обозрѣніе“ будетъ выходить **три раза въ недѣлю**: по Воскресеньямъ, Средамъ и Пятницамъ. Въ остальные дни будутъ выпускаться бюллетени «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». При газетѣ, въ видѣ приложеній, будутъ выпускаться СБОРНИКИ литературныхъ и научныхъ статей, отъ 2-хъ до 3-хъ листовъ въ мѣсяцъ.

Программа изданія слѣдующая:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.

2) Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія.

3) Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросовъ русской политики на Востокѣ.

4) Обзоръ русской обществ. и провинц. жизни. Хроника событій на вост. окраинахъ.

5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ.

6) Корреспонденціи изъ провинціи, съ русск. окраинъ, изъ Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатск. государствъ и изъ Америки.

7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.

8) Литерат. обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы.

9) Изящная литерат. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.

10) Фельетонъ.

11) Судебная хроника.

12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.

13) Объявленія казенныя и частныя.

Цѣна газеты: за годъ—**8** р., полгода—**5** р., 5 мѣс.—**4** р. **50** к., 4 мѣс.—**3** р. **75** к., 3 мѣс.—**3** р. и за 1 мѣсяцъ—**1** р.

Газета съ приложеніями за годъ **10** р. За бюллетени «Сѣверн. Телегр. Агентства» особо доплачивается **3** р.

Подписка принимается: въ Иркутскѣ, въ конторѣ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія», Харлами. ул. д. Синицыной, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина.

Иногородніе адресуются исключительно: Иркутскъ, ред. «Восточнаго Обозрѣнія.

Издатель Н. М. Ядринцевъ. **За редактора И. Г. Шешуновъ.**